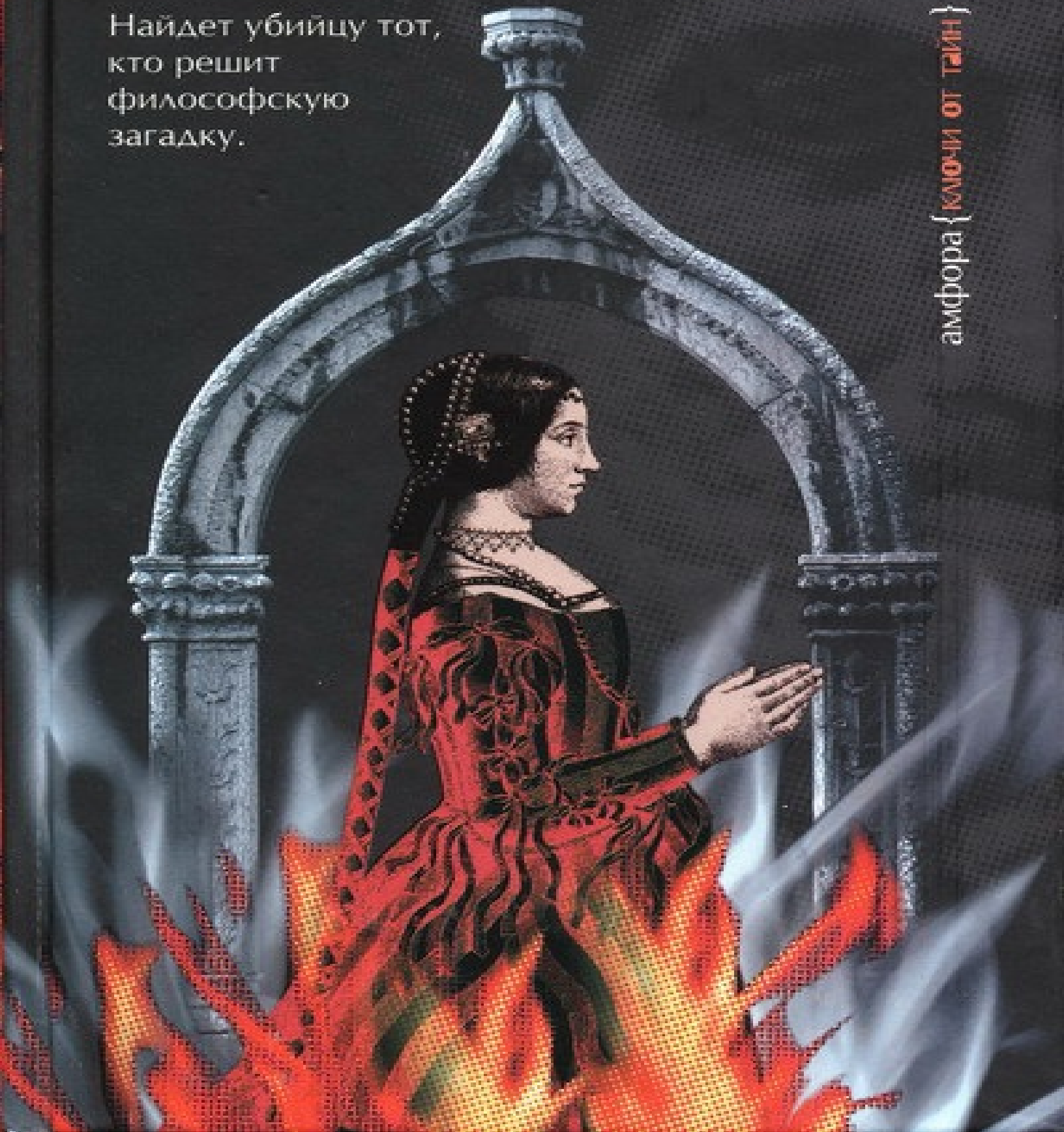

КЛАУДИЯ ГРОС СХОЛАРИУМ

Найдет убийцу тот,
кто решит
философскую
загадку.

амфора {ключи от тайн}

Кельн, 1413 год. В этом городе каждый что-нибудь скрывал. Подмастерье — от мастера, мастер — от своей жены, у которой в свою очередь были свои секреты. Город пестовал свои тайны, и скопившиеся над сотнями крыш слухи разбухали, подобно жирным тучам. За каждым фасадом был сокрыт след дьявола, за каждой стеной — несправедная любовь, в каждой исповедальне — скопище измученных душ, которые освобождались от своих тайных грехов, перекладывая их на сердце священника, внимающего горьким словам.

Город потрясло страшное убийство магистра Кельнского Университета, совершенное при странных обстоятельствах. Можно ли найти разгадку этого злодеяния, окруженного ореолом мистической тайны, с помощью философских догматов и куда приведет это расследование? Не вознамерился ли кто-то решить, таким образом, затянувшийся философский спор? А может быть, причина более простая и все дело в юной жене магистра?

Клаудии Грос удалось искусно переплести исторический колорит средневековой Германии с яркими образами и захватывающей интригой. По своей тонкости, философичности и увлекательности этот интеллектуальный детектив можно поставить в один ряд с такими бестселлерами, как «Имя розы».

Клаудия Грос
«Схолариум»

Посвящается моим родителям

Кёльн, год 1413 от Рождества Христова

В этом городе каждый что-нибудь скрывал. Ученик — от подмастерья, подмастерье — от мастера, мастер — от своей жены, у которой тоже были секреты, даже от собственной матери. Город пестовал свои тайны, и скопившиеся над сотнями крыш слухи разбухали, подобно жирным тучам.

Один прошлой ночью не вернулся домой — возможно, попал в руки разбойников; другого видели пробирающимся тайком по Линтгассе, при этом он бормотал страшные проклятия; третий якобы упал в Рейн, а потом его труп выловили ниже по течению.

Конечно, все знали, что лишь половина того, о чем судачили и во весь голос, и шепотом, соответствует действительности. И тем не менее каждый что-то видел, слышал, чуял нюхом или печенкой.

С тех пор как папа Урбан VI пошел навстречу городу Кёльну, пожелавшему открыть университет, появилась новая тема: факультет. Собственно говоря, об этом никто ничего толком не знал, кроме того, что там дают знания и прилежно их получают. Конечно, в церковных школах и при монастырях тоже учатся, но ведь университет — это совсем другое. Представлялось, что он состоит из огромного скопища ученых, спорящих о том, сколько ангелов может поместиться на шпиле колокольни и не упасть оттуда. Городские советники любили факультет, потому что он пополнял казну и составлял предмет их гордости, но кёльнским бюргерам от господ студентов было ни жарко ни холодно. Уже довольно скоро над факультетом, коллегиумами и схоластиками витали самые диковинные слухи. Одни утверждали, что там якобы делается попытка доказать существование Бога, хотя любому, будь то мужчина или женщина, совершенно ясно, что это не нуждается ни в каких доказательствах. Другие уверяли, что там лишь неверующие, которые используют сие заведение исключительно для сокрытия своего истинного безбожия. И все-таки за факультет ратовал сам Папа. А это, в свою очередь, вызывало новые пересуды. Может быть, господа философы стараются доказать наличие Бога именно потому, что его вообще нет?

При этом каждый житель Кёльна со всем тщанием оберегал свою собственную тайну и мелкую, не заслуживающую особого внимания, и такую, что способна сыграть роль фатума, если ее выставить на всеобщее обозрение. За каждым фасадом сокрыт был след дьявола, за каждой стеной — несправедная любовь, в каждой исповедальне — скопище измученных душ, которые освобождались от своих тайных грехов, перекладывая их на сердце священника, внимающего горьким словам.

Духовные пастыри были истинными мастерами своего дела, потому что они — хотя и могли всего лишь читать молитвы, перебирая четки, — тащили горы этих излиятий домой и каждую тайну хранили как сокровище — правда, при этом пытались поскорее забыть, куда именно его положили. Ведь все эти секреты были отвратительны, подчас смешны, а подчас ужасны. Супруг, обманывающий свою жену и похаживающий к молоденькой служанке, — это так, мелочь. Безобидна и вдова, спутавшаяся с парнем лет на двадцать моложе и похотливо возомнившая, что наступила ее вторая весна. Гораздо более тяжким проступком считалась святотатствующая ересь, в которую по ошибке вдруг впадал беспорочный до того бюргер, сумевший все-таки потом вернуться на стезю добродетели. Весомым грехом были и деяния алхимика, который уверовал, что нашел Бога в вине, хотя каждому известно: в вине

можно найти разве что истину.

Если все обстояло еще хуже, то у отцов-исповедников мертвели уши. Один человек до смерти избил своего друга. Добродетельные жены признавались в неутолимости своих желаний, почтенные мужи не скрывали своих плотских развлечений, — священник призывал и тех и других раскаяться.

Вечером он шел домой, сгибаясь под тяжестью ноши. А на город опускалась мгла, сулившая хоть малую толику мира и покоя. Но видимость была обманчива. С наступлением ночи люди совершали еще более злые поступки. Им казалось, что в колеблющемся свете факелов они незаметны: просто тени, перебегающие от одного темного угла к другому. Большинство убийств совершалось во мраке, точно так же, как и большинство супружеских измен, — все, что нужно свершать тайно и скрытно, осуществлялось под покровом ночи и тумана. Ночь была хранительницей тайн и забирала их с собой в могилу. А утро делало вид, что ничего не знает.

Втянув голову в плечи, не глядя ни налево, ни направо, Лаурьен Тибольд шел по улицам чужого ему города. Правда, несколько лет назад отец брал его с собой в Кёльн и показывал церкви и соборы, городскую стену, ратушу, рынки, — Лаурьен тогда ни на секунду не переставал удивляться. Но сегодня его гораздо больше интересовало, как бы целым и невредимым добраться до схоляриума. Дома, на Нижнем Рейне, ему поведали, что студенты имеют обыкновение подкарауливать новичков и заманивать их к себе, потому что бурсы и коллегиумы не могут похвастаться особым богатством, а каждый новый студент означает пополнение опустевшей кассы. Конечно, у Лаурьена уже было место в схоляриуме, но подобные слухи внушают беспокойство, и он не мог не испытывать страха. А вдруг кто-нибудь заметит, что он собирается учиться, схватит его за рукав и потащит к себе? Но если он и дальше не будет поднимать глаз от булыжников и устилающих улицу досок, он никогда в жизни так и не отыщет свой схоляриум. Ему нужно с чувством собственного достоинства смотреть прямо и делать вид, что у него и мысли нет стать новым членом университета. А если его и правда кто-нибудь спросит, он ответит, что ищет друга.

Перед ним оказался рынок, на который торговцы и крестьяне сгоняли скот. Воняло навозом и мочой, плетки стучали по пыльной, твердой земле, коровы ревели, рыночные торговки пронзительно кричали. Лаурьен робко спросил у одного из торговцев, как пройти на Сант-Геренштрассе, где находился его схоляриум. Человек плеткой показал в сторону нижней части рынка и объяснил, что нужно пересечь Шмирштрассе, пройти мимо больницы и потом все время держаться левой руки.

Лаурьен тихонько поблагодарил. Он снова неосознанно втянул голову в плечи и побрел дальше, согреваемый лучами солнца. «Они могут даже зубы выбить, — нашептывал ему коварный студент на одном из семейных праздников. — А еще они одевают новичка в звериную шкуру, бросают его в воду и заставляют барахтаться до тех пор, пока тот не начнет тонуть, и только потом выуживают из воды». Да, ему придется есть фекалии, запрятанные в паштет, и только проглотив два-три куска, Лаурьен заметит, что попало к нему в желудок.

«Ты не должен верить всему, что рассказывают про студентов. Не бойся, тебя они не тронут, к тому же Домициан замолвит за тебя словечко, об этом я позаботился» — такими словами пытался успокоить Лаурьена отец, когда тот поделился с ним своими опасениями. Младший Тибольд не отличался здоровьем. При первом же купании в холодной воде он подхватит инфлюэнцу, а от фекалий его желудок, видимо, уже никогда не оправится. От одной только мысли о подобных перспективах он покрывался потом. Если все, что рассказывают, правда, то ему не хочется учиться, лучше уж сразу вернуться домой и стать, как отец, простым переписчиком.

Он поднял глаза. Город внушал ему страх. Он ощущал себя бесконечно одиноким, его раздирали противоречивые чувства: безмерный ужас перед неизвестностью и страстное желание учиться. Никто не обращал на него внимания. Звонили колокола, мимо шли люди, женщины кричали друг другу из окон, дети носились по улицам, в колодцах отражались сотни солнц. Пожалуй, следует еще раз спросить дорогу, чтобы почувствовать безграничное облегчение, потому что он уже близок к цели.

Но уже на Шмирштрассе он еще раз очень испугался. Здесь располагались сплошные пивные, грязи тут было еще больше; в отбросах копались нищие, они выуживали кости и

всякую дрянь и совали под нос Лаурьену: «Смотри, какой свиной кострец, жаль, что не осталось ни кусочка мяса, но и на этом можно заработать монету-другую, правильно?»

Высунувшаяся из окна старуха завопила на непонятном для Лаурьена языке, и он пошел быстрее, а вскоре и вовсе припустил бегом, не осмеливаясь спросить, далеко ли еще до цели. Наконец он добрался до маленького переулка. Наверняка это Катценбах, потому что по левую сторону больница, у ворот которой прямо на земле расположилось несколько попрошаек. Свернув налево, Лаурьен слегка расслабился.

Переулок был узкий и грязный, но спокойный. По нему шло всего несколько человек. В самом начале были видны развалины рухнувшего дома. Рядом разместилось неуклюжее строение с узкими зарешеченными окнами и обитой железом дверью. Судя по описаниям отца, это и был схолариум. Лаурьен подумал, что здесь на столы, а возможно, и в головы школяров попадает совсем мало света. Сердце подскакивало аж до самого горла. Прежде чем позвонить, он прислушался. Но внутри было тихо, только со Шмирштрассе до этого мрачного, тесного закутка доносился деловой гвалт. Лаурьен потянул за шнур звонка.

Открывший дверь каноник показался ему просто карликом. Он даже не доставал Лаурьену до плеча. Над худеньким торсом — симпатичное лицо и редкие светлые волосы. Глаза беспокойные, все тело, несмотря на крошечные размеры, в постоянном торопливом движении. Возле рта Лаурьен заметил резкие морщины, а за высоким лбом наверняка таились тяжелые мысли. Мариус де Сверте — так каноник представился Лаурьену — в качестве выборного приора руководил данным схолариумом, направляя свои усилия на сохранение его традиций. И прежде всего он должен был заставлять студентов говорить только на латыни. Он провел Лаурьена по коридорам, показал спальное помещение и рефекториум [2], который одновременно служил и как *paedagogicum* [3] для тех, кому нужно было нагонять учебный материал. Лаурьену было не по себе.

Он не хотел показаться невежливым и старался, отвечая де Сверте, смотреть вниз, но необходимость постоянно наклонять голову очень его смущала. Правда, казалось, что де Сверте нет до этого дела. Он говорил дружелюбно, хотя и весьма категорично; летал по комнатам на своих коротких тонких ножках подобно духу воздуха, демонстрируя то одно, то другое, и создавалось впечатление, что мысли постоянно слегка опережают это хрупкое тельце.

— Зимой мы встаем в пять часов, летом в четыре, потому что лекции начинаются рано, — объяснил де Сверте на латыни, сворачивая в коридоре за очередной угол. — В *sext* [4] *prandium* [5], ближе к *vesper* [6] — села [7]. — Де Сверте остановился и поднял глаза: — К обеду полагается кружка пива. Входная дверь закрывается на ночь *completurium* [8]. Не оговоренное специально отсутствие в ночное время строго запрещено и влечет за собой суровое наказание. Ах да, вот еще что: Фредерико Касалл, один из наших магистров, во второй половине дня будет нагонять с тобой учебный материал за пропущенные месяцы.

К этому моменту они добрались до конца коридора. Де Сверте открыл дверь. Прямо перед ними лежал залитый нежным солнцем сад.

— Для праздного времяпрепровождения возможности здесь практически нет, — объяснил не вышедший ростом приор с пренебрежением в голосе, — но если ты почувствуешь склонность к созерцательности, то имеешь право посидеть в саду или погулять по этим дорожкам. Твой отец был копиистом?

Лаурьен насторожился.

— Да, он был переписчиком.

Что общего между его отцом и склонностью к созерцательности? Мысли карлика, видимо, подобны его жестам: скачут так, что предугадать их невозможно.

— Ты же знаешь, что адвокат фон Земпер, на которого работал твой отец, позаботился о том, чтобы ты мог здесь жить и учиться. Домициан фон Земпер тоже живет в нашем схоляриуме, хотя его отец вполне в состоянии снять для него отдельное жилье. Так что, если у тебя будут вопросы, обращайся к нему. А теперь устраивайся, разбирай свои вещи. Сейчас принесу тебе плащ, такие носят все артисты ^[9]. Ходить без плаща не положено. А в ближайшие дни тебе назначат собеседование.

Чуть позже Лаурьен уже сидел один в мрачной спальне. Он осмотрелся. Пять лежаков, в соседней комнате еще десять, так говорил приор. На стене мятый кусок пергамента с изречением: « *homo res naturalis est*» ^[10].

Лаурьен устал, он был буквально на последнем издыхании: два дня провел в дороге, ночью почти не спал и уже на рассвете заспешил дальше. Ступни горели. Мысли текли медленно и лениво, им очень хотелось отдохнуть. На постели лежал полученный от приора коричневый плащ с поясом и капюшоном.

Лаурьен встал и повесил свой новый наряд на гвоздь. А потом лег на набитый соломой матрац и уставился в узкое зарешеченное окно. Ему не видно было ни неба, ни солнца, только сваленные один на другой камни — целое окно разбитых камней. Остатки соседних руин.

Кто-то осторожно потряс его за плечо. «Наверное, я уснул», — успел подумать Лаурьен, открыл глаза и увидел прямо перед собой парня его лет в темном плаще артиста. Наверняка это Домициан. Лаурьен приподнялся.

Студент сел на единственную имеющуюся в комнате скамейку и подпер голову руками. Его яркие голубые глаза под светлыми локонами смеялись, в них спряталась молчаливая издевка. Он спросил, удалось ли Лаурьену отдохнуть.

— Я еще не совсем пришел в себя, — робко принялся оправдываться Лаурьен, — я пролежал несколько месяцев в лихорадке, потому и не смог явиться вовремя, к началу семестра. А ты Домициан?

— А кто же еще, — ответил собеседник. — Значит, ты произвел на моего отца хорошее впечатление, если уж он так за тебя хлопочет.

— Я учился только в латинской школе, — тихо ответил Лаурьен.

Домициан засмеялся:

— Ну, насколько я слышал, у тебя светлая голова. Что ты хочешь изучать? Юриспруденцию?

Лаурьен покачал головой. Право? Нет, он хотел закончить просто артистический факультет. Освоить семь свободных искусств. *Septem artes liberales* ^[11]. «В этом есть привкус свободы», — сказал ему отец.

— Я бы только хотел доучиться до бакалавра, — пробормотал Лаурьен, понизив голос, как будто сказал что-то неприличное.

Домициан кивнул и встал. Повернулся к окну и уставился на обрушившуюся стену.

— Пропущенное тебе объяснит магистр, а вот что узнал здесь я, больше года проторчав на факультете как попавший в болото бык, это ты узнаешь прямо сейчас. Здесь всё делят и рвут на кусочки, разбирают на части и, если повезет, снова собирают в целое. Чаще всего не

везет, и раскуроченное таким и остается. Ты в курсе, что разделить и разобрать на части можно всё, даже такие вещи, которые существуют только как совокупность? Как будто некто отрывает от тебя руки и ноги, а потом говорит: это нога, это рука, а ты — человек понял, что я имею в виду?

Лаурьен все еще сидел на постели и не сводил глаз с висящего на стене плаща, символа его факультета.

— Ты меня понял?

Лаурьен весь сжался: нет, не понял, да и почему он должен это понимать, ведь он учился только в латинской школе.

Домициан испытующе посмотрел на него. И неожиданно сменил тему:

— Твое прибытие следует отпраздновать, я уже говорил об этом со своим отцом. Он снабдит тебя деньгами. А теперь одевайся. Уже *hora vespera* [\[12\]](#), сейчас ужин, а потом все идут на молебен в часовню Святого Бонифация. Мне нужно торопиться. На этой неделе *hebdomadarius* [\[13\]](#), у меня постоянно куча каких-то дел, сейчас, например, я должен накормить щеглов и поставить свечку перед статуей Святой Девы.

За длинными столами молча ели. Овсяную кашу с миндалем и овощной паштет, к которому полагалась кружка пива. Во главе самого большого стола сидел Мариус де Сверте, старавшийся сдерживать свои нервные подергивания, что давалось ему явно с большим трудом. Рядом, низко склонившись над тарелкой, ел его помощник-надзиратель, жилистый рыжеволосый парень с острыми глазами и бездонным желудком. Ему полагалось следить за студентами. Как раз сейчас чтец читал отрывок из латинского трактата. Лаурьен украдкой осмотрелся. Справа от надзирателя он обнаружил темноволосого Зигера Ломбарди, одного из магистров, который тоже жил в сcholariуме. «Еще совсем молодой, лет двадцать пять», — прикинул Лаурьен; Ломбарди приветливо поздоровался с ним у рефекториума, а потом отошел в сторону, препоручив все остальное карлику де Сверте. На этом скудные познания Лаурьена о собравшихся обитателях сcholariума заканчивались. Служанки уже внесли тарелки и дымящиеся миски. После еды де Сверте поднялся и в честь Лаурьена в очередной раз перечислил все правила.

Согласно оным запрещалось производить шум днем или ночью, петь, входить в сcholariум или выходить из него после закрытия ворот, неприлично вести себя с кухонной прислугой женского пола. Считалось недопустимым играть в карты и кости, недостойным мнилось бросать тень на школяров вообще и приводить в сcholariум женщин...

Перечисление продолжалось довольно долго. С застывшим лицом Лаурьен сидел на жесткой скамье, низко опустив голову. Здесь позволялось спать, есть и учиться, больше ничего. Как и в его латинской школе.

После окончания мессы они должны торчать в своих спальнях. Но и там невозможно чувствовать себя свободным, как «успокоил» его Домициан, потому что приор и надзиратель бесшумно шныряют по коридорам, прикладывая ухо к каждой двери.

После вечерней службы де Сверте взмахом руки подозвал Домициана и поручил заскочить к магистру Касаллу за книгой. Домициан может взять с собой нового студента, добавил он, чтобы тот сразу же представился магистру. Но вернуться они должны не позже чем через час.

Город предоставил в распоряжение Касалла дом возле больницы Святого Андреаса,

довольно близко от схолариума. Они шли быстро, как и велел приор, и добрались до залитого вечерним солнцем здания буквально за четверть часа. Потянули за шнурок от звонка. Никакого ответа. Внезапно кто-то закричал. Оба студента испуганно подняли глаза на закрытые окна, из-за которых через небольшие промежутки времени доносились крики и стоны.

— Это женщина, — прошептал Лаурьен, подойдя ближе к входной двери.

Домициан кивнул:

— Да, это его жена... жена магистра. Не обращай внимания, делай вид, что ничего не слышишь. Сейчас нам откроют, а мы как будто знать ничего не знаем.

И правда, дверь открылась. Служанка предложила студентам войти. Она провела их в кабинет магистра и попросила немножко подождать. После этого шмыгнула обратно на кухню. Лаурьен осмотрелся. На столе было свалено штук двадцать книг. Но сделать несколько шагов, чтобы прочитать названия, он не осмелился, стоял не шевелясь. Снова раздался крик.

Домициан подошел к столу и провел указательным пальцем по обложке:

— Это Цицерон. «De invention» [\[14\]](#). А вон, видишь, — он показал на другую книгу, — «О логике» Боэция [\[15\]](#).

Лаурьен растерянно кивнул. Как только Домициан может делать вид, что ничего не слышит, что понятия не имеет об этих жалобных столах наверху?! А ведь они доносятся как будто с небес! И вдруг стало тихо, а затем раздалась шаги по лестнице над ними, и вскоре дверь открылась.

Перед ними стоял Касалл.

— А, господа студенты, вы пришли за «Оратором». А ты наверняка новенький. Лаурьен, если не ошибаюсь?

Лаурьен весь сжался. У Касалла было восковое лицо, распухшее и напоминающее маску. Кожа словно посыпана белой пудрой. Магистр пристально смотрел на Лаурьена своими черными глазами.

— Я буду преподавать тебе *trivium*: грамматику, риторику, диалектику.

Касалл отвернулся и принялся искать на столе «Оратора», наконец обнаружил его и с многозначительной улыбкой протянул Домициану:

— Глаз с нее не спускай. Обычно ее держат на цепи в библиотеке, как собаку на привязи, — он засмеялся, — а то, что приходится держать на цепи, как правило, таит в себе опасность, потому что умеет кусаться и наносит людям телесные повреждения. А теперь идите.

Они развернулись и вышли из комнаты. Лаурьен все время прислушивался. Криков больше не было.

Как раз в тот самый момент, когда Домициан и Лаурьен оказались на улице, одновременно зазвенели все колокола. От этого трезвона закладывало уши. Две служанки ругались, стоя у дверей, а две монахини с благоговейными песнопениями направлялись в сторону церкви Святого Андреаса. Лаурьен заткнул уши. Его латинская школа располагалась в крошечном городке, а Кёльн, с его деловой суетой и гвалтом, казался ему огромным.

Пока они шли к схолариуму, Домициан все время крепко прижимал книгу к плащу.

— Ну и какое у тебя сложилось о нем впечатление? — Задавая этот вопрос, Домициан не смог удержаться от сарказма.

— О ком?

— О Касалле. Как ты думаешь, он многому тебя научит?

— Не знаю... Домициан... — Лаурьен остановился и схватил спутника за рукав: — Это и правда была его жена, это он жену бил?

Домициан кивнул, и тут вдруг Лаурьен заметил, что в его лазоревых глазах появилась какая-то злая горечь.

— Да. Об этом знают все. Это у него такой способ выявлять, что есть ложь, а что — истина. Но он имеет полное право. Фома Аквинский^[16] говорит о тройном несовершенстве женщины; ее следует правильно воспитывать, потому что у нее есть воля, но нет способности к познанию, как у животных. Понятно?

Лаурьен ничего не понял, и Домициан мрачно добавил, что в Кёльне человек сталкивается с абсолютно новым взглядом на мир. Скоро он и сам это заметит. Лаурьен кивнул. Безусловно, пока еще у него не сложилось собственного представления, но ведь именно поэтому его сюда и послали. Чтобы он научился правильно смотреть на мир.

Чуть позже он беспокойно метался в своей постели и прислушивался к чужому дыханию, в ушах у него все еще гремели звуки прошедшего дня: колокола, крики, голос Касалла. Только теперь он осознал, что этот голос все время звучал у него в голове. Странный голос, всё на одной ноте, — тон, который никогда не меняется.

— Лаурьен? Ты спишь?

К нему повернулся Домициан, кровать которого стояла рядом.

— Нет.

— Когда не можешь заснуть, каждый раз задавай себе вопрос «А чему я сегодня научился?» Это помогает отправить закончившийся день в прошлое. — Домициан натянул одеяло себе на голову.

Лаурьен кивнул, хотя собеседник не мог этого заметить, потому что в комнате было очень темно. А сегодня он научился чему-нибудь, чем можно закончить день? Впечатлений оказалось бесконечно много, они металась в его голове, словно курицы по двору. Нет, сегодня он не научился ничему. Он наконец-то добрался до места, а больше и сказать нечего. И тем не менее Лаурьен почувствовал, как постепенно на него наваливается усталость. А ведь он уже узнал, что пока еще не умеет правильно смотреть на вещи. Лаурьен зевнул и повернулся на бок. А как же правильно смотреть на эти самые вещи?

Студенты ушли. Она сидела совсем тихо. Дрожала и ждала, что будет дальше. Но он не возвращался. Она слышала, как он возится внизу, и неотрывно смотрела на дверь. Если Барбара, служанка, принесла ему бутылку вина, то он сейчас напьется и уснет в кабинете, прямо над своими книгами.

Софи расслабилась. Окна были открыты, снова зазвенели колокола. Она уловила и пение монахинь о чудесных деяниях Христа, который, наверное, забыл, что пока еще существует на свете она, Софи, сидящая на своей кровати в рубашке, пропитавшейся стекающей по спине кровью. От крови ткань стала совсем теплой. Нужно раздеться, потому что пятна не отойдут, если их сразу же не смыть холодной водой. Но Софи продолжала сидеть неподвижно и слушала пение колоколов. Теперь к их трезвону подмешивался посторонний звук Дверной звонок.

Видимо, одна из ее сестер. Хотя Касалл наверняка скажет, что его жена устала и уже легла. Когда начались эти побои и унижения? Она помнила, пусть и очень смутно, что раньше Касалл был хоть и строгим, но добродушным. Но с тех пор прошло два года. Целая

вечность.

На латыни Софи говорила и писала как на родном языке, потому что в юности покойный отец разрешал ей учиться, сколько она захочет. А потом она вышла замуж за Касалла, магистра *septem artes liberales*, который был много старше ее. Когда он уходил на свои лекции или диспуты, Софи привыкла проводить время, читая книги, грудой сваленные на столе в его кабинете. Нередко мужа не было дома с утра до позднего вечера, поэтому читать можно было очень подолгу. Сенека, Цицерон, Аристотель, Порфирий... Вся палитра древних философов от корки до корки, а потом еще комментарии Альбертуса Магнуса ^[17] и Боэция. У Касалла было достаточно книг, чтобы утолить ее жажду знаний. Сначала Софи делала это тайно. Она отмечала закладками места, где у Касалла были открыты книги, и он понятия не имел, как жена проводит свое время. Но однажды вечером он сидел над одним из трактатов и пытался решить философскую задачу. С лупой в руке, низко склонившись над трудом Фомы Аквинского, он бормотал себе под нос, время от времени поднимал глаза, пытаясь ухватить новую мысль, и вдруг, повернувшись к Софи, процитировал на латыни: «Не тот хороший человек, у кого хорошая сила познания, а тот, у кого добрая воля».

Софи замерла. До сих пор он ни разу не обращался к ней на латыни.

— Это вопрос? — осторожно спросила она.

Он настолько погрузился в свои мысли, что даже не заметил, как заговорил с ней. Может быть, решил, что дискутирует с одним из своих студентов.

— Здесь явное противоречие. Слушай: в «*Questiones*» ^[18] о добродетелях вообще Фома Аквинский говорит именно так, но в другом месте утверждает, что интеллект благороднее, чем воля, и тут он близок к Аристотелю.

— Значит, «хорошо» и «благородно» для него не одно и то же, — сказала Софи. — А в чем разница между «хорошо» и «благородно»?

— Ее нет, — удивленно произнес Касалл, как будто не решив, что поразило его больше — слова жены или само противоречие. — Ее нет, — повторил он раздраженно, захлопнул книгу и вышел из комнаты.

С тех пор она читала не таясь. Оставляла в книгах свои закладки и, когда он возвращался, спрашивала, что они сегодня разбирали. Отвечал он кратко и явно недовольно, но никогда не позволял себе грубости. Иногда бормотал, что они читали комментарии или о душе, этим она вполне удовлетворялась и планировала на следующий день прочитать те же самые главы. Но кое-что бросалось в глаза больше, чем оставленные ею закладки: чем дольше она читала, тем лучше могла следовать за ходом его мыслей, и казалось, это отвращает его сильнее, чем тухлая рыба. Однажды он как будто решил ее испытать и задал прямой вопрос, а она почувствовала страшную гордость, даже не догадываясь, что балансирует на канате. Как сомнамбула. Он вернулся к уже упоминавшемуся противоречию между двумя утверждениями Фомы Аквинского и за ужином как бы между прочим сказал:

— Софи, как ты думаешь, что более благородно: сила познания или воля? Сегодня на факультете у нас был диспут, и я думаю, что позиция тех, кто отдает предпочтение познанию, ближе к точке зрения Аристотеля...

Софи опустила глаза:

— Ты знаешь, что я читаю твои книги.

— Конечно. Но ты же и сама хочешь, чтобы я знал. Вот и скажи мне, что ты об этом думаешь.

С сомнамбулической уверенностью она уже давно подбиралась к середине каната. Внизу разверзлась страшная бездна, но Софи все еще не открывала глаза и пребывала в царстве грез. Она подняла голову и улыбнулась:

— Если уж ты хочешь знать, то я думаю, что между познанием и волей должно быть что-то еще.

— Что-то еще? В каком смысле?

— Проблема, что из них более благородно, представляется мне не такой уж и важной. Гораздо больше меня интересует то, что касается существующей между ними связи.

— Ты не ответила на мой вопрос.

— Стремящийся к познанию не должен одновременно иметь еще и волю, чтобы действовать в соответствии с познанием.

— Ага, — пробормотал Касалл и снова вернулся к лежащим на его тарелке лещам: отрезал им хвосты и головы, аккуратно отделил мякоть от костей. — Познание есть движущая сила действия, поэтому оно более благородно, чем воля, — вынес он наконец свой вердикт.

— Если ты познаешь, что женщина обладает всеми мыслимыми преимуществами, тогда ты на ней женишься, правильно?

Касалл панически боялся, что однажды подавится рыбной костью, но ничего не ел с таким удовольствием, как вареную рыбу. Он тщательно сгреб кости на край тарелки, бормоча при этом молитву святому Блазиусу, и лишь потом поднял глаза.

— Но если ты любишь не ее, — продолжала Софи, — а другую, обладающую разве что половиной ее достоинств, ты все равно на ней женишься? Или же любовь приведет тебя к той, которой принадлежит твое сердце?

Произнося эти слова, она заметила, как каменеет его лицо. Именно это и произошло с ним задолго до знакомства с Софи. Он должен был жениться на одной женщине, любя другую. И только предложенный в Кельне пост избавил его от необходимости сделать выбор и положил конец его конфликту с собственной совестью. Но гораздо хуже было то, что в конечном итоге он обратил внимание на то, как Софи выстраивает свои аргументы. Она не имеет права подмешивать в схоластические идеи конкретные примеры из реальной действительности, это все равно что пытаться сравнить кошку с форелью.

— Это и есть то, другое, о чем ты говоришь? — спросил он резко. — Чувства?

Софи кивнула;

— Да, страх, гнев, любовь...

Касалл продолжал жевать, медленно и задумчиво. Крутил языком во рту, проверяя, не притаилась ли где меж зубов рыбья кость.

— Я не хочу, чтобы ты и дальше продолжала читать мои книги, — заявил он вдруг холодным голосом, — я запрещаю тебе. Слышишь? С этим покончено раз и навсегда.

И тут она очнулась. На самой середине каната.

С того самого дня она читала тайком, но, видимо, Касалл проинструктировал служанку, которая тут же поведала ему, что Софи тайком бывает в его комнате. И он начал ее бить, выколачивая из нее знания, буквально ломая ей кости и волю.

Так все началось и этим закончится.

В его комнату она теперь заходила, только получив соответствующие указания. Здесь раскинулась империя запрещенных книг и утраченного уважения к мужу. Она его ненавидела, знала: он не может пережить, что она оказалось ему равной, что она как будто

держит перед ним зеркало, в котором можно лицезреть двух Касаллов, ученого магистра, читающего о метафизике, и жалкого человечешку, которому приходится держать свои чувства подальше от тела, как дьявол должен держаться подальше от креста.

Собеседование Лаурьен проходил на третий день после прибытия в схолариум. Домициан посоветовал ему остановить свой выбор на магистре Конраде Штайнере, потому что он умный человек и объективный, он не отдает предпочтения ни современным, ни традиционным философам, а благосклонно относится к обеим философским школам.

Внешне Штайнер был похож на пророка. Седая борода закрывала грудь, на голове же волос осталось совсем мало. Беседу он проводил в одном из самых больших коллегиумов города, богатая библиотека которого просто потрясла новоиспеченного студента. Штайнер расспрашивал про самые разные обстоятельства, семейные и финансовые, и выяснил, что родом Лаурьен из одного очень хорошо ему знакомого нижнерейнского городка. Он был в курсе, что за Лаурьена хлопотал известный адвокат Мориц фон Земпер, который к тому же выбил для него стипендию. Штайнер проверил серьезность стремления Лаурьена учиться, потому что именно это было целью и смыслом беседы: ему вовсе не хотелось заполучить еще одного студента вроде тех, что переходят с факультета на факультет и проводят время, оставляя Богу Богово и ведя развеселую и полную удовольствий жизнь. Убедившись в твердости намерений молодого человека оказаться достойным звания студента Кёльнского университета, магистр проводил Лаурьена к ректору, у которого ему предстояло принести клятву верности факультету и его уставу. Уплатив в кассу вступительный взнос, Лаурьен наконец получил право называться scholar simplex ^[19] кёльнского артистического факультета.

Со следующего воскресенья началась неделя перед днем святого Иоанна. Все жители этого города знали, что внизу, у реки, есть луг, покрытый цветущим поднимающим настроение зверобоем. Он рос там толстыми пучками, впитывая солнце в свои ярко-желтые цветки. В ночь святого Иоанна целители будут собирать их, чтобы приготовить чудодейственный отвар, уже не раз помогавший избавиться от различных недугов.

В хорошую погоду сюда приходили, чтобы погулять вдоль берега реки и порадоваться, глядя на тучи желтых цветов. Попавший в Кёльн всего три года назад, Касалл согласился пройтись с Софи, которая захватила с собой корзину с фруктами и вином, чтобы можно было подкрепиться во время прогулки. А когда они брели по гальке, раскалившейся под палящими лучами полуденного солнца, им навстречу попала группа из пятерых студентов во главе с Зигером Ломбарди, магистром. Среди них были Лаурьен и Домициан фон Земпер. Они обменялись приветствиями и решили, что неплохо будет провести время вместе. Де Сверте отпустил студентов на три часа, не забыв напомнить, чтобы они не опаздывали.

Все расселись на лугу, и Софи распаковала свою корзину. Груши, яблоки, хлеб и простое рейнское вино пошли по кругу. Касалл внимательно следил, чтобы жена не прикладывалась к бутылке. Как это всегда и бывает, очень скоро студенты и магистры заговорили о науке Софи делала вид, что наблюдает за кружащими над водой чайками, но только для того, чтобы не сложилось впечатление, будто ее могут интересовать разговоры мужчин. А потом она стала следить за маленьким красным жуком, который быстро ползал туда-сюда по песку, и прислушалась к беседе.

Коньком Касалла являлась этика Аристотеля ^[20]. Его он читал охотнее всего, на эту тему не допускал никаких свободных диспутов, требовал исключительно тезисов,

антитезисов и выкладок, ни на йоту не отклоняющихся от учения. Ему представлялись недостойными упоминания даже комментарии Зигера Брабантского, известного богохульника, хотя и получившего прощение. А если что-то все-таки долетало до его ушей, то он корчил такую мину, как будто только что проглотил лимон.

Тем временем Софи снова обратила свой взор на чаек, а потом, ослепленная солнцем, закрыла глаза. Через несколько минут подняла веки и посмотрела на студентов слева от Касалла. Это были Домициан и новенький, Лаурьен. Она заметила, что он тоже на нее смотрит. Может быть, у нее на платье слишком большой вырез? Она растерянно провела рукой по шее и поплотнее стянула ворот. Этот Лаурьен такой тихий, молчаливый юноша, ему, наверное, лет семнадцать, он еще совсем новичок на факультете, не может даже как следует принять участие в беседе. Короткие каштановые волосы под беретом, карие глаза, бледное смущенное лицо. А вот сидящий рядом Домициан совсем другой. Светловолосый и голубоглазый, с роскошными длинными локонами и смеющимися глазами, самоуверенный, опытный, как будто он уже дважды объехал весь свет и точно знает, как он устроен. Но что в этом удивительного — в конце концов, его отец, влиятельный адвокат, вращается при дворе кайзера, тень от его могущества, естественно, падает и на сына. Чуть в стороне, зажав в зубах травинку, сидел Ломбарди, молча, со снисходительной улыбкой на лице слушавший остальных. И пока Касалл распространялся по поводу двойной истины Дунса Скота ^[21](тема, на которую у Софи тоже нашлось бы что сказать), она открыто ответила на взгляд Лаурьена и взамен получила робкую улыбку.

Его лицо покрылось румянцем. Он неуверенно отвернулся от Софи и опустил глаза. Софи показалась ему солнечным лучом, выскользнувшим из-за туч, ясным, светлым, способным разогнать любую тьму. Но потом он вспомнил ее крики и почувствовал глубокое сострадание. С какой охотой он вырвал бы ее из лап чудовища, подобно герою, спасающему девственницу из пасти дракона! Правда, он всего-навсего студент, а она замужем за этим исчадием ада, имеющим к тому же полное право ее наказывать.

Лаурьен снова поднял голову и посмотрел прямо в глаза Софи. Казалось, в их нежной голубизне можно утонуть.

— Нам пора, — услышала Софи совсем рядом голос Касалла.

Она покорно кивнула, собрала остатки еды и встала. Почувствовав на плече тяжесть руки мужа, не осмелилась сердечно распрощаться со студентами и просто молча наклонила голову, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Может быть, вашей жене хотелось бы побыть здесь еще немного? — робко, заикаясь проговорил Лаурьен, после чего Касалл возрился на него с величайшим удивлением. На губах у него заиграла веселая улыбка.

— Может, ты хочешь остаться? — обернулся он к Софи, которая смущенно покачала головой.

— Видите, — с напыщенной ухмылкой произнес Касалл, — она предпочитает сопровождать меня домой.

Он грубо схватил Софи за руку. Она не сопротивлялась, когда он тащил ее за собой, но лицо ее окаменело, как будто под взглядом Горгоны. Лаурьен отвернулся.

— Она тебе нравится, — тихонько заметил Домициан, падая спиной на песок.

— Просто я вспомнил вечер, когда мы ходили забирать «Оратора», — ответил Лаурьен. — Она такая красивая. Будто Дева Мария. Какие у нее светлые волосы, похожи на спелую пшеницу.

— А ты мечтатель, Лаурьен. Она замужем. Если ты перейдешь дорогу Касаллу, уверяю, удовольствие будет еще то...

Остальные студенты засмеялись. Ломбарди стало жалко новичка, ему не хотелось, чтобы юноша в первые же дни подвергался насмешкам, поэтому он встал, жестом подозвал к себе Лаурьена и спустился вместе с ним к Ренну. Там он сел под молодой березкой и спросил:

— Ну, Лаурьен, что ты видишь? Ты ведь наверняка уже задавался вопросом, что именно тебе придется изучать. Вот и скажи мне, что ты видишь?

Лаурьен опустил рядом и удивленно ответил:

— Воду. И отражающееся в ней дерево.

Он бросил в реку камешек. Контуры картинки расплылись, пошли кругами. Ломбарди кивнул:

— Точно. Ты смотришь туда и думаешь, что это похоже на дерево. Но стоит опустить руку, и тут же заметишь, что это было не дерево, а только его отражение, или, как говорим мы, философы, его идея. Вот этому ты и будешь здесь учиться. Привыкнешь рассматривать вещь как таковую и одновременно как ее идею. Другими словами, во втором случае предметы не настоящие, а только образы чего-то.

— Но как, например, я могу иметь идею чего-то, что на самом деле не существует?

Ломбарди ухмыльнулся:

— Хороший вопрос. Это вполне возможно, нужно только отделить друг от друга идею и действительность. Мы исходим из того, что за каждой вещью скрывается ее идея. Но объясняет ли это сущность самих вещей, не может сказать ни один философ.

— Мне все равно, чему я буду учиться, — сказал Лаурьен, вскочив. — Я не собираюсь становиться магистром. Мне вполне достаточно, если я получу степень бакалавра.

— При таком подходе трудно чего-нибудь добиться, — пробормотал Ломбарди, смотря вслед бредущему по берегу молодому человеку, который время от времени наклонялся и срывал травинки.

Прошло несколько недель. Заучивать приходилось много, бесконечно много. Так много, что иногда Лаурьен боялся, что не справится. Тем более, что ему уже несколько дней нездоровилось. Он едва держался на ногах, голова раскалывалась, у него был сильный озноб, от которого тряслось все тело. Поэтому после обеда он прилег, но уснуть не смог. Он поднялся, с трудом снова облачился в платье. Возле спальни столкнулся с Домицианом и еще тремя студентами.

— Завтра вечером мы с Касаллом, Ломбарди, Штайнером и остальными магистрами идем в пивнушку «Оксен», — сказал пребывающий в хорошем настроении Домициан. — Пойдешь с нами?

Лаурьен кивнул. Только бы по спине не тек постоянно пот. Он как будто сел в муравейник. Да еще и эта охватившая всю голову боль. В этот момент в коридоре показался карлик-приор, наполовину скрывшийся под грудой фолиантов, которые он тащил, прижав к себе.

— Ну, господин схоластикус, — обратился он к Лаурьену, улыбаясь ему из-за книг, — скоро наверстаете упущенное?

Лаурьен кивнул.

— А тебя он тоже бьет? — без связи с предыдущим спросил Домициан.

Лаурьен не понял.

— Касалл. Ни для кого не тайна, что он частенько распускает руки.

— Нет. И все равно он мне не нравится, — пробормотал Лаурьен. — По мне, так пусть бы он горел в аду. Я его ненавижу!

Он подумал о Софи. По ночам она забредала в его сны, днем у него путались мысли: он сидел, стоял, ходил, не зная, где и куда, и ему все время нужно было делать над собой усилие, чтобы спуститься на землю с облаков своей фантазии.

Остальные загалдели, серьезными оставались только лица де Сверте и Домициана. Лаурьену показалось, что они обменялись быстрыми взглядами, а потом де Сверте мрачно заметил, что Касалл является весьма неприятным представителем людского племени, и было бы лучше, если бы он так и остался в своем Париже. Остальные снова засмеялись, но у Лаурьена не было охоты шутить. Он чувствовал такую слабость, как будто в любой момент мог потерять равновесие и свалиться где-нибудь в углу.

На следующий вечер дождь лил как из ведра. Люди спрятались у себя в домах и рано легли спать, все, кроме тех, кому было что праздновать. В темноте послышался глухой шум тележки. Это был золотарь, который в этот самый момент вез свою добычу к Рейну, предварительно опустошив все выгребные ямы. Вывозить «золото» ему разрешалось только по ночам, чистить ямы — исключительно вечером. За эту работу, выполнять которую других охотников не было, ему хорошо платили, а деньги являлись для него достаточной приманкой, чтобы согласиться на столь дурно пахнущий труд. Он приспособился к жгучей вони, терзавшей его нос, пока он открывал ямы, перегружал их содержимое в бочки, а потом на тележку. В глубине души он считал, что в нос живодеру шибает не намного более тонкий запах, особенно если учесть, что жители города освобождаются от своих фекалий где угодно и как угодно.

Втянув голову в плечи, он толкал перед собой свою тележку, а дождь непрерывно колошматил по затылку, который он пытался защитить накидкой.

Неожиданно движение прекратилось, тележка застряла. Когда золотарь обошел свое транспортное средство, чтобы посмотреть, что там, между колес, то в тусклом свете торопливо зажженной сальной свечи заметил контуры ног, торчащие из-под куста бузины. «Я вполне могу сразу же погрузить его на тележку», — пробормотал золотарь и подошел поближе, чтобы рассмотреть тело. Он немного отодвинул ветки и нащупал фигуру в темном, похожем на рясу плаще. Из священников? Золотарь колебался. А потом с решительным видом выпрямился, снова накинув на голову накидку, потому что дождь усилился. «Что мне с того?» — подумал он, видевший в Кёльне немало покойников. И задумчиво потащил свою тележку вниз, к Рейну.

Дождь стучал по крышам и окнам города, нагоняя сон. Мастер-ткач с женой уже задули свечи и легли в кровать, приготовившись ко сну.

И тут раздался крик. Неожиданный и до того ужасный, что мастер подскочил. Он прислушался. Голос человеческий, кричал мужчина. Потом мастер даже разобрал несколько слов: «На помощь, на помощь, он меня убьет!» И снова вопль, быстро перешедший в хрип и оборвавшийся, как будто и на самом деле чья-то душа приготовилась покинуть свое жилище. Мастер вскочил с кровати, влез в штаны и жилет, натянул сапоги и сбежал вниз. Поспешно зажег факел, открыл дверь и вышел на улицу. Напротив открылось окно,

кто-то высунулся:

— Вы тоже слышали?

Рядом отворилась дверь. Вдова Нотзидель испуганно жалась у входа.

— Там, внизу, посмотрите...

Она показала в конец улицы, туда, где дорога ведет к садам Святой Урсулы и где стоит всего несколько домов. В свете факела он заметил, что за угол сворачивает фигура в развевающемся одеянии. Мастер бросился следом, но уже через пару секунд резко остановился. На земле валялось что-то темное. Он наклонился и поднял предмет. Книга. А чуть дальше обнаружился башмак. Из домов один за другим выходили люди, которых тоже разбудил шум. Все побрели по раскисшей от дождя улице, оглядывая канавы и лежащие на дороге доски. Вскоре они наткнулись еще на один башмак, а вдова Нотзидель, которая тоже примкнула к поисковому отряду, обнаружила оторванный рукав. Мастер изучил его, освещая своим факелом. «Похоже на рукав от плаща артистов», — задумчиво проронил он. Поддеревом заметили второй рукав, а чуть дальше — берет. Навстречу уже бежали люди, обнаружившие плащ. Без рукавов. Все вместе они прошли чуть дальше, но больше ничего не нашли и поэтому повернули обратно. Теперь они прочесывали улицу в противоположном направлении и наконец выявили подходящего владельца всей кучи попавшихся им предметов: он лежал за колодцем возле маленького домика на Марцелленштрассе. Без признаков жизни и без одежды, таким, как создал его Бог. А насквозь промоченные дождем рубашка, штаны и нижнее белье висели на краю каменного колодца.

Ткач подошел поближе и наклонился. Схватил за руку не подающего признаков жизни человека, пытаясь нащупать пульс, но бесполезно. Зато заметил лужу крови на земле и слегка отодвинул покойника в сторону. Тут же открылась зияющая рана на затылке, как будто ударили каким-то тяжелым предметом. Смертельно бледная вдова Нотзидель перекрестилась.

— Спасение пришло слишком поздно, — тихо сказал мастер, — он напрасно звал на помощь. Убийца оказался быстрее нас. Я уже был в постели, когда услышал крики. Пока оделся... Но меня удивляет, почему злодей проложил столь отчетливый след к своей жертве. Мы бы не смогли найти его так быстро, если бы не разбросанная одежда.

Вдова возразила:

— Следы-то вели в противоположном направлении, туда, к Святой Урсуле.

Остальные соседи закивали головами.

— Этот дом принадлежит магистру факультета, — произнес один из них.

Мастер повернулся и дернул за шнур у двери. Но никто не открыл.

— Мы должны сообщить старшему пастору, он, в конце концов, является канцлером факультета, — сказала вдова Нотзидель, после чего все дружно направились к собору.

В доме возле церкви лежал в своей постели громко храпящий старший пастор. Они принялись звонить изо всех сил и в конце концов разбудили его.

А потом вместе с ним вернулись к трупу, посветили вновь прибывшего во все подробности и направили факелы на лицо мертвеца. При виде покойника канцлер вздрогнул.

— Боже всемилостивый, вы правы, это магистр артистического факультета, — пробормотал он, бледнея прямо на глазах.

Тогда они показали свои находки и все время повторяли, крича и перебивая друг друга, что вещи лежали по отдельности, как будто кто-то хотел пометить дорогу к трупу. Два

башмака, два оторванных рукава, берет и приведенный в негодность плащ. И книга. Канцлер взял ее в руки и попросил мастера поднести факел поближе. Свет упал на переплет из свиной кожи. Но канцлер ничего не сказал, только прижал книгу к своему плащу. Стоящие вокруг добрые люди без его пояснений разобраться ни в чем не могли, потому что это были Аристотелевы «*Interpretationes*» с комментариями Боэция. Видимо, книга принадлежала покойнику.

— Я пришлю людей за умершим, — пробормотал наконец канцлер, и кельнцы отправились обратно в свои постели. А канцлер вызвал помощников судьи, чтобы те отнесли труп в городской морг, и только потом направился домой.

На следующее утро он собрал всех магистров факультета и сообщил им о событиях предыдущей ночи. О том, что один из их числа в данный момент лежит в морге, ожидая погребения.

Они сидели вокруг стола, двадцать один магистр *artes liberales*, все они отменили свои лекции, потому что их коллега прошлой ночью был убит самым ужасным образом. Понять, кто именно убит, не составляло труда, потому что, стоило им оглядеться, сразу же стало ясно, что отсутствует только один: Фредерико Касалл.

— Сегодня утром вдова Касалла была у судьи и сообщила, что ее муж не пришел домой ночевать, — сообщил Конрад Штайнер. — Видимо, ее не поставили в известность.

Канцлер кивнул:

— Так и было. Но потом ей все рассказали помощники судьи. Я хотел немного подождать с печальной вестью. Честно говоря, я не представлял, как с ней разговаривать, ведь, в конце концов, все случилось глубокой ночью...

— А теперь она все знает из других источников, — пробормотал Штайнер и опустил глаза.

Перед канцлером лежала книга.

— Кроме одежды на дороге было найдено еще и вот это. «*Interpretationes*» Аристотеля принадлежали Касаллу. Но, что странно, внутри была записка.

Он раскрыл книгу, вытащил пергамент, к счастью не успевший ночью намокнуть, и тихим голосом прочитал на латыни:

Все единое вы делите, а то, что не едино, не узнаете. Разгадайте загадку и тогда приблизитесь к тому, что приблизило Касалла к адскому пламени.

— Кто-то — по-видимому, убийца — вложил этот лист в книгу. Ночью я размышлял над этими странными словами, но так и не нашел в них никакого смысла. Похоже, убийца хотел, чтобы мы как можно скорее обнаружили его жертву, поскольку следы, хотя и указывавшие в противоположном направлении, он все-таки разместил так, чтобы люди наткнулись на мертвеца. Во всем этом есть система. Один медикус, которого я сегодня утром вызвал в морг, утверждает, что Касалла убили тяжелым предметом, но тем не менее орудия преступления мы так и не нашли. А ткач видел тень убегающего человека.

Магистры беспомощно смотрели друг на друга. Что кроется за этой удивительной историей с разбросанными предметами одежды и философской загадкой?

— Шельма, — морща лоб, высказался Теофил Иорданус, магистр, приехавший в Кельн из Парижа два года назад. — Шут, возомнивший, что может ниспослать на нас испытание. У

него очень странный способ заявлять о себе.

— Шут? Я бы скорее предположил, что речь идет о хладнокровной бестии. Да, он хочет продемонстрировать нам свое превосходство. И это человек образованный, потому что владеет латынью. Собственно говоря, это должно облегчить нашу задачу и помочь разоблачить убийцу. Под подозрение попадают только те, кто умеет писать на этом языке. То есть мы с вами, господа.

Теперь все опустили головы. В коридоре послышались удаляющиеся шаги. Чтобы решить, что же делать дальше, ждали ректора, но он, по всей видимости, до сих пор находился у одного из судей.

— Вчера вечером Касалл сидел в пивной со студентами из схолариума с Гереонштрассе. Домой они все вместе пошли только около полуночи... — тихо сказал канцлер.

Штайнер кивнул:

— Да, мы все были в «Оксен». Что, — он посмотрел на всех коллег по очереди, — снимает с нас подозрение в причастности к этому злодеянию. Когда произошло убийство, мы были все вместе.

— Пивную Касалл покинул около десяти, потому что якобы хотел пораньше лечь спать. До встречи с убийцей он должен был где-то побывать. Ткач утверждает, что услышал крики около одиннадцати часов. Но где же Касалл был до этого? Не мог же он столько времени разгуливать по городу, тем более что шел сильный дождь...

— Касалл не был склонен к мечтательности, — иронично заметил Иорданус, который не слишком высоко ценил покойного, о чем прекрасно знали присутствующие.

Вообще, Касалл был неприятным коллегой, об этом сейчас думали все, и, чтобы это понять, канцлеру не требовалось быть ясновидящим.

— Имеется достаточное количество людей, которых могла устроить смерть Касалла. Прежде всего его жена. На эту тему мне ни к чему долго распространяться...

Это действительно было ни к чему. Каждый знал, что Касалл регулярно избивал жену. Поговаривали даже, что иногда он привязывал ее, как и книги, на цепь, чтобы она не уходила из дому, потому что она, подобно собаке во время течки, постоянно искала себе новых любовников.

— Никому не известно, соответствуют ли действительности распространяемые про нее слухи! — возмущенно воскликнул Никлас Морибус. — Один только Касалл постоянно повторял, что с нее нельзя глаз спускать, потому что она путается со всеми подряд. Он всегда говорил про нее гадости, но лично я ни разу в жизни не видел ее в городе одну. Мы должны соблюдать осторожность и не усугублять грязные сплетни.

— Он прав, — пробормотал Штайнер. — Неужели мы с вами сейчас скатимся до пересудов, хотя до сих пор еще даже не знаем, что означает эта странная фраза? Не говоря уж о ее авторе. Вдова Касалла, которая, как всем нам известно, разбирается в латыни, конечно, могла написать эти слова, но я вспомнил еще одну вещь: Домициан фон Земпер тоже ушел из пивной раньше одиннадцати, потому что у него было поручение от надзирателя его схолариума. И его путь точно так же мог проходить по Марцелленштрассе.

Некоторое время царило смущенное молчание.

А потом Иорданус вопросительно посмотрел на собравшихся:

— Могли у Домициана быть мотив убить своего магистра?

— Недавно Касалл избил его до такой степени, что он два дня не мог ходить на занятия. Причины не знает никто. Якобы Домициан не выучил его лекции, но это вовсе не

оправдывает суровости наказания.

— Убийство как акт мести за физическое воздействие? Вы считаете, что Домициан фон Земпер на это способен? — вмешался канцлер, до этого молча сидевший с мрачным видом. Он решил закончить разговор, не дожидаясь ответа. Ему было не по себе. Он повернулся к Штайнеру:

— Вот, возьмите книгу и подумайте над этими словами. Если найдете разгадку, приходите ко мне, и мы арестуем убийцу.

Смех Штайнера прозвучал довольно натянуто. Может быть, написавший эту фразу — сумасшедший ход мыслей не отличается логикой. Но если все-таки это рационально мыслящий человек, то не исключена возможность использовать против него его же оружие. Штайнер взял книгу и еще раз, теперь более внимательно, изучил пергамент.

— Для начала неплохо бы взять образцы почерка, — пробормотал он.

Уже несколько часов Софи, словно оглушенная, недвижно сидела на скамеечке перед плитой, на которой стояла приготовленная служанкой и давно остывшая еда. Звонок у двери заставил ее вздрогнуть.

Она открыла. Перед ней стоял Конрад Штайнер.

— Господин магистр?.. Я ждала кого угодно, но только не вас.

Штайнер улыбнулся:

— Ну, в определенной степени я пришел по собственному почину.

Она провела его в кабинет мужа и предложила сесть к столу. А сама прислонилась к подоконнику.

— И кого же вы ожидали? — любопытствовал Штайнер.

— Кого-нибудь из судей. Я слышала, что они приступили к расследованию. Кто не может предоставить свидетелей на период от десяти до одиннадцати часов вчерашнего вечера? Кто был заинтересован в том, чтобы лишить жизни моего мужа? Кто знает латынь?

Штайнер промолчал. Он смотрел на Софи, стоящую напротив со скрещенными руками. Луч солнца упал ей на волосы. В черном платье она выглядела очень бледной, но взгляд ее был твердым.

— А где находились вы в упомянутое вами время? — Штайнер постарался, чтобы его голос звучал как можно мягче.

Софи кивнула:

— Да, хороший вопрос. Я спала, глубоко и крепко, но подтвердить это некому.

— На факультете всем известно, что ваш муж давал вам не слишком много поводов уважать и ценить его. Вы должны подумать о том...

— О, — прозвучало в ответ, — об этом я уже подумала.

Штайнер встал. Что-то в ее позе, в застывшем лице насторожило его. В его задачу не входило являться сюда и задавать ей вопросы. И все-таки он попросил ее сесть за стол и написать одну фразу. Она удивилась, но достала перо и бумагу и написала то, что он продиктовал: «Все единое вы делите, а то, что не едино, не узнаете».

Магистр Штайнер придвинул листок к себе. У нее оказался мелкий, прямой и аккуратный почерк. А в записке из книги буквы были вытянутые и с наклоном влево. «А вдруг это подделка? — засомневался Штайнер. — Почерк подобен одежде, не исключено, что он скрывает больше, чем выставляет напоказ».

— А что это значит? — с любопытством спросила Софи.

Но Штайнер пропустил вопрос мимо ушей, попрощался легким наклоном головы и, не сказав больше ни слова, вышел из дома. Его желудок заурчал, а через полчаса снова начнутся лекции. Поесть некогда. Он прошел через новый рынок и свернул к коллегииуму. Перед зданием уже стояли несколько студентов. А потом он заметил и ректора, который, похоже, поджидал его с большим нетерпением.

— Мне нужно с вами поговорить, — начал он, схватил Штайнера за руку и отвел в сторону. — Я только что беседовал с судьей. Покойный был членом факультета, но место преступления относится непосредственно к городу. В данном случае судье требуется наша помощь, потому что он не может разобраться с этой загадочной запиской. Начинается расследование, опрос свидетелей и так далее и тому подобное, вы же знаете, как это делается в таких случаях. Наверняка можно сказать только одно: студенты и магистры из схолариума, включая вас, были все вместе в «Оксен». У жены свидетелей нет, один из помощников судьи сказал мне, что он допрашивал ее прямо утром. Но кроме Домициана фон Земпера есть еще один человек без алиби. В известное время он мог вылезти из окна...

Они поднялись по ступенькам коллегииума. Ректор остановился у двери и посмотрел Штайнеру прямо в глаза:

— Он лежал в больничном помещении схолариума на Гереонштрассе, у него был жар.

— Кого вы имеете в виду?

— Лаурьена. Лаурьена Тибольда. Вы его знаете, он посещает ваши лекции. Он ходил и на занятия Касалла. По словам студентов, однажды он якобы заявил, что был бы рад, если бы Касалл горел в преисподней. А в Кёльне он всего четыре недели.

Штайнер хорошо помнил Лаурьена. Последний раз он видел его на своей лекции три дня назад. Тихий молодой человек, ничем не примечательный, ничего хорошего, ничего плохого. Наверняка Касалла убил не он.

— Вы подозреваете Лаурьена? Но это немыслимо! — Штайнер был удивлен.

— Ну, если вы относитесь к ситуации предвзято, то я поручу кому-нибудь другому...

— Нет, разрешите мне заняться этим делом. Вы не проведете за меня лекцию? — попросил Штайнер. — Бедный парень от ужаса наверняка превратится в соляной столп.

Он повернулся и пошел. Ректор задумчиво смотрел ему вслед. Штайнер на голову выше остальных магистров, но он судит о других, исходя из собственного благородства, а это может затуманить взгляд; так всегда бывает, если человек не хочет видеть того, что лежит на поверхности.

В это утро Лаурьен впервые встал и немного походил по комнате. Медикус разрешил. Похоже, жар спал, ему стало гораздо лучше. Но все же он должен еще денек полежать, чтобы восстановиться окончательно, добавил на прощание врач. Дополнительные занятия во второй половине дня все равно отменены, потому что Касалл покинул этот мир. Домициан прокрался в больничный зал и сообщил о смерти магистра. Все возбуждены. Весь факультет только об этом и говорит, а канцлер попросил Штайнера найти убийцу.

— Подлая собака, мне его вовсе не жаль, — сказал Лаурьен, вспомнив о Софи.

Потом Домициан выскользнул прочь, а Лаурьен снова лег.

В дверь постучали. Лаурьен увидел входящего магистра Штайнера. Что ему нужно?

— Ты все еще болен?

— Нет. Но сегодня мне не разрешили идти на лекции.

Штайнер подошел к окну и выглянул на улицу. Да, глубокой ночью здесь вполне можно

вылезти, никто не увидит, особенно если на улице дождь и все люди отправились спать. Снаружи пустынный переулок, а до Святой Урсулы и до Марцелленштрассе совсем близко.

— Мне нужно тебе кое-что продиктовать. Неси бумагу и чернила.

Удивленный Лаурьен вышел из комнаты и вернулся с названными предметами. А потом подсел к шаткому столику у окна и написал предложение, продиктованное Штайнером. «У него изысканный почерк, — подумал Штайнер, — разборчивый, не слишком крупный и не слишком мелкий. Но совсем не похожий на искомый».

— Есть подозрение... — как бы между прочим сказал Штайнер. — Но это еще ничего не значит. Видишь ли, вы с Домицианом... вы единственные, у кого нет свидетелей на промежуток с десяти до одиннадцати часов вчерашнего вечера. А еще рассказывают, будто ты во всеуслышание заявлял, что был бы рад, если бы Касалл горел в преисподней...

Лаурьен уставился на него:

— Я?! Меня что, подозревают? И при чем тут Домициан?

— Домициан вернулся раньше остальных, а ты вполне мог вылезти из окна, ведь даже в лихорадке человек способен передвигать ноги. Я считаю, что ты невиновен, но мне хочется абсолютной уверенности. Какие у тебя были отношения с Касаллом? Насколько я знаю, во второй половине дня он занимался с тобой дополнительно.

Лаурьен кивнул. А потом рассказал, как в свой самый первый день в Кёльне они с Домицианом ходили к Касаллу за книгой. Штайнер слушал, пробегая глазами написанный Лаурьеном текст. А потом посмотрел на юношу:

— Ты ведь совсем не знал эту женщину.

— Не знал. Но разве нужно быть лично знакомым с лошадкой, чтобы испытать к ней жалость? Все правильно, мы не были знакомы, но я ее жалел. Вот и всё.

Штайнер кивнул. Да, именно так он себе всё и представлял. Подозрение у них совершенно необоснованное, возникшее от растерянности, ведь в данный момент другого кандидата нет. И тем не менее такое подозрение подобно тени дьявола: появившись однажды, оно оказывается очень цепким, и требуется огромное терпение, чтобы от него избавиться.

— Я тебе верю, но это никакой роли не играет, — сказал Штайнер прощаясь. — Нам нужно найти убийцу, и лишь это имеет значение. Ты только не волнуйся, истина всегда становится явной, потому что избегает темноты.

Потом Штайнер отыскал Домициана. На вопрос относительно пути домой тот удивленно ответил, что вообще не шел по Марцелленштрассе. Он покинул пивную около половины одиннадцатого и уже вскоре был в схолариуме, он даже бежал, но все равно промок до нитки. Правда, никаких свидетелей у него нет, потому что остальные студенты еще не вернулись, а приор ушел на другой конец города навестить свою мать. Когда Штайнер спросил насчет отношений с Касаллом, Домициан сказал, что терпеть его не мог, но это совсем не причина лишать кого бы то ни было жизни.

— А почему же несколько недель назад он тебя избил? Для этого наверняка была причина.

Домициан уставился на него:

— Причина? Безусловно, таковая у него была, но мне кажется, что сейчас вы ищите возможность приписать это убийство мне. Я не выучил урока, вот и всё. А он набросился на меня, вы же знаете, у него всегда чесались руки.

— А потом тебе пришлось пролежать в постели целых два дня?

Домициан замкнулся в молчании, Штайнер тоже не сказал больше ни слова. Это на самом деле всё? Или же за этим событием скрывается больше, чем можно предположить? Он заставил студента дать образец почерка и наблюдал, как тот выводит слова большими, размашистыми буквами. И его письма тоже не имели ничего общего с теми, что были обнаружены на пергаменте.

Надзиратель, которого Штайнер опрашивал следующим, сообщил, что случайно уснул и проснулся, только когда вернулись студенты; Домициана, который принес ему книгу от студента другого коллегіума и поэтому вернулся раньше других, он, к сожалению, не слышал.

Из расположенной поблизости кухни доносились покрякивания не вышедшего ростом де Сверте. Своим ангельским голосом он поносил служанок и критиковал грязные кастрюли. Штайнер остановился у двери и смотрел, как он, стоя на скамеечке, вытаскивает с полка одну посудину за другой, изучает их и громко ругается. Вдруг он заметил ожидающего его магистра и улыбнулся:

— О, господин магистр! Что привело вас в мою кухню?

— Мне бы хотелось поговорить с вами. О Домициане фон Земпере.

Карлик кивнул, слез со скамейки и провел Штайнера к себе в кабинет. Он предложил гостю стул, а сам примостился на краю стола.

— Что вы хотите узнать? Могли он убить Касалла? Вы понимаете, что это очень серьезное обвинение...

— Да, но он раньше остальных вернулся домой, и мне хотелось бы знать, во сколько он на самом деле пришел вчера вечером. Мне сказали, что вас не было, а надзиратель задремал. По крайней мере, он так утверждает.

Де Сверте улыбнулся:

— И поэтому попадает под подозрение? Может быть, они сговорились со студентом, кто знает... Нет, это абсурд. Но вернемся к Домициану. Слышали историю про наказание? Касалл редко избивал студентов столь сильно, как его, буквально до полусмерти. Они с самого начала не нашли общего языка, потому что фон Земпер держался заносчиво и надменно. Вы же знаете, что Касалл низкого происхождения. Но студент, даже из благородной семьи, все равно остается студентом, и его чванливые манеры Касалл направил против него же, как только появилась малейшая возможность показать Домициану, кто тут главный. А когда истерзанный, переполненный гневом и болью юноша лежал у себя в комнате, то кричал, что Касалл еще пожалеет. Я лично это слышал.

— Это могло быть мотивом, — задумчиво сказал Штайнер. — Кроме вас это еще кто-нибудь слышал?

— Может быть, он кому-нибудь говорил, я не знаю. Но, насколько мне известно, он испытывал непримиримую ненависть к Касаллу.

Штайнер кивнул:

— Вы знаете Домициана лучше, чем я. Что он за человек?

Карлик поболтал своими короткими ножками:

— Я бы назвал его счастливым. Богатый, из хорошей семьи, приятный, любимчик, но по-своему бессовестный, да, можно так выразиться. Берет все, что хочет, ибо считает, что по своему происхождению имеет на это полное право. Такие люди рождаются под

счастливой звездой, они ощущают свою исключительность... Вы понимаете, что я имею в виду?

— Вы считаете, что он способен на убийство? Из-за уязвленного самолюбия?

— О, я считаю, что на убийство способен любой. Что мы знаем о глубинах души человека, который старается скрыть свои истинные чувства? Ничего не знаем, я уверен.

Штайнер молчал; карлик слез со стола и принялся ходить взад-вперед по комнате, как будто погруженный в мысли.

— Вы были у своей матери? — неожиданно спросил Штайнер.

Де Сверте кивнул:

— Да, до полуночи, надзиратель может подтвердить. Бедняжка совсем стара и больна, она рада любому собеседнику.

Штайнер встал и распрощался. Жаркий, душный день близился к вечеру, Штайнер распахнул плащ — символ артистического факультета. Пока он шел в сторону Марцелленштрассе, ему подумалось, что во всем этом есть некоторые странности: надзиратель уснул и проснулся только после одиннадцати, приор ушел к матери, и никто не мог подтвердить время возвращения Домициана в схолариум. Случайность или чье-то вмешательство? Но тогда получается, что кроме Домициана в курсе были еще двое, те, кто помогал ему осуществить злодейство, кто не хотел рассказать, когда же на самом деле он вернулся, потому что покрывали его.

Потом Штайнер вернулся к себе домой на Марцелленштрассе. Ему хотелось подумать, поэтому он отправился в сад. После смерти его сестры порядок там никто не поддерживал. Розы пропадали: их просто заглушили сорняки, которые, подобно наводнению, растекались во все стороны и не пощадили даже то место, где обычно сидел Штайнер. Сам он не предпринимал никаких попыток с ними бороться, просто наблюдал, как разрастается одно, похоронив под собой другое. Только теперь он осознал, что по-настоящему красивых цветов с большими бутонами становится все меньше «Нечто странное есть в природе, — подумал Штайнер. — Она подавляет красоту и отдает предпочтение простоте. Только человек способен приостановить этот процесс и в определенной степени повернуть его вспять, выдирая сорняки и таким образом создавая жизненное пространство для роз».

«А с людьми тоже так?» Штайнер задумчиво покачал головой. Как он осмелился сравнивать! У него на коленях лежал пергамент со странной загадкой. Чем дольше он думал, тем больше смущал его смысл этих слов. Господи, что же такое это единое, которое они проглядели? И кто это *они*? Те, кто должен раскрыть обстоятельства смерти магистра? А что, если пергамент попал в книгу случайно? И что это за тень, которую заметил ткач? Был ли это убийца?

Со вздохом он встал. Нужно было идти в морг, там его ждал судебный медикус.

Гроб уже закрыли. Но вскрывавший труп медикус с готовностью поделился своими наблюдениями: у Касалл а на затылке большая рана, нанесенная тяжелым предметом, удар был такой силы, что пробил череп. В склеившихся от крови волосах обнаружены крошечные глиняные осколки, так что орудием преступления могла быть глиняная миска.

— Его ударили? — повторил Штайнер. — Сзади?

— Да, об этом можно говорить с высокой степенью вероятности. Возможно, Касалл сидел на краю колодца, а убийца подкрался к нему сзади.

— А что нужно было Касаллу посреди ночи на Марцелленштрассе, да еще в такой дождь? И вдобавок прямо перед моим домом? Ведь убить его могли и в другом месте...

— Безусловно. В принципе, его могли убить где угодно. Теперь уже однозначно на этот вопрос не ответить. Сильный дождь, ливший всю прошлую ночь, смыл все следы.

— А время совершения преступления? — поинтересовался Штайнер.

— Ну, ткач утверждает, что услышал крики около одиннадцати часов. Пока Касалла искали, прошло, видимо, чуть меньше получаса.

— А зачем убийца его раздел, как вы думаете? — спросил Штайнер.

— Не исключено, что он хотел скрыть обстоятельства убийства, — предположил медикус.

— Касалл пронзительно кричал, соседи сказали, что это были крики человека, жизни которого угрожала непосредственная опасность. Люди буквально вылетели из постелей. Но почему при этом убийца проложил след к своей жертве? Конечно, в противоположном направлении, но искали-то поблизости, непосредственно вокруг места преступления. Он хотел нас запутать. Но, возможно, таким образом он пытался скрыть что-то совсем иное. Давайте восстановим, что именно нам известно: Касалл сталкивается со своим убийцей. Тот тяжелым предметом, возможно глиняной миской, наносит ему смертельный удар сзади, Касалл, уже смертельно раненный, кричит, но противник ударяет его второй раз, и Касалл умирает. Тогда убийца вкладывает в книгу, которую нес Касалл, пергамент, снимает с мертвого одежду и обувь и отделяет от плаща рукава. Затем он раскладывает все это на улице. Между отчаянными призывами о помощи и появлением первых жителей прошло минут пять, максимум десять. Пять-десять минут, которые у него были для создания декораций. Когда мастер выскочил из дома, он успел заметить, как тот убегает за угол. Странное поведение для убийцы, не находите?

Медикус тихо засмеялся:

— Мне кажется, что здесь поработал ловкий дьявол. Считает, что он гораздо умнее вас. Вы взяли образцы почерка?

— Да, но почерк легко подделать. Я не могу на него полагаться.

— А на что же тогда полагаться?

— Ну, — пробурчал Штайнер, — если бы я знал... У меня нет ни малейшего представления. Эта философская загадка не выходит у меня из головы. Похоже на тезис схоластического диспута. Убийца с артистического факультета? Судя по пергаменту, так оно и есть. Но вполне возможно, что нас просто пытаются направить по ложному следу. Он как будто тычет нас носом: смотрите, мол, я рассуждаю совсем как вы, значит, я один из вас. А на самом деле...

— Да?.. — любознательный медикус насторожился.

— А на самом деле это горемыка, которого по каким-то причинам исключили с факультета. Такое случается.

— Бывший студент? Решивший отомстить?

— А почему бы и нет, — пробормотал Штайнер. Но если это так, где же тогда его искать? Он все еще в городе? Или его уже и след простыл?

— Но ведь где-то должны были сохраниться записи, кого выгнали с факультета, — задумчиво произнес медикус.

Она поставила свечку Пресвятой Деве и, стоя на коленях, молилась перед статуей

Марии. Здесь и обнаружил ее Лаурьен. Но узнал только тогда, когда она поднялась и прошла мимо него к выходу. Он отправился следом и оказался на рынке, где она ненадолго задержалась у одного из лотков, чтобы что-то купить. У нее была очаровательная походка, легкая и грациозная. Черное платье выделялось среди пестрых одеяний рыночных торговки и прочих жительниц Кёльна. Она пошла дальше, он за ней, мимо церкви Святого Андреаса до улицы, на которой находился ее дом. Внезапно она обернулась и испуганно посмотрела ему в лицо. Неужели она все это время знала, что он идет сзади? Он резко остановился.

— Почему ты меня преследуешь? — спросила Софи. Он хотел ответить, но голос ему не повиновался, поэтому он молчал и только смотрел на нее преданно и робко.

— Ты был одним из студентов моего почившего мужа, — сказала она улыбаясь.

Кивнуть он смог. И тут вдруг к нему вернулся голос:

— Да. Мне очень жаль.

— В самом деле?

Что за странный вопрос?

— Ты хочешь зайти? Я велела испечь пироги и заказала вино. Завтра похороны.

Он настолько смутился, что не знал, как себя вести. Пойти с ней? Но это далее невозможно себе представить. Он не мог вот так, запросто, войти к ней в дом. Да и вообще ему пора возвращаться на факультет.

И все-таки он пошел с ней.

— Завтра мы будем в «Оксен». Дом слишком мал для такого количества гостей. Надо признаться, это обойдется мне в немалую сумму.

Он совсем не так представлял себе убитую горем вдову. Она сняла вуаль и распахнула окно. Дверь в кабинет Касалла была не закрыта. Лаурьен заглянул туда. Открытые книги. Книги были везде, даже на кухонном столе и на широком подоконнике. Как будто она украсила его книгами весь дом. Вспомнились ходившие о ней слухи; она как сука во время течки... она обманывает своего мужа... ей нравится, когда он ее бьет... она такая... говорят, что такие бывают...

Он вздрогнул, когда Софи поставила перед ним кружку пива и предложила сесть.

— Н-нет, мне нужно на лекцию, — пробормотал он едва слышно.

Но она только засмеялась.

— Я объясню тебе все, что вам будут читать. О чем же лекция?

— Об этике Фомы Аквинского.

— Что ж, тогда скажи, что более ценно — познание или добрая воля?

Он молчал.

— Ну, так что же? Ты не знаешь?

— Я думаю, добрым считается тот человек, у кого добрая воля, — промямлил он наконец.

Она кивнула и села напротив. Еще ни разу в жизни он не чувствовал себя столь беспомощным и смущенным. Ее близость вызывала у него озноб, как будто его лихорадило. Но он готов был часами смотреть на это прекрасное лицо, в эти васильковые глаза, которые сейчас за ним наблюдали. В них мелькнуло веселье.

— Но ведь ты тоже знаешь, что это чушь, правда?

Он кивнул. Это наверняка чушь, раз она так говорит. Он бы поверил во все, что она скажет, даже если бы она начала утверждать, что мир желт, как лимон.

— Он заставил меня написать одно предложение, — вырвалось у нее со злостью.

Гневаясь, она морщила свой высокий лоб, а у подбородка появлялись ямочки. — «Все единое вы делите, а то, что не едино, не узнаете».

«Странно, — подумал он, — оказывается, ей пришлось писать те же самые слова. Значит, она тоже попала под подозрение».

— Это похоже на фразу из схоластической книги. Знаешь, что в этом самое забавное? Что написавший ее прав. Потому что как можно отделить познание от воли? Касалл всегда утверждал, что если хочешь что-то исследовать, то следует разложить это на составные части. Ты тоже так считаешь?

Он уже вообще никак не считал. Чувствовал себя звездой, которая сошла со своей орбиты и, потеряв ориентацию, мотается по универсуму. Он поднялся:

— Мне надо идти.

— Да, иди. Но сначала скажи, как тебя зовут.

— Лаурьен. Лаурьен Тибольд.

— До встречи, Лаурьен. Мы наверняка увидимся на похоронах. Студенты Касалла тоже приглашены.

Он кивнул и, покраснев, поблагодарил. А потом быстро вышел из дома. Оказавшись на улице, он глубоко вздохнул и смущенный, но, как ни странно, радостный отправился в схолариум.

В «Оксен» Софи оплатила целый зал, потому что ожидалось больше пятидесяти человек: магистры, студенты, с которыми Касалл общался больше всего, канцлер, ректор и почетные жители города. А вот семья Касалла не прибыла из своей Падуи, потому что его труп все равно отправят в Италию.

Утром Софи побывала у канцлера, который сообщил ей нерадостную весть: поскольку дом был снят на средства факультета, теперь, после смерти Касалла, ей придется оттуда съехать. Она вдруг снова стала бедной женщиной, отец которой, благослови его Бог, немногого добился в этой жизни. Конечно, он был свободным гражданином этого города, но зарабатывал на жизнь как простой копиист и не смог сделать карьеры. Когда Касалл захотел жениться на Софи — ее отец иногда писал для факультета, — она подумала, что небеса явили ей свою милость, и теперь над ее головой всегда будет светить солнце. И вот нате вам, надо же такому случиться! Но все-таки хорошо, что его жалкая жизнь подошла к концу. А как удачно она могла выйти замуж! Мужчины вились вокруг нее, как пчелы вокруг шалфея, но в своем стремлении к образованию она считала, что магистр факультета — самая заманчивая из всех возможных партий.

Она видела, как блестят на солнце покрытые свинцом окна «Оксен». Вывеска тихонько раскачивалась на слабом ветру. Черное платье, поминки, год траура, а потом она будет свободна и сможет делать все что захочет.

Но Софи не собиралась ждать так долго.

На поминках много ели и пили. Мать Софи пришла с отчимом и двумя ее сестрами. Канцлер произнес краткую речь, но ничего не сказал про загадочные обстоятельства смерти Касалла. Разглагольствовал о том, каким выдающимся человеком был Касалл: магистр в Париже, в коллегии Сорбонны, затем в Пражском университете, а потом приехал в Кёльн, где самые известные и выдающиеся личности преподавали еще в те времена, когда здесь был всего-навсего монастырский конвент. А потом расхвалил учение, сторонником которого был Касалл, и закончил обещанием, что на факультете прочитают заупокойные мессы и, как

велит обычаем, раздадут бедным хлеб. Наконец он опустил на скамью.

Софи сидела рядом с сестрами, которые входили в женскую гильдию крутильщиц нити. Казалось, что обеим доставит огромное удовольствие снова выдать замуж свою старшую сестру, хотя сами они все еще сидели в девушках. Ведь здесь есть очаровательные магистры, которые наверняка захотят взять ее в жены, да и молодые студенты тоже неплохи...

Софи не реагировала на их смех и шутки. Она смотрела на мать, которая скорчила озабоченную мину. Всего двадцать лет — и уже вдова. Злая судьба, хотя даже сейчас взгляды многих мужчин украдкой останавливались на ней. Но Софи знала, что никто из них не стремится вступить с ней в брак. Уж скорее студенты, но у них в кармане ни пфеннига, они беднее, чем мыши в церкви Святой Урсулы.

— Видишь вон того? — прошептала ей в ухо Мария, одна из сестер.

Софи не знала, кого та имела в виду, потому что на другом конце стола плечом к плечу сидели Лаурьен, Домициан и Зигер Ломбарди. Один тихий и робкий, невысокий, изящный; второй, сын преуспевающего адвоката, нахальный, не знающий, что такое бедность; третий, Зигер, темноволосый, хотя и приветливый, но какой-то дикий, с непонятной дьявольской улыбкой, которая никогда не сходила с его небритого лица.

— Ты про кого? — шепотом спросила Софи.

— А сама как думаешь?

Домициан? Нет, он не мог ее заинтересовать. Слишком светлый, слишком яркий, поверхностный, но при этом расчетливый. Мария покачала головой.

— Маленький? Симпатичный...

Сестра снова покачала головой.

— Но не темный же? Он ведь магистр.

А почему бы и нет? Именно он. Однажды Касалл сказал, что у него острый ум и что он зловещий. Ум у него и правда острый как бритва. Он учился в Париже, а потом еще в Праге и Эрфурте. При слове «Эрфурт» Касалл стукнул по столу и презрительно скривил рот. В Эрфуртском университете господствовали номиналисты ^[22] с их радикальным мировоззрением, из-за которого возникла угроза отделения веры от чистой науки. Безбожники они, эти номиналисты, потому что если реальны только вещи, то в этом мире не остается места для Бога! Что-то постоянно смущало Касалла в его коллеге. Темное прошлое? Цинизм, который вьется вокруг него, как гавкающий пес? Дружелюбие, которым он был буквально переполнен? Оно наверняка ненатуральное, наверняка Ломбарди держит за пазухой нож, чтобы ударить в спину. Его мать бретонка, а отец якобы бернский аптекарь с каким-то темным прошлым, как и у сына. Поможет ли он ей начать новую жизнь?

«Спрошу, не хочет ли он получить одну из книг Касалла», — пробормотала Софи себе под нос, страстно желая, чтобы общество наконец разошлось. Гости постепенно откланивались. Магистры еще стояли все вместе, тихонько переговариваясь, в то время как большинство студентов уже покинули зал. Мать и сестры проводят Софи домой, но нужно подождать, когда уйдут магистры. Студенты, не отходившие от Ломбарди, поблагодарили за гостеприимство: Домициан — в своей раскованной манере, Лаурьен — робко склонив голову. Ломбарди же просто улыбнулся. И тут она напрямую спросила его, не хочет ли он получить «Theologia summi boni». Он внимательно на нее посмотрел.

— Я не могу сохранить все книги, — объяснила она, невинно поглядывая на него своими васильковыми глазами, — а вы наверняка найдете ей применение.

Домициан взглянул на Ломбарди.

— Да, наверняка найдет. Он всегда находит применение истинам, не возвращенным на навозе нашего клироса.

Ломбарди улыбнулся:

— Если вы хотите подарить мне эту книгу, то у вашей щедрости нет более пылкого поклонника, чем я.

Она поняла, что не ошиблась в нем. В его словах не было серьезности, но пока еще она этого и не ждала. Пока она искала на ощупь, а он был столь необходимым ей крючком.

Она пригласила его в расположенный позади дома сад и положила раскрытую книгу на ограду. Он склонился и полистал страницы. Такая книга стоит целое состояние, она, должно быть, переписана прямо с оригинала, а еще на полях есть комментарии Касалла — мелкий, не очень разборчивый почерк, буквы клонятся то в одну, то в другую сторону, как будто никак не могут выбрать направление.

Он спиной чувствовал ее взгляд. Как маленькие острые стрелы. Но у него бычья шкура, ее так легко не пробьешь.

— А вы ее читали? — спросил он, не отрывая глаз от страницы.

Услышав четкое «Да, конечно», кивнул. Естественно, она читала, ее пристрастие к книгам известно всем.

— Говорят, что вы считаете, будто на свете нет более безбожных мест, чем артистические факультеты, — снова голос у него за спиной.

— Кто вам такое сказал? — Ломбарди обернулся.

Удивительно, она до сих пор не замечала, что под темными локонами у него голубые глаза. Гармоничное лицо, такие лица называют греческими, с чертами, которые считались бы классическими, если бы не эти глаза, пронизывающие насквозь.

— Мой покойный супруг.

Все это время она сидела возле ограды. Он подошел и сел рядом. От его волос пахло розовой водой.

— Да, более безбожного места не существует. Если вы ищете Бога, то никогда не приближайтесь к артистическому факультету, где про Бога все говорят, но никто в него не верит.

— Вы ищете доказательства его существования.

Он засмеялся:

— Да, но мы их не находим.

— Это неправда. В этих книгах полно доказательств — онтологических, герменевтических, метафизических...

Он с улыбкой смотрел на нее. Она собирается беседовать с ним об онтологических доказательствах существования Бога? Ведь всего несколько дней назад, сразу после поминок, он прочитал в ее глазах нечто совсем иное. В тот раз она скорее выискивала несколько иные доказательства.

— Если вы хотите подарить мне книгу, я буду несказанно счастлив. Но сейчас мне все-таки пора идти, пока люди не начали болтать невесть что.

— Вы можете спокойно остаться, меня никто не осудит. Всем своим соседям я сказала, что придет магистр, чтобы взглянуть на книги моего покойного супруга.

Она думала, что все будет очень просто. Но он медлил. Неужели она все-таки ошиблась? Богобоязненным он наверняка не является, так что же может воспрепятствовать ему

подняться к ней в комнату? Страх перед людскими пересудами? Возможно.

— Вы не обидитесь, если я все-таки пойду?

Она засмеялась. Нет, не обидится.

— Вы придете снова?

— Конечно.

Он встал и взял с ограды книгу. Софи проводила его до двери и выпустила на улицу, заметив, что на противоположной стороне ждут Домициан и Лаурьен. Она быстро закрыла дверь.

Ночные сторожа уже успели прокричать десять часов, и на улицах практически никого не было. Штайнер шел к канцлеру. В лунном свете он видел силуэт собора. Перед фонарем как тень промелькнула летучая мышь. За монастырской стеной жили сотни этих зверьков; зимой они спали под старыми балками бывшего сарая, а летом застревали в волосах у послушников, когда те после вечерней молитвы направлялись в dormitorio [\[23\]](#).

Штайнер ускорил шаг и вошел в ворота. «Вас уже ждут», — пробормотал открывший дверь монах. По воде находящегося во внутреннем дворе колодца заплясал свет фонаря. Другой монах торопливо распахнул дверь еще до звонка, и Штайнер оказался в пустом белом коридоре. Налево — к рефекториуму, направо — к часовне. Пахло рыбой и потом, которым послушники покрываются от страха перед дьяволом.

Штайнер вошел, постучав в тяжелую дубовую дверь. Канцлер что-то писал, стоя у стола. Штайнер сел и вперил взгляд в горящую сосновую лучину.

— Судья велел выяснить в городе, нет ли, кроме обнаруживших Касалла, еще людей, видевших или слышавших что-нибудь, что могло бы помочь нам раскрыть преступление, — канцлер сразу приступил к делу. — Я поделился с ним результатами наших с вами расследований. Но мне бы хотелось, чтобы вы присматривались и прислушивались ко всему, что творится вокруг. Выясняйте, сопоставляйте, это у вас хорошо получается, разберитесь, что означает эта фраза на пергаменте... — Он отложил в сторону перо и отодвинул подальше лист. — Вы заходили в архив и просматривали акты. Зачем?

— Было несколько студентов, которым пришлось покинуть факультет вопреки их желанию. Я хотел узнать их имена.

— Ну и что?

— Среди них не оказалось ни одного, кто бы вступил в конфликт с Касаллом.

Снаружи шуршали растаскиваемые ветром листья.

— Я взял образцы почерка, — продолжал Штайнер, — у Лаурьена Тибольда, вдовы Касалла и Домициана фон Земпера. Но почерк при желании можно подделать...

Канцлер покачал головой и повернулся спиной к окну, выходящему во внутренний двор.

— Женщину, конечно, тоже нельзя исключить полностью, но неужели вы серьезно полагаете, что она убила своего мужа? Тихо выбралась ночью из дома, чтобы совершить преступление, подозрение в котором все рано падет на нее, потому что всякому известно, как она ненавидела Касалла... А Лаурьен? Всего месяц на факультете и уже лишил жизни своего магистра? А что касается Домициана фон Земпера, так даже если Касалл побоями глубоко ранил его гордость, все равно этого недостаточно. Мы слишком мало знаем об истинном положении дел...

Штайнер наклонился вперед:

— Наличие в книге пергамента не может быть случайностью. Но какую цель

преследовал убийца? Чего мы не видим из того, что едино? Я просто ума не приложу, что за этим кроется.

— Может быть, для начала нам следует выяснить, что он имел в виду, написав: «Все единое вы делите, а то, что не едино, не узнаете?» Кого он имеет в виду под этим «вы»?

Штайнер тихо засмеялся:

— О, боюсь, что он имеет в виду нас. А разве он не нрав? Предположим, что он имеет или имел отношение к факультету. И чему он здесь научился? Что, если хочешь исследовать вещь, нужно разложить ее на составляющие. *Ratio fide delustrata* [24] — это прекрасно, но мало что дает. Это не новое познание, к тому же есть люди, которым подобный подход к науке не нравится, которые охотнее всего обратились бы кумам вроде Шампо [25]. Вы же знаете, что сказал Роберт де Сорбон [26]: «То, что не перемолото зубами диспутов, не познано полностью».

Канцлер наморщил лоб:

— Не пытаетесь ли вы сказать, что загадка имеет отношение к нашим научным методам?

— Именно так я и думаю. Возможно, что преступник — один из самых резких наших критиков, который, безусловно, умеет вести диспут, занимался этим или занимается по сей день, но считает, что интеллект никоим образом не может охватить всё. И он хочет снова соединить человека и вещи, полагая, что их органическое единство разорвано и они мечутся, словно потерянные души...

Канцлер молча отвернулся, посмотрел в окно и снова подошел к столу. Мыслями он был далеко, рука тянулась к перу.

— Потерянные души, — пробормотал он и поднял глаза. — Вы тоже в это верите, Штайнер? Что мы превращаем в потерянные души всё подряд? И человека тоже?

— Я думаю, да. А еще я думаю, что таким образом к Богу мы не приблизимся, но сейчас дело не в этом. Сейчас речь идет об убийстве Касалла, и я только пытаюсь воспроизвести ход мыслей преступника. Зачем он отрезал рукава от плаща? И вообще, зачем он его раздел?

— А вы догадываетесь зачем?

— Нет. Я только выдвигаю предположения. Если исходить из того, что используемые нами методы он считает неправильными, то верным он должен мнить противоположное. Но он пишет также, что мы не узнаем то, что не является единым. Это же абсурдно, так? Потому что есть ли вообще что-то, что мы еще не разъединили?

Снова пошел дождь. Теплый, тихий дождь летней ночью. Шум ветра сменился стуком капель. Канцлер подпер голову руками.

— Штайнер, вы моя единственная надежда. Я не хочу привлекать вним...

Он повернулся и пошел к буфету за свечой, как будто хотел таким образом пролить свет на происшествие.

— Что вы сказали — как звучит вторая часть загадки? Мы не узнаем то, что не едино? Господи, это же и на самом деле чистейшая софистика...

— А что не едино? — настойчиво спросил Штайнер. — Давайте начнем с самых банальных вещей. Разве рукав не един с плащом? Берет и плащ? Или разве башмаки не едины с рукавами? Книга и плащ? Это бессмысленно. Таким образом мы далеко не продвинемся, но в этом наверняка что-то есть. Убийца отделяет рукава. Он снимает с Касалла башмаки. Кладет книгу посреди улицы, чтобы ее нашли. Книга принадлежала жертве, это нам ничего не дает. Но, может, плащ был вовсе не Касалла?

— Это был его плащ, — мрачно ответил канцлер, — жена его опознала, она уверена.

Она совсем недавно подправляла плечи.

— Значит, рукава от другого плаща.

Канцлер устало пожал плечами.

— Даже если и так, что нам это дает? Предположим, он отрезал рукава от плаща Касалла и бросил их в сточную канаву. Потом отрезал какие-то другие рукава и подсунул их нам. Вопрос, что нам это дает? Это наверняка не то, что не едино, тут что-то другое.

Неожиданно Штайнера охватила усталость. Возможно, канцлер прав, а он совершенно напрасно ломает себе голову. Не исключено, что он на ложном пути. Он с трудом встал, попрощался, один из монахов проводил его до ворот. От теплого дождя ему стало легче, он воспрял духом.

Штайнер остановился и посмотрел вверх. За его спиной в монастырской стене закрылась калитка. И он остался на улице один. Всего в нескольких шагах отсюда валялись рукава, а если свернуть в переулок в сторону Святой Урсулы, то будет его дом, перед которым лежал Касалл. Штайнер пошел вниз по улице. Слева снова ограды, за ними сады и огороды. Человек, тень которого видел ткач, должен был перелезть через одну из этих оград. Но как же все было на самом деле? Убийца лишил Касалла жизни, оставил его на том же месте, отрезал рукава, разбросал одежду, присовокупив туда же книгу, пергамент он наверняка принес с собой уже готовым. Крики Касалла о помощи разбудили спящих, в этот момент убийца еще должен был находиться на улице. Когда мастер открыл дверь, тот как раз убежал. Никто его не преследовал, вместо этого наткнулись на рукава и книгу. И все равно, почему же после убийства у него оказалось достаточно времени, чтобы раскидать вещи? Сколько минут на это нужно? Пять? Десять?

Что не едино, чего они не видят? Штайнер настолько погрузился в мысли, что чуть не прошел мимо дома. Покачав головой, развернулся и достал из кармана ключ.

Магистр стоял за кафедрой. Перед ним на маленьких скамеечках сидели студенты, а на длинных скамьях — лиценциаты и бакалавры, если в этот момент была не их очередь диктовать. Сейчас отрывок из «Суммы теологии» читал Якобус. Он произносил слова медленно и отчетливо, указывая номера параграфов, знаки препинания и большие буквы, чтобы студенты могли записать без ошибок. Затем он перешел к выдвинутым Фомой Аквинским доказательствам существования Бога; похоже, сам Бог отнесся к данному занятию благосклонно: через оконное стекло прямо на середину страницы упал луч солнца.

«Существование Бога можно доказать пятью способами. Самый первый и верный способ проистекает из движения...»

И так продолжалось вплоть до пятого доказательства. Студенты, склонив головы, усердно записывали. Потом Якобус сделал паузу и передал книгу одному из лиценциатов, который продолжил чтение.

Лаурьен поднял голову. От долгого писания рука затекла, шея болела, потому что приходилось сидеть с постоянно склоненной головой, спина ныла от неудобного сидения на скамье. От скользящих по бумаге перьев в комнате стоял скрип. Лиценциат, говорящий в нос монотонным голосом, добрался до комментария к прочитанному. Лаурьен опустил голову на руки и закрыл глаза.

«Он спит, — подумал Штайнер, только что открывший дверь и заглянувший в зал. — Болезненный юноша, но способный. Мне следует о нем позаботиться, теперь, когда Касалла

больше нет. Кто же дает ему *paedagogicum*?»

Он вошел на цыпочках и прислонился к стене. Рядом стоял один из бакалавров.

— Кто сейчас с ним занимается? — прошептал Штайнер, подбородком указывая на усталого молодого человека.

— Пока никто. Я думал, что лучше всего подойдет Ломбарди. Ведь он живет в схолариуме. И ему, бедняге, совсем не помешает лишняя пара пфеннигов.

Штайнер посмотрел на говорившего с сомнением, но не возразил, а выскользнул в коридор, где гулял холодный ветер, который тут же забрался к нему под плащ. Ломбарди? Читая лекции, он должен придерживаться устава. Как и что читать, как долго и с какими комментариями на каком занятии — все определено уставом. Даже ответы на вопросы, и те оговорены. «Так можно научить даже осла», — весело подумал Штайнер. Лично он бы с удовольствием внес в процесс обучения чуть больше самостоятельности. Но ведь Ломбарди будет давать уроки Лаурьену один на один, без свидетелей... Штайнер не доверял Ломбарди ни на грош. Его отец родом из Берна, у матери какое-то поместье в Бретани. И кроме того, он явный приверженец Оккама ^[27], и это в университете, который считает своим долгом представлять точку зрения Фомы Аквинского.

Штайнер остановился. Здесь, во внутреннем дворе, ветер свистел еще сильнее. «Это же полная чушь, — Штайнер призвал себя к порядку. — Нельзя подозревать человека только потому, что он сторонник другого мнения. Да и в чем подозревать? Что он вобьет чушь в голову Лаурьена?»

— Господин магистр... на два слова...

Штайнер обернулся. Сзади, придерживая полы плаща, стоял Теофил Иорданус; его голый череп блестел, вид у него был расстроенный.

— Иорданус? Что такое?

— Ничего хорошего. Возникло подозрение...

Иорданус казался очень смущенным.

— В тот вечер мы все были в пивной, вы же помните, и все мы назначили друг друга свидетелями — один за другого. Но сейчас кое-кто говорит, что магистр Ломбарди примерно на полчаса уходил...

Ломбарди? Штайнер удивленно воззрился на Иордануса. Ведь он только что думал о Ломбарди! Но не в этой связи.

— Уходил из пивной?

— Да. Магистр Рюдегер вспомнил, что Ломбарди неожиданно исчез. Как дух, не прощаясь, а около одиннадцати материализовался снова. Его не было с нами целых полчаса.

Штайнер засмеялся:

— Как дух? Возможно, у него возникла самая естественная надобность.

— На полчаса? Не может быть! Когда Рюдегер это сказал, я тоже вспомнил. Точно, некоторое время Ломбарди на месте не было.

Штайнер попытался восстановить события, но тут внезапный порыв ветра добрался до маленькой статуи Девы Марии, стоявшей в нише на крытой галерее, и задул свечу перед Богородицей.

— Мне очень жаль, но я этого не помню. Знаю только, что он там был, а если и уходил на полчаса, то я этого не заметил.

Теофил Иорданус побледнел и тихо сказал:

— Но было бы хорошо, если бы вы заметили.

— Было бы, но тут ничего не поделаешь. А еще кто-нибудь заметил?

— Только те, кто сидел в непосредственной близости от Ломбарди.

Штайнер кивнул. Это объясняет, почему он ничего не мог вспомнить, — ведь он сидел на другом конце стола.

— Я с ним поговорю, — сказал он и похлопал Иордануса по плечу.

Штайнер покинул коллегium и заспешил в сторону рынка.

Пока студенты были на лекции, в схолариуме дела шли своим чередом. Служанки готовили, стирали и мыли, подметали полы и приносили дрова, чтобы разжечь огонь. Они шутили со Штайнером, потому что в нем было что-то доброе, отцовское, он совсем не похож на карлика, который руководит схолариумом со всей строгостью и требует дисциплины. Сейчас тот сидел в одиночестве в рефекториуме и пил пиво. Увидев приближающегося Штайнера, он смущенно отставил кружку в сторону и поднялся.

— Магистр Ломбарди дома?

— Нет, ушел за бумагой. Но сейчас вернется. Вы к нам по поводу Лаурьена?

В этот момент дверь открылась и появился Ломбарди. При виде Штайнера у него на лице отразилась некоторая удивление. Он скинул плащ и бросил на стол пачку бумаги.

Штайнер произнес только одну фразу: «Мне нужно с вами поговорить».

В комнате Ломбарди книг было мало. Большинство из них он, видимо, взял на время. Поговаривали, что он даже беднее, чем его студенты.

— У вас недюжинные способности к наукам, — начал Штайнер, садясь на скамеечку у окна. — Почему вы торчите здесь в качестве магистра *septem artes liberales*, хотя вполне бы могли получить профессию в *jus canonicum*? [\[28\]](#)

Ломбарди засмеялся, прислонившись к стене и скрестив руки на груди.

— Меня все устраивает. Я не люблю сидеть взаперти, как лошадь в конюшне.

— Причина моего появления, хм... — начал Штайнер, запнувшись в поиске подходящих слов. — В общем, в тот вечер, когда погиб Касалл, вы на некоторое время покидали пивную, не так ли?

Ломбарди молча смотрел в окно на развалины обрушившегося дома, потом кивнул:

— Это правда. Меня не было около получаса.

— Вам надо было самому мне об этом сказать. А теперь я узнаю это от других. Где вы были?

— Ну, предположим, я был у женщины. Вам этого достаточно? Я совершенно точно не являюсь убийцей Касалла, потому что за полчаса я бы не успел добраться от Святого Куниберта до вашего дома, чтобы лишить Касалла жизни, раскурочить плащ и вернуться в пивную. Это же совершенно очевидно. Или нет?

«Трудно, — подумал Штайнер, — но не невозможно. Если разделить полчаса на три куса, как будто это пирог, то получается десять минут туда, десять минут на преступление, включая раскидывание вещей, и оставшиеся десять минут на дорогу обратно. Правда, в таком случае он не смог бы скрыться за оградой, потому что на это потребовалось бы гораздо больше времени. Еще пять минут на сады и луга». Штайнер пожал плечами:

— Вы же знаете фразу, которую преступник оставил рядом с покойником. Вам ничего не приходит в голову по этому поводу? Вы не предполагаете, что он хотел нам этим сказать?

Ломбарди приблизился к Штайнеру. В его голубых глазах мелькнуло что-то озорное:

— Я думаю, вы размышляли на эту тему довольно долго.

— Конечно, я вообще ни о чем другом сейчас не думаю. Я считаю, что преступник — член факультета, который не согласен с нашей методой. Но это только часть загадки. Пока я не могу ее разгадать. Что вы думаете насчет того, что мы не узнаем то, что едино? Рукава были отделены от плаща... но ведь это мы видели.

Ломбарди кивнул:

— Почему он их отрезал? Знаете, о чем я себя все это время спрашиваю? А не хотел ли он на самом деле изуродовать труп? Отрезать руки и голову? Может быть, в последний момент он испугался такого страшного злодеяния и вместо этого взялся за плащ? Я рассуждаю так преступник как будто хотел поставить перед нами зеркало — ведь это мы на своих диспутах раскладываем всё на составляющие. И человека в том числе. Вот его воля, вот разум, там его сердце, а где-то еще — все остальное. Расчленено самым тщательным образом, разобрано на компоненты, подобно форели, которую собираются употребить в пищу. Вот что хотел показать нам преступник, когда разрезал плащ.

С глухим стуком захлопнулась дверь, и в коридоре раздались быстрые шаги студентов, вернувшихся с лекции. Послышались голоса служанок, подающих обед.

«Ломбарди прав, — подумал Штайнер, — но это вовсе не объясняет, что именно из не единого мы не узнали».

— Хорошо, — сказал он задумчиво, — значит, теперь мы знаем, почему преступник действовал именно так, а не иначе. Он является противником нашей методы и продемонстрировал это таким вот образом. Но это только первая часть истории. Мы ведь так до сих пор и не знаем, что не едино.

— Башмаки действительно принадлежали Касаллу? — спросил Ломбарди.

— Да.

— А плащ?

— Тоже.

— Рукава?

Штайнер молчал. Кто знает?

— Берет?

Снова без ответа.

— Книга?

— Да, безусловно.

— Выясните, от чьего плаща были рукава.

Штайнер поднялся. Из рефекториума доносился стук ложек.

— Я должен изучить каждый плащ каждого магистра?

— А почему бы и нет? Может быть, рукава и на самом деле не от плаща Касалла, а это уже немаловажная информация. Предположим, у кого-то из магистров есть плащ, но рукава отсутствуют. Тогда не исключено, что он поручил преступнику действовать в своих целях.

Штайнер открыл дверь. Ведь это значит, что придется заставить всех магистров предъявить все свои плащи.

— Но они подумают, что я их подозреваю, — тихо сказал он, выходя, и услышал за спиной громкий смех Ломбарди:

— Не хотите ли начать с меня?

Штайнер не стал начинать с него. Штайнер сначала сто раз посомневается, не стрижет ли всех под одну гребенку, подозревая в столь ужасном деянии. И все-таки эта мысль его не

отпустит, и в конце концов он, дойдя до отчаяния, последует его совету.

Ломбарди, погруженный в эти мысли, помешивал свой суп. Вокруг — в полном молчании чавкающие студенты. Приор уже закончил обедать и положил руки на стол. «Боже мой, если мне придется и дальше жить в этом унылом схоляриуме, я потеряю разум», — подумал Ломбарди. Здесь люди словно тени, словно воплощенные грехи в царстве Божиим, а ведь в городе полно развлечений. Здесь царит мрачный дух, еда скудная, комнаты грязные, а зимой еще и ужасный холод. Домициан и Лаурьен теперь крайне неразговорчивы, потому что их волнует отсутствие алиби. Они сблизились еще больше. Лаурьен носил за старшим товарищем книги, чистил ему обувь и, казалось, в своей преданности был готов на любое унижение. «А что, если они вдвоем и сотворили это дело, — пронеслось в голове у Ломбарди. — Что, если один притворился больным, а второй ушел домой пораньше? Если все это был блестяще разработанный план?» Ломбарди начал рассуждать дальше Лаурьен не способен убить. Скорее уж Домициан. Честолюбив, умен, ловок, дерзок, голубая кровь — от него можно ждать чего угодно. Да еще история с побоями, которая облетела весь факультет. Может быть, высокочтимый сынок знаменитого адвоката не перенес столь гнусного оскорбления и с тех самых пор затаил в своем сердце ненависть?

— Вы будете давать уроки школяру Лаурьену, — услышал он рядом нежный голос. Ломбарди не заметил, как к нему подкрался де Сверте.

Ломбарди поднял голову:

— Это указание магистра Штайнера?

— Да, прежде чем уйти из схоляриума, он поручил мне это вам передать. Можете начать прямо сейчас.

Ну что ж, появятся хоть какие-то деньги, в этом отношении ему особо нечем похвастать. На ярком голубом небе улыбалось солнце. С каким удовольствием он бы спустился к реке и погрелся в его лучах! Смотрел бы на корабли, стоящие на якоре в гавани, полной рыбной вони или аромата пряностей — в зависимости от того, что в данный момент разгружают. Но вместо этого он позвал в свою тесную комнату Лаурьена и принялся диктовать из Аристотеля.

Комната, в которой Лаурьен получил свои первые уроки, была точно такой же мрачной, как и весь схоляриум. Он сидел на скамеечке, Ломбарди стоял за своим пультом и читал вслух или давал собственные пояснения. Лаурьен записывал под диктовку магистра, склоняя голову прямо к сальной свечке, потому что через узкое окно свет в комнату почти не попадал. Сначала Ломбарди объявил Лаурьену, что будет обучать его всем предметам: грамматике, риторике и диалектике, а также музыке, арифметике, геометрии и астрономии. Тривиум и квадривиум. У Лаурьена не было своих собственных книг, предоставить их обязан Ломбарди. Хотя можно попытаться изучить привязанную цепью книгу в библиотеке нищенствующих монахов. Ломбарди всё перечислял и перечислял названия необходимых для занятий трудов: «De consolation», «Summa theologiae», «De amitia» и так далее.

На одном из этих занятий Ломбарди читал про учение Аристотеля о категориях. Оно всегда вызывало ожесточенные споры среди артистов, но общего мнения в ходе этих споров не рождалось, и в конце концов дело дошло до образования отдельных лагерей. В Эрфурте собрались номиналисты, где-то в другом месте — реалисты ^[29]. Но если бы Лаурьена спросили, а какого же мнения придерживается он сам, он бы не смог ответить. Одни верят только в существование вещей, вторые — в их внешний облик, идею вещей. Удивленный Лаурьен не мог понять, как можно обнаружить различие между вещью и ее идеей.

Голос Ломбарди нагонял на него сон. Если бы Лаурьену не приходилось конспектировать и хотя бы таким способом заставлял свой дух бодрствовать, он бы давно погрузился в глубокий сон. Да и не очень-то он пока во всем этом разобрался. Что это за категории, из-за которых философам приходится драться до крови?

Ломбарди сначала читал, а потом комментировал, но при этом он прибегал к цитированию других комментаторов и толкователей. Он всё комментировал и комментировал, и вскоре в голове у Лаурьена образовался целый клубок из вопросов; он запутывался все больше и больше и в конце концов просто вытаращился на Ломбарди, открыв рот.

— Ну, — сказал наконец Ломбарди и изобразил на лице улыбку, — совершенно очевидно, что речь идет о сущности вещей и об их внешнем проявлении. То есть что имеет большую ценность — общие идеи или отдельные вещи? Как ты думаешь?

— Я думаю, отдельные вещи обладают большей ценностью, потому что без них мы бы понятия не имели об их внешнем проявлении, — неуверенно пролепетал Лаурьен.

Ломбарди улыбнулся, но в улыбке была примесь горечи.

— Значит, ты бы отдал предпочтение отдельным вещам. А это позиция номиналистов. Сам Аристотель однозначного ответа не дает. Ну что ж, спросим еще. Гильом из Шампо утверждает, что даже если бы не было белых вещей, то белый цвет все равно бы существовал.

— Но это же чушь собачья, — вырвалось у Лаурьена. — Как может существовать белый цвет, если в мире нет ничего, имеющего белый цвет? К тому же белизна — это свойство, а не вещь.

— Возможно, — возразил Ломбарди. — Но каждая вещь обладает свойствами, чтобы ее можно было узнать и отличить от других вещей. Таким образом, белизна есть свойство вещи. Нет вещи без цвета и цвета без вещи. И в чем же разница?

Лаурьен молчал. На самом деле теперь уже он и сам не видел никакой разницы. Разве существуют вещи, лишённые цвета? Но он почувствовал, что Ломбарди подводит его к чему-то иному, и поэтому осторожно сказал:

— Вы отделяете идею от предмета. Вы отбираете белизну у белой лилии и говорите, что здесь лилия, а там белизна. Разве это не так?

— Примерно. На эту тему мы поговорим завтра.

Ломбарди захлопнул книгу. Коротко кивнул Лаурьену и вышел из комнаты. Лаурьен продолжал сидеть, дописывая на своем листе последнее предложение. И тут вдруг снова вспомнил отражение дерева в воде. Не это ли пытался объяснить ему Ломбарди? Образ в воде и растущее в земле дерево? Но разве это не одно и то же? Домициан был прав. Здесь разделяют то, что едино. Ведь разве вещь и ее идея не едины? Но тут явно дробят на части весь мир, рассовывают обрывки по отдельным сундукам, как обычные люди — постиранное белье. А что же делать со спорными частями, которые остались не у дел?

— Странный способ мышления, — пробормотал Лаурьен, собрал свои бумаги и встал.

Штайнер стоял на берегу в гавани и задумчиво смотрел на реку. Ему выказали доверие, попросили взять это дело на себя, чтобы судье можно было сказать, что для той части дела, которая в определенной степени связана с философскими вопросами, у них есть свои люди. А теперь он придет и попросит их предъявить свои плащи. Само собой разумеется, исключительно из философских соображений! Потому что того требует метода. Это ведь самое главное — метода. Она господствует даже здесь и даже здесь создает четкие

структуры. Старшина гавани, слуги закона, таможенники — у каждого своя функция. Сегодня суета торговцев, корабельного люда и чиновников смущала его, хотя почти ничто на свете он не любил так, как кипящую в гавани жизнь. Ну разве что свои штудии. Кроме них, у него ничего не осталось. Иногда он заходил в бани, но никогда не посещал бордели, да и других развлечений себе не позволял. Женщины у него никогда не было, кроме разве что sapientia [\[30\]](#), но она была не из плоти и крови, всего лишь некое воздушное создание, парящее над его головой. Подобное единение вызывало определенные сложности. Ему обязательно требовался контрапункт, и когда он смотрел на них, на этих людей в разноцветной одежде — сам он всегда ходил в темном, чего нельзя сказать про других магистров, — то радовался вместе с ними самым простым вещам. Иногда он ездил на лодке и наблюдал за рыбаками, полагая, что подобная созерцательность вполне его устраивает.

А сейчас он сидел на невысокой изгороди и разглядывал людей, стоящих у весов для зерна. Шесть ударов колокола. Через час закроют ворота, потом возможность проникнуть в город обойдется довольно дорого. Так же, как и выбраться из него. Он подумал про Домициана фон Земпера. Если поиски плаща ничего не дадут, придется как следует заняться этим дворянином.

Числом их было двадцать один, двадцать один магистр семи свободных искусств. Одиннадцать из них жили в коллегиумах, кое-кто снимал в городе отдельные дома. Штайнер начал с коллегиумов. Потом обошел бурсы, в которых жизнь была чуть более светской, а затем заглянул в приют, где жил всего один магистр. Там царил монастырский покой, а от бедных студентов требовали неукоснительной дисциплины. Магистров, живущих дома, он решил посетить в последнюю очередь. Везде он задавал один и тот же вопрос: «Не могли бы вы показать мне свой плащ? У вас он всего один?»

Он сталкивался с недоумением, открытой неприязнью и крайне редко — с пониманием. Он мало что объяснял, ограничивался намеками и снисходил до замечания, что ищет истину. Двадцать один магистр и двадцать один плащ, все в полном комплекте: и рукава, и берет. По дороге к последнему коллеге он качал головой и думал: «Ну что за ерунда!»

Этим самым последним оказался Ломбарди, встретивший его ухмылкой и заранее приготовивший свой плащ. Второго плаща у него не было.

— Мы ищем вовсе не рукава и береты, — пробормотал Штайнер, окончательно утративший уверенность, хотя на самом деле никогда даже и не надеялся, что все может быть настолько просто.

Он зашел к канцлеру и попросил разрешения обыскать обе студенческие комнаты в схолариуме на Гереонштрассе. Может быть, там обнаружится нечто такое, что позволит подтвердить подозрение, падающее на Домициана фон Земпера. Канцлер отнесся к затее скептически, но в конце концов согласился.

— Он заставил показать ему все плащи.

Гризельдис засмеялась и поставила в кружку белые маргаритки. Софи стояла рядом и уныло изучала белизну цветов.

— Когда ты переезжаешь? — спросила Гризельдис.

— Завтра.

Ей придется покинуть дом, который город снял для Касалла. Хорошо хоть, она нашла маленькую комнатку на сенном рынке. Но дело даже не в этом. Семья не проявила желания

ее поддерживать, коль скоро она не хочет жить с ними, а от родственников Касалла ждать и вовсе нечего. Откуда же тогда брать деньги? Конечно, существуют приюты, и город не оставляет в беде несчастных вдов, но этого ей не хотелось. Она стремилась к невозможному. Максимум, на что могла рассчитывать женщина, это учеба в монастырской школе, но уж никак не на факультете. Женщины не могли стать лиценциатами, имеющими право преподавать, потому что до чего же можно дойти, если женщины превратятся в источник знаний для мужчин?!

— Слушай, — тихо сказала Гризельдис, — если тебе это покажется ужасным, то сделай вид, что нашего разговора не было. Но подумай как следует, потому что это возможность заработать деньги тайно. Ты молода и красива, мужчины будут рады заполучить тебя...

Этим Гризельдис занималась уже не первый месяц. У нее были деловые отношения с хозяином гостиницы, который поставлял мужчинам женщин. Она хорошо зарабатывала, потому что была не проституткой, а честной бюргершей и требовала ровно столько, сколько ей было нужно в данный момент. А мужчины соглашались платить, хотя проститутки иногда отдавались всего лишь за пригоршню вишни.

— В этом доме у тебя бы ничего не получилось, — сказала она, изучая замершее, неподвижное лицо Софи. — А на новом месте... там тебя никто не знает, ты сможешь исчезать незаметно. Дом, где вы будете встречаться, стоит на отшибе. Мужчины приходят поздно ночью, тайно. Если ты проявишь чуть-чуть осторожности, никто и внимания не обратит.

— Я не шлюха, — только и сказала Софи.

— Нет, конечно же нет. Ты просто подзаработает немного денег и выйдешь из игры, как только накопишь достаточную сумму. Твоими, так сказать, возлюбленными будут люди приличные, хорошо одетые и щедрые.

— А если все выяснится?

— Если вести себя осторожно, все будет шито-крыто.

Софи осмотрелась. Завтра ей переезжать. Большую часть мебели придется оставить, потому что они получили дом уже с мебелью. Только книги Касалла, посуда, кровать, сундук для одежды, стол и стул — вот и все, что она заберет. Она могла бы продать книги, но это даже не обсуждается. Книги — единственная ценность, которая у нее осталась.

— Спросить у него?

Она испугалась:

— У кого?

— У хозяина! Спросить, сможет ли он найти тебе применение?

— Нет, ради бога, нет!

Они покинули дом и пошли в сторону церкви Святых апостолов. Поскольку никому не хотелось заставлять вдову бывшего магистра терпеть крайнюю нужду, одна из зажиточных семей города выказала готовность передать в ее распоряжение комнату в своем большом доме возле сеного рынка. На верхний этаж можно было попасть по лестнице через заднюю дверь. Комната светлая, окно выходит на рынок, где торгуют скотом; правда, шум, производимый животными и торговцами, слышен постоянно. В данный момент эта комната пустовала. Софи потерянно стояла посередине, зажав уши.

— Завтра будет лучше, — сказала Гризельдис. — Как только поставишь кое-какую мебель.

Софи кивнула. Да, завтра.

Он устало прислонился к стене; это был его первый диспут. Спина болела. Даже в субботу человека не могут оставить в покое. Но сказать ему нечего, потому что он всего-навсего жалкий scholar simplex, не имеющий права даже рот открыть. Выступать с речами могут магистры, лиценциаты и бакалавры. На это мероприятие магистры должны были явиться в плащах. Все должны присутствовать в обязательном порядке. Диспут всегда проводился по одной и той же схеме один из магистров давал тезис, бакалавры подбирали аргументы и контраргументы, которые однозначно вытекали из ratio и устоявшихся традиций.

На этот раз была очередь Штайнера:

— «Не тот хороший человек, у кого хорошая сила познания, а тот, у кого добрая воля».

Это положение требуется исследовать.

Лаурьен поднял голову.

— Итак, — продолжал Штайнер, — как обстоит дело с преобладанием воли над силой познания?

Один из бакалавров, толстый парень с одутловатым лицом, про которого было известно, что он с удовольствием сделался бы магистром, но не обладал достаточными средствами, и который постоянно лез вперед, поднял руку и объявил, что хотел бы высказать по этому поводу свое мнение.

— В другом месте есть указание, что интеллект благороднее воли. Мне кажется, Фома и сам не очень хорошо знал, чему следует отдать предпочтение.

Штайнер кивнул, но ничего не ответил. Подошла очередь другого бакалавра, у Лаурьена снова начали закрываться глаза. Голова его была забита совсем другими проблемами. Ему очень нужны деньги на бумагу и прачек, которые приводят в порядок его одежду. Он постоянно перебирал: деньги на бумагу, на вино, на мытье, на повара, брадобрея, привратника... Не дай бог, еще придется побираться на рыночной площади...

— И все-таки это то же самое. Воля есть высшая добродетель, но что она без силы познания? Он говорит, что венцом разума является познание истины, ибо человечность человека проявляется именно потому, что он обладает разумом.

— Значит, познание также и выше любви, говорит он, и познание важнее, чем традиционная...

У Лаурьена застучало в голове. Следующий поставленный Штайнером вопрос касался доказательств существования Бога, выдвигаемых Фомой Аквинским.

— Я утверждаю, что недвижимое существовать не может, потому что как же тогда оно способно двигать что-то другое?

Толстый бакалавр ответил:

— Но должна существовать некая движущая константа. Это первая действенная причина, как показывает Фома в своем втором доказательстве. Таким образом, мы должны различать движение и причину, потому что они не могут быть одним и тем же.

А третий продолжал:

— Нечто в самом себе включает собственную необходимость, точно так же, как в самом себе оно имеет собственное движение и собственную причину. И это Бог. Следовательно, Бог...

Лаурьен, все еще занятый своими бесперспективными подсчетами, молча потряс головой. Неужели он может одновременно думать про банщика и следить за диспутом?

Значит, может. Его очень злило вынужденное молчание, на которое он был обречен.

— Чем же мне мыться, если у меня нет воды, — прошептал он сидящему рядом Домициану.

Как недвижимое может создавать движение, спрашивал себя запутавшийся Лаурьен. Как может Бог, являясь недвижимым, создавать движение? Всем известно, что движение существует только в том случае, когда вещь способна прийти в колебание. Но прийти в колебание она может только тогда, когда встречается с чем-то, что тоже колеблется. Может ли нечто недвижимое вызывать колебания? Ветер создает волны, а те, в свою очередь, другие волны. Но если бы не было ветра, откуда бы тогда взялись волны? От Бога, ответили бы те, кто все еще увлечен диспутом. Как только они попадают в тупик и не знают, в каком направлении двигаться дальше, они тут же хватаются за магическую формулу. Бог. Бога можно применить ко всему, Он незримо присутствует на диспуте, подобно призраку.

И тут он услышал голос Ломбарди:

— Нет ничего первичного, что ничем не приводится в движение. Таким путем ничего не достигнешь. Вы пытаетесь сравнить Бога с яблоней? Она стоит крепко и неподвижно, но все-таки в ней достаточно жизни, чтобы производить яблоки. Вы об этом уже слышали? Я имею в виду, вы слышали, откуда дерево берет свои яблоки? Это чувствуется по запаху? На вкус? Это можно ощутить? Нет, это происходит само по себе. Конечно, мы можем подрезать яблоню, чтобы на ней появилось большее количество еще более вкусных яблок, но ее тайна остается сокрытой от нас. Бог сказал ей: одари людей яблоками, так же как он сказал курице: одари людей яйцами. Вы не можете использовать движение как основу своей аргументации, потому что оно может быть релевантным падающему вниз камню, но никак не тайне жизни.

Поднялся ропот, негромкий, но тревожный. До сих пор никто и никогда не участвовал в диспуте таким вот образом.

— Тайна жизни? — удивленно переспросил толстый бакалавр. — А разве, чтобы она возникла, ее не следует точно так же привести в движение?

— Да, и в самом деле, — весело сказал один из лиценциатов, — тут и правда требуется как следует подвигаться.

Некоторые засмеялись. Даже Штайнер улыбнулся.

— Если бы все заключалось в одном круге, то ему бы не требовалось начала. Тогда последнее находящееся в движении одновременно являлось бы и первым находящимся в движении... — сказал Ломбарди.

— А где бы пребывал этот круг? — спросил бакалавр, и в голосе его послышалась ненависть.

— Он бы пребывал везде, — спокойно ответил Ломбарди, — это был бы принцип мира и универсума.

— А Бог? Куда же вы тогда ставите Бога? В начало или в конец?

— Нет ни начала, ни конца. Это принцип круга.

Ответа на вторую часть вопроса он дать не успел.

Но и без того было понятно, какие из этого последуют выводы. Штайнер прервал диспут.

Вечером в схоластикуме на Геронштрассе появились два присланных канцлером человека, которые приступили к осмотру спален студентов. Они обыскали и стоящие в коридоре

сундуки, перелистали книги, просмотрели записи, потрясли кровати, сняли одеяла, но не обнаружили ничего, кроме полчищ разбегающихся в разные стороны блох Штайнер стоял в дверях и смотрел на чиновников. Неужели злодей — будь то Домициан фон Земпер или даже Лаурьен — не оставил никаких следов? Где же преступник писал свою записку?

— Я точно так же мог бы настрочить ее в коллегииуме, — услышал вдруг Штайнер позади себя голос Домициана, который, улыбаясь, приблизился к нему. — Я же не настолько глуп, чтобы разбрасывать здесь всякие подозрительные бумаги.

— Нет, конечно нет, — спокойно ответил Штайнер.

— Значит, вы все еще меня подозреваете?

— Да, все еще подозреваю.

— А Лаурьен? Разве не с таким же успехом преступником может быть он?

— Да, это тоже не исключено.

— Я этого не делал, — упрямо сказал Домициан. — А Лаурьен и мухи не обидит. Это же ни в какие ворота не лезет.

Штайнер молчал. Да, не лезет, но другой зацепки у него нет.

Сейчас, вечером, под окном было тихо и спокойно. Торговцы скотом ушли, но остался запах мочи, резкий, едкий. Тяжелые темные тучи подбирались к скользящему вниз солнцу. Заскрипела какая-то табличка, раскачиваемая поднявшимся вдруг ветром.

Софи замерзла. Холод окутал ее, словно вторая, стыло ледяная кожа. Пресвятая Дева, что я здесь делаю? Почему не изучаю какую-нибудь приличную профессию? Я слишком ленива? Слишком изнежена? Или слишком горда? Никогда в жизни женщине не позволят учиться на факультете, даже думать об этом смешно. Но я им покажу, на что я способна. Гризельдис уверяла, что это легкие и достаточно большие деньги. Только изредка, время от времени. А после каждого клиента — за книгу, она будет читать, пока буквы не полезут из глаз, потому что куда же им еще деваться? Оставаться в ней? Она не сможет найти им применения, хотя ей хочется всё знать. Откуда у нее эта фатальная жажда знаний?

И тем не менее она ответила Гризельдис: «Нет, это даже не обсуждается». Может быть, попробовать получить место переписчицы? От этой мысли она слегка успокоилась. Накинула плащ и спустилась вниз. Уже падали первые капли дождя. Софи постояла перед домом. Она не любила ходить по ночам одна, но сейчас ее ждала Гризельдис. Миновав сенной рынок, она вздрогнула. Нельзя ли ее проводить, поинтересовался веселый мужской голос. Сзади стоял Ломбарди. Берета у него на голове не было, и если бы не этот темный плащ, он походил бы на греческого бога. Дальше они пошли вместе.

— Есть новости про убийцу? — спросила Софи.

— Предположительно это студент или магистр артистического факультета. Кому бы еще пришла в голову мысль загадать нам философскую загадку!

— И как? Вы ее уже разгадали?

— Нет.

— Я слышала, Штайнер проверил плащи всех магистров. Наверняка это не прибавило ему новых друзей.

— О, — с издевкой произнес Ломбарди, — все сошлись во мнении, что он просто хотел избавить нас от подозрений. И это ему удалось.

— Да не могли это быть магистры, — пробормотала Софи, — они сидели все вместе в пивной. Один за всех, все за одного.

И вдруг дождь хлынул как из ведра, вся улица тут же оказалась в воде.

— Сюда! — закричал Ломбарди и схватил Софи за руку. Рядом находился трактир, дверь которого распахнулась от ветра, а хозяин как раз пытался ее закрыть.

Они сели на скамью и заказали вина. За окнами сверкали молнии и грохотал гром. Хозяин перекрестился. Многочисленные церковные колокола проснулись все разом. В окна хлестал град, а потом из-под двери потекла вода. Колокольный звон усилился, но его перекрывали раскаты грома. Буря снова распахнула дверь, и внутрь ввалилась толпа мужчин, стремящихся найти защиту от непогоды. «Молния ударила недалеко от церкви Святых апостолов!» — крикнул один, и вот уже в переулке показались бегущие стражники.

Поднялся переполох. Где-то якобы орды оборванцев ограбили золотых дел мастера, у которого градом выбило окна. На месте строительства собора обвалились леса, похоронив под собой двух проходивших мимо женщин. Тем временем трактир заполнился настолько, что протиснуться в него не смогла бы даже мышь. Но народ все прибывал и прибывал, хотя многих из этих мужчин хозяин до сих пор никогда и в глаза не видел. Он бы с удовольствием выставил их вон, но они грубыми голосами требовали пива и не выражали желания вылезать на растерзание потусторонних сил. Потом один из них схватил топор и приставил его к горлу хозяина: если он не принесет им пива немедленно, то тут же превратится в труп, а они ведь собирались даже заплатить, у них карманы просто набиты деньгами...

Софи хотелось уйти. Лучше дождь и гроза, чем подобное общество. Хозяин пулей полетел, чтобы принести пиво для парня, у которого в руках все еще поблескивало оружие смерти. Ломбарди встал и повел Софи через толпу прочь. Выйдя на улицу, они увидели, что совсем рядом, прямо перед женским приютом, в дерево попала молния.

Позже Софи даже вспомнить не могла, с чего все началось. Видимо, кто-то из мужчин, вывалившихся из трактира, схватил одну из приютских и принялся танцевать с ней прямо на улице. А потом вдруг вспыхнула драка. Софи оказалась в самом центре. В безотчетном страхе она прижалась к ограде, палки и сучья летали прямо над ее головой. Хотя дождь и загасил горящее дерево, оно вдруг упало. А потом Софи заметила рядом с собой парня, который пытался заставить женщину танцевать, а она, наверное, подумала, что настал Страшный суд, потому что вопила и отбивалась руками и ногами. И тут парень с хохотом обхватил своими сильными пальцами ее шею и сдавил. Женщина упала на колени, но он не отпускал свою жертву, давя со смертельным спокойствием все сильнее и сильнее. Все замерли и молча смотрели. И вдруг он упал. Мертвый. Свалился на землю, как будто в него тоже попала молния. А сзади стоял Ломбарди, зажав в руке нож, с которого капала кровь. Софи закрыла глаза.

— Он спас жизнь женщине! — закричали люди подбежавшему стражнику, который склонился над мертвецом.

Женщина хрипела и ощупывала след на шее — красные отпечатки рук, которые ее душили только за то, что она не хотела танцевать. У мертвеца — сейчас это было ясно видно — не хватало одного уха. Не тот ли это вор и убийца, которого уже давно разыскивают? Наверное, гроза выманила его из укрытия, обнадежив, что он сможет влечь пограбить. Но зачем такой тип заставлял эту женщину танцевать?

Софи открыла глаза. Труп все еще лежал на земле, а Ломбарди беседовал со стражником, спокойно и по-деловому. Стражник хотел узнать, откуда у него нож. Он всегда берет его с собой, если выходит из дому в темное время суток. Его зовут Зигер Ломбарди, он магистр семи свободных искусств, живет в схолариуме на Геронштрассе. Стражник кивнул.

При свете фонаря было видно, что все приютские собрались вокруг своей пострадавшей товарки, а та на трясущихся ногах подошла к Ломбарди и принялась благодарить. Он лишь улыбнулся.

День святого Иоанна прошел, желтые цветы завяли. Теперь на полях буйствовали маки и колокольчики, да и пшеница нынче уродилась. На песчаный берег накатывали легкие волны, в воде сверкали солнечные лучи. Ниже по течению на берегу стоял маленький домик там можно было перекусить. Штайнер проголодался, впрочем и выпил бы тоже с удовольствием. Издалека он увидел насаженные на вертела рыбины, жарящиеся над огнем.

Иорданус уже ждал Штайнера. Он тоже пришел пешком, правда по другому берегу, а от причала сюда без малого час ходьбы, поэтому ступни у него просто горели. Штайнер заказал жареную рыбу и пиво. А потом посмотрел на усталого, измученного Иордануса и улыбнулся. На противоположном берегу раскинулся распаренный жарой город.

— Я старею, — заявил Иорданус, снимая башмаки. — Состояние такое, как будто я совершил паломничество в Сантьяго-де-Компостела. А ведь всего-навсего прогулялся по берегу, к тому же половину пути проехал в лодке.

— Если мы будем постоянно корпеть над книгами, то вообще забудем, как выглядит этот мир, господин магистр, — пошутил Штайнер.

— А разве мы еще не забыли? Иногда на диспутах меня посещает мысль, что мы заплутали в мечтах и фантазиях. Вот это... — он показал на окружающие поля, — это же реальная действительность. Вы способны обработать поле? По-настоящему? Посеять зерно, а потом собрать урожай?

Штайнер покачал головой:

— Нет. Я не крестьянин. Да и вы тоже. Так уж случилось, что кто-то обрабатывает поля природы, а кто-то — поля духа.

— Может быть, первое лучше, — пробормотал Иорданус.

— У вас отвратительное настроение.

Неожиданно Иорданус наклонился и схватил Штайнера за рукав:

— Вы не имели права спрашивать у магистров про плащи. От этого в крови начинает бурлить злость.

— Знаю, но я хотел убедиться. И это у меня получилось. Теперь каждый из нас вне подозрения.

— Все, кроме Ломбарди.

— Да, вполне возможно. Но если он смог за полчаса добежать до моего дома и обратно, а между делом убить Касалла, то он знает с нечистой силой. А между тем один наш коллега клянется, что Ломбарди уходил не больше чем на полчаса.

— Коллега может ошибаться. Я говорю вам, Штайнер, Ломбарди — это уравнение с двумя неизвестными. Я ему не доверяю. Слышали, что позавчера он спас жизнь какой-то женщине из приюта? Всадив человеку нож в спину? Ну, и сами понимаете, что из этого вышло. Кельнцы чествуют его теперь как героя, к тому же он прибавил славы факультету.

— Но ведь парень просто хотел с ней потанцевать, — сказал Штайнер.

— Он ее чуть не задушил. Она до сих пор не встает с постели. И никто не хотел ей помочь. Все стояли вокруг и глазели.

— Пока не появился Ломбарди.

— Да, пока не появился Ломбарди.

— Вам не кажется, что он слишком поспешно хватается за нож?

Иорданус покачал головой:

— Что это значит, Штайнер? Против него можно говорить что угодно, но если бы он не проявил человеколюбие, женщина наверняка уже была бы мертва. Пусть кое-кто скажет, что это всего-навсего старая карга, но человеческая жизнь все равно остается человеческой жизнью.

Штайнер отпил пива. Вытянув ноги, он, моргая, смотрел на солнце.

— Иорданус, я топчусь на месте. Признаюсь, проверить плащи — это была идея Ломбарди, и в этой идее оказалось некое разумное зерно. Но дело не в плащах. Я на совершенно неправильном пути и не вижу выхода, сколько бы ни ломал голову. Я почти верю, что преступление совершил сумасшедший, оставил нам бумажку, а теперь помирает со смеху, видя, как мы мучаемся, прикидывая то так, то этак. Sapientia меня покинула. Думаю, мне следует сосредоточиться на Домициане фон Земпере, это единственная зацепка, которая у меня есть, потому что, возвращаясь в схолариум, он спокойно мог пройти по Марцелленштрассе. Там, например, столкнулся с Касаллом и воспользовался представившейся возможностью.

— Хорошо. Предположим, что он единственный, кто в это время был на улице. Софи Касалл и Лаурьен не вставали со своих постелей. В таком случае именно он должен был составить загадку и разрезать плащ...

— А что там еще лежало, кроме плаща?

— Башмаки, но они принадлежали самому Касаллу. В этом может поклясться его жена.

— Она уже подтвердила, что плащ его. А если она лжет?

— А если завтра мир перевернется вверх ногами? Штайнер, во что вы, собственно говоря, верите? Если вы занимаетесь этим делом, у вас должна быть твердая точка зрения.

— Верно, — пробормотал Штайнер. — Но если она действительно лжет?

— А зачем ей лгать? Чтобы выгородить саму себя?

— А если они все врут?

— Надеюсь, вы это не серьезно?

— Да, — тихо сказал Штайнер, — это я не серьезно... Что вы знаете о Ломбарди?

— Немного. Что он умен, магистром стал уже в двадцать лет. В Париже. Потом поехал в Прагу, потом в Эрфурт. Что питает слабость к Оккаму и Бэкону^[31]. Убивает мужчин, которые пытаются надругаться над женщиной. Что он не слишком богат. Что красив и циничен...

— И что у него есть возможность водить нас всех за нос, — проворчал Штайнер.

Какое-то время они молча смотрели на детей, играющих на берегу, пока Иорданус не поинтересовался, а где же был Ломбарди в течение того получаса.

— У женщины, но имя я не спрашивал. Он полагает, что если я умею считать, то подозревать его в убийстве не стану. Он не обязан мне ничего рассказывать. Но вообще-то мне бы хотелось знать, у кого он был.

С противоположного берега донеслись удары колокола. Через час закроют городские ворота. Иорданус с ужасом подумал об обратном пути, и на лице у него появилась гримаса боли.

— У меня ноги не двигаются...

Штайнер ухмыльнулся:

— Значит, вам придется ночевать здесь, уважаемый коллега. Я слышал, что тут вполне

приличные постели.

Иорданус поднялся.

— Огнем горят, — сказал он чуть ли не торжественно. — Жжет, как будто от тысячи свечей. Теперь я знаю, что испытывают мученики, которых охватывает пламя. О милосердие Божие, коснись меня...

Они отправились в путь. Иорданус решил снять башмаки и босиком трусил рядом со Штайнером. Приближающуюся по лугу повозку, запряженную быками, он заметил издалека. Наверное, торговец или крестьянин, спешащий попасть домой.

— Он просто обязан взять меня с собой! — Иорданус пришел в восторг. — Пусть доведет меня до лодки.

Он завопил так громко, как будто речь шла о жизни и смерти. Повозка остановилась, мужчина посмотрел на них. Иорданус призывно размахивал руками. «Слава Богу», — с облегчением подумал Штайнер, когда повозка наконец подъехала к ним.

Иорданус предложил вознице несколько монет, если тот поможет ему добраться до лодки, которая перевезет его на другой берег. Тот согласился, и Штайнер продолжил путь в одиночестве. Идти надо было еще добрых полчаса. И вдруг он услышал — по крайней мере так ему показалось — голос.

— Штайнер!

Он подскочил. Это мог быть только Иорданус, но ведь сейчас он сидит на тряской телеге, целиком и полностью посвятив себя своим ступням. Странно, ведь больше здесь никого не было.

Штайнер покачал головой и пошел дальше.

Софи родилась вне городской территории, так сказать за воротами Кёльна. Но потом город принял отца на работу переписчиком, семья переехала и получила бюргерские права. Теперь, когда Касалл умер, да и отец вот уже год как лежит в земле, мать потребовала, чтобы она вернулась домой. Но Софи отказалась. Она намерена принимать решения самостоятельно. Позади у нее двухлетний ад: брак с побоями и унижениями. Теперь все должно кончиться. Ей не хотелось переходить от одного хозяина к другому. Вообще-то сестры мечтали, чтобы Софи, как и они, стала крутильщицей нити, тогда она сможет вступить в цех и зарабатывать деньги, но к работе с нитками у Софи было ровно столько же таланта, сколько у Гризельдис — к супружеской верности. С Гризельдис Софи познакомилась в мастерской своих сестер, где та какое-то время тоже крутила нить. Гризельдис была полной противоположностью Софи: она всегда знала, чего хочет. Так что Софи даже не удивлялась тому, что она богатеет, торгуя своим телом, и при этом безо всякого ущерба для себя, Гризельдис рассказывала, что на все вопросы мужа она только пожимает плечами, и он верит, будто она до сих пор работает в мастерской. Дурачок, ничего не замечает. Он торговец и почти не бывает дома.

Софи хотела быть похожей на Гризельдис, тоже хотела стать проще и решительнее. Но ей не хватало бесстыдства. Она постоянно размышляла и регулярно натыкалась на моральные препоны. Ее натура требовала обдуманых действий: сначала необходимо взвесить все за и против, прикинув и так и этак. Вместо того чтобы принять решение, она целыми днями сидела у окна и считала лошадей на площади и удары кнутов.

— Как ты можешь говорить, что тебе противно, если ты даже не пробовала?

Гризельдис вынула из корзины сыр, хлеб и бутылку вина. Сдачу тоже выложила на стол.

— Этого надолго не хватит. Боюсь, тебе все равно придется крутить нить.

Софи кивнула. Крутить нить — это почтенная работа. Катержная, но почтенная. Став крутильщицей, она найдет себе хорошего мужа. Такого, как Касалл, про которого отец когда-то сказал, что лучше просто не бывает. А не позволят ли ей выполнять какую-нибудь работу для факультета? Что-нибудь переписывать... По крайней мере, можно спросить, потому что от спроса никакого вреда не будет.

— Кто он? — спросила она.

— Я его не знаю. Молодой человек, не скупой. Этими деньгами можно оплатить квартиру за целый месяц; кроме того, у тебя будет хорошая еда и ты сможешь сделать первый юное кредиторам.

— А ты не чувствуешь себя грязной, Гризельдис?

Нет, грязной Гризельдис себя не чувствовала. Гризельдис родом из нищей семьи, так что постель оказалась для нее лестницей наверх. Софи прижалась лицом к стеклу. Там, внизу, взлетали и опускались кнуты лошадиников. Удар, второй... Похоже, жизнь состоит из одних ударов.

Она даже не знала имени хозяина. Не знала она и названия переулка, в который ее, закутанную в длинную накидку, вела Гризельдис. В желудке обустроилась тошнота, похожая на мерзкую жабу. Мать вынуждала ее вернуться домой — если дочь откажется, то она не даст ни пфеннига. Скоро начнется новый месяц, и она не получит кредита. Или все-таки? Как вдова уважаемого магистра... Тоже можно было бы спросить, но она колебалась. Вся ее жизнь — нерешительность и колебания, и даже сейчас, когда ситуация сложилась весьма однозначно, она вышагивала настолько медленно, что Гризельдис разозлилась.

Дом, дверь, лестница, снова дверь, комната, аккуратная и чистая. Хорошая кровать у стены, окно, занавешенное легкой темной тканью, на столе — искусно изготовленные кубки, бутылка хорошего вина. Довольно мрачно, потому что горят всего две свечи. Вокруг тишина, словно здесь никто не живет.

— Час, — сказала Гризельдис, — и сними вуаль. Он уже заплатил, деньги получишь от меня. А теперь выпей.

Софи сняла вуаль, положила ее на кровать и закрыла глаза. Еще можно уйти. К матери, которая примет ее с распростертыми объятиями и пошлет в мастерскую. Возможно, она даже окажет ей услугу и сама спросит на факультете насчет переписывания...

Прочь отсюда, прочь! Она решительно встала. Тяжелые длинные юбки задели стоящий на полу кубок, и вино вылилось на дощатый пол. И тут она, замерев от ужаса, увидела, как открывается дверь. Медленно. Он даже не постучался.

Она остановилась и торопливо накинула вуаль. Он вошел и закрыл за собой дверь. Стройная фигура. Он снял перчатки и бросил их на стол. Энергичный жест. Лицо неразлично в скудном свете свечей. Софи испугалась. Теперь это были не теоретические угрызения совести, не расплывчатое отчаяние, а конкретная боязнь конкретного мужчины. Камзол, остроносые башмаки, легкий летящий плащ.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы хотите остаться под вуалью?

В голосе она уловила иронию. А еще этот голос показался ей знакомым. Где-то она его уже слышала. Но где?

— Мне это не мешает, — приветливо сказал он и бросил плащ на кровать. Потом

подошел к окну и чуть-чуть отодвинул занавеску. Теперь Софи поняла, кто перед ней. Нужно немедленно бежать. Она поддернула юбку повыше и от всей души надеялась, что он не сдвинется с места. Но стоило ей добраться до двери, как он обернулся, схватил ее и снял с лица вуаль.

— Ломбарди...

Он опустил руки и взгляделся более внимательно. Бедный магистр и вдова его погибшего коллеги. «Откуда у него столько денег?» — промелькнуло у нее в голове. Какое-то время они молча стояли друг напротив друга, пока наконец он не сел на кровать.

— Я не мог знать...

— Нет, конечно же нет.

Для нее все было гораздо хуже, чем для него, потому что он просто мужчина, пришедший к проститутке, а она... она будет обесчещена, унижена и превратится в позор города и факультета, если только он обмолвится хоть словом. Он догадывался, о чем она думает.

— Я вас не выдам, — пробормотал он и уставился на носки своих башмаков. — Но мне бы хотелось знать почему. Вы настолько нуждаетесь?

— Касалл оставил мне одни долги, — тихо ответила она. — Представляете, сколько времени мне бы пришлось крутить нить, чтобы расплатиться? Я не хочу возвращаться к матери.

Из ее глаз полились слезы. Она почувствовала бесконечную усталость.

— Сядьте рядом со мной.

Кровать оказалась мягкой. Как ей хотелось его, этого Ломбарди, в тот раз, когда он приходил за книгой Касалла. Но здесь?! Она даже смотреть на него не могла.

— И как же давно это длится?

— Сегодня первый раз. Сначала я не хотела, но потом подумала, что это самый простой выход...

Он тихонько засмеялся:

— Воля и познание, помните? Касалл рассказывал про ваш разговор. Вы его презирали, так ведь?

— Его бы презирала любая женщина. Он бил меня и унижал только потому, что я могла читать его книги и была не глупее его. Познание, Ломбарди, это пустое место, оно подобно висящему на крючке червяку...

— А что же тогда удочка, на которой висит этот крючок?

Она повернула голову. Теперь они сидели как на факультете и вели диспут.

— А удочка, Ломбарди, это сердце. Но об этом вы, артисты, даже слышать не хотите.

— Судя по вашим словам, вы не придаете особого значения познанию. А как насчет воли? Она тоже на удочке?

— Воля следует за разумом, — пробормотала она и подняла глаза. — Фома говорит, что воля следует за разумом. Но вы в это не верите. Вы не последователь Фомы.

— В это я действительно не верю. Изучаю, потому что так записано в уставе, но думаю, что воля свободна. И думаю, что наш метод поиска истины приводит к безумию. С таким же успехом можно ждать, что дождевой червяк вдруг примется летать. Он этого не сделает, мы прождем напрасно. И все-таки мы не прекращаем рубить мир на куски и искать летающих червей.

— В Эрфурте вы читали про Оккама и Скота...

— Да, там больше к этому расположены. То, чему мы учим сегодня, будут повторять даже через пятьсот лет, — ведь разве сейчас мы не занимаемся тем, о чем думали уже за пять сотен лет до нас? Вы не были на медицинском факультете? Я слышал про персидских врачей, которые рассматривают человека как единое целое, а не как сумму костей и органов, соков и хрящей.

— А что же такое человек как единое целое? Разве это не сумма отдельных компонентов?

— Познание есть конструктор, — весело произнес Ломбарди, — точно так же и воля, и ваше сердце, о котором вы так очаровательно говорите. Это идеи, которые мы составляем, подобно тому, как можем составить себе идею летающего червяка.

Они молчали до тех пор, пока Ломбарди не встал, чтобы наполнить кубки вином.

И тут вдруг он холодно сказал:

— За этот час я заплатил много денег. Но не для того, чтобы вести с вами дискуссию. — Он протянул ей вино.

«Час закончился, — подумала она, — сейчас пройдет ночной сторож и объявит новый». Она встала:

— Деньги я вам верну.

Но он покачал головой.

— Нет, этого вы не сделаете.

Он хочет ее напугать?

— Вы можете меня уничтожить, — прошептала она, — именно этого вы хотите?

— Нет, — он засмеялся, — я ведь уже говорил, что не выдам вас. Но, видите ли, Софи, мы с вами заключили соглашение, и вы мне приятнее, чем любая другая...

Он погасил свечи. Она знала этот запах розовой воды от его волос, тяжелый и сладкий. По улице эхом разнесся голос ночного сторожа. Час прошел, но она почувствовала, что отвращение испарилось. Ломбарди был и молод, и красив, и умен, лучшего жениха ей не найти. Для мужа она была первой женщиной, и он умел только в перерыве между чтением задрать ей юбки и удовлетворить свои потребности. Ломбарди, хладнокровно использующий положение Софи, хотел, видимо, получить за свои деньги удовольствие. Он смеялся ей прямо в ухо и заставлял ее мурлыкать, как его маленькая кошка, которую он тайком протащил в схолариум. Он бы охотно рассмотрел ее поподробнее, но в комнате было темно, а он слишком ленив, чтобы зажечь свет. Так что он представил себе, как она должна выглядеть. Кожа словно лепестки магнолии, глаза как лазурное небо, на котором поблескивают белые облака. Иди сюда, моя маленькая кошечка, час подошел к концу, а мое желание — нет, мы еще даже не добрались до начала.

За окном послышались шаги. Подвыпившие студенты, возвращающиеся из пивной, они шумят и мешают жителям спать. А теперь вдобавок ко всему еще и принялись музицировать: зазвучала цыганская мелодия, которую выводили две скрипки. Наверняка жители вот-вот начнут швырять в них кружки и веретена, а потом еще и стражников позовут.

Софи прислушалась. А если и правда придет стражник? Ей нужно домой. Но Ломбарди мягким движением взял ее за руки и положил их себе на плечи.

— Они скоро уйдут, — пробормотал он и вдруг, как будто испугавшись, что она все-таки убежит, потащил ее к кровати. Как только она заметила, что дело принимает серьезный оборот, в ней снова проснулось отвращение. Притаившаяся в желудке ядовитая жаба заворочалась и попыталась выбраться наружу. Софи оттолкнула Ломбарди и выскочила за

дверь. Побежала по коридору, мрачному и узкому. Вот и лестница, но внизу ведь студенты, изображающие музицирующих цыган.

Но за это время студенты уже исчезли. Дрожа от волнения, она завернулась в накидку, опустила на лицо вуаль и выбежала на улицу. К счастью, в данный момент пустынную. Софи огляделась: где это она? Пресвятая Дева, помоги! Вон там, сзади, должно быть, церковь Святой Цецилии. Значит, ей в другую сторону. Ноги уже все в грязи и нечистотах, в спешке она не успела надеть обувь. Никакого света, только луна, выглядывающая из-за туч. Наконец она добралась до сенного рынка. Запыхавшись, пробежала его насквозь, и вот она уже у своей двери. Быстрее наверх. В комнате было открыто окно. Она закрыла его и только тогда зажгла свет.

И если бы мир был голубым, как лимон, вы бы все равно захотели это доказать. Вы знаете двойную истину скотизма? Что нечто может быть истинным и одновременно неистинным? Все дело в точке зрения. И я спрашиваю, где же стоите вы?

Это вопрос насчет точки зрения? Сомнению можно подвергнуть все, даже собственную точку зрения. Штайнер искал мотив, хотя в этом не было никакого смысла. Мотив он имел: месть, ненависть, зависть.

Штайнер покачал головой. Ломбарди отбрасывал тень, похожую на волка. В принципе не так уж это и важно, верит он в Бога или нет. Кто здесь в него верит? Желание что-то доказать не означает, что в доказательство требуется вложить свою веру или свою душу. И все равно, как только он увидел Ломбарди, на него повеяло холодом. Как все происходило с той женщиной из приюта? Ему пришлось пересилить себя, чтобы всадить человеку в спину нож? Ломбарди ничего не рассказывал. А к мессе ходят все, даже те, кто ни во что не верит.

Он уже готов был его спросить. Но во время мессы, перед лицом Бога, задавать такие вопросы не следует. Над их головами витал душный запах ладана, а монотонный хор служителей заполнял уши. Говорят, что существуют секты, члены которых позволяют себе совершать непотребство прямо на алтаре — надругаться над на все готовыми и больше уже не владеющими своими чувствами монахинями, которые ослеплены настолько, что совокупаются в святом месте. Кто-то ему про это рассказывал. Это были слухи, но весьма упорные. Одни забивают себя до смерти, другие занимаются травлей и убийствами, третьи развратничают в церкви. Говорят, что Ломбарди относится к последним. Штайнер уже забыл, кто ему шепнул такую новость, да и не такой он человек, чтобы с готовностью верить во все подряд. Но все-таки...

Сейчас они пойдут к причастию. У него заболели колени. Но что эта боль по сравнению со страданиями Христа? Члены клира в своих темных сутанах прошли по хорам и преклонили колена на грубом помосте.

«Вы хоть раз совокуплялись с монахиней на алтаре? Говорят, что они согласны, но может быть, и нет. Вы их насильовали? Должно быть, вы являетесь очевидцем невероятных сцен». Если он будет возводить подобные обвинения, то и сам может оказаться на кухне дьявола. Краем глаза Штайнер заметил рядом опустившегося на колени, сложившего руки и склонившего голову Ломбарди. Что будет, если спросить напрямую? Сможет ли он по реакции собеседника понять, в чем же заключается истина? Распространение гнусных слухов — это тоже грех.

Они поднялись с колен и пошли вперед. Священник что-то едва слышно бормотал себе под нос. Он почти ни на кого не обращал внимания, механически совал облатку в чужие

губы, но поднял голову, когда приблизился Ломбарди. Мимолетный взгляд, вот и всё; когда подошел Штайнер, священник уже снова опустил глаза.

«Призраки. Мне повсюду мерещатся призраки с пустыми глазницами». К выходу он направился под звуки хора. Штайнера ослепило позднее вечернее солнце. Сейчас или никогда.

— Они встречаются в одной церкви. *Avidissimum animal, bestiale baratum, concusicienta camis, duelleum damnosum...* Это их алфавит, но они приписывают ему другое значение. Перед алтарем стоит священник. Он выбирает себе одну из женщин; они предлагают ему себя, поднимая юбки и обнажая грудь. Та, которую он выбрал, ложится на алтарь, и он в нее входит. Послушники совокупляться не могут, это прерогатива священника, который перебирает всех женщин по очереди...

Штайнер молчал. Инквизиторские расследования отданы на откуп доминиканцам. А в Кёльне инквизитора нет. Пока еще. Но он, Штайнер, никогда не был лицом духовным, он артист. Схласт, возводящий здание духа. А в данный момент он, преисполненный сомнений, возводил дурную славу Ломбарди.

— Вам это известно только с чужих слов?

Иорданус, остановившийся со Штайнером перед церковью, говорил так тихо, что было почти ничего не разобрать. Ломбарди уже успел попрощаться и исчез.

— Конечно, только с чужих слов. Не думаете ли вы, что я при этом присутствовал?

— А от кого вы это слышали?

— От человека, которому положено об этом знать.

Значит, доминиканец. Их в этом городе не меньше, чем мух.

— И как же они себя называют?

— Понятия не имею. Но разве это важно?

— Нет. Важно исключительно одно: имеет Ломбарди к ним отношение или нет. — Иорданус внимательно на него посмотрел. — Вы все еще подозреваете, что это он убил Касалла.

— Если вдруг он имеет к ним отношение, то это, по крайней мере, уже мотив. *Magister in artibus*, который входит в секту... Это значит, он ослеплен. От такого можно ждать чего угодно.

Иорданус покачал головой.

— Если вы обмолвитесь хоть словом, вас не отпустят до тех пор, пока не вытрясут из вас всё. Вы же знаете, как это бывает: подозрение — это все равно что вызов в суд. Или же как аутодафе. Вы действительно этого хотите?

Штайнер поднял руки, как будто давая клятву:

— Вы неправильно меня поняли. Я не хочу никого обвинять, и вопросы до сих пор я задавал только вам, больше никому. Но если вы что-то знаете или слышали, тогда скажите мне, ради бога. Прошел слух, что Ломбарди покинул Эрфурт, потому что возникли сомнения в его безупречности.

— И тем не менее ему разрешено преподавать в Кёльне? — возразил Иорданус. — Кто бы его сюда принял, если бы в этих слухах была хоть доля правды? Никто. Никто из нас об этом не знал. Но откуда об этом знаете вы? Вы ведь солгали насчет «человека, которому положено об этом знать», я прав? Боюсь, что вы слишком вжились в роль *advocatus diaboli*

Штайнер смущенно смотрел на свои башмаки Студенты. Об этом ему рассказали студенты. Студенты, набравшиеся хорошего вина. Теперь уже он не мог вспомнить даже их имен. Еще дети, лет по пятнадцать. Из довольно почтенного коллегима, обитатели которого считают себя выше других.

— Видите? Одни слухи, — сказал Иорданус и положил руку ему на плечо. А потом развернулся и ушел, оставив Штайнера одного.

У Лаурьена, который жил в схоляриуме уже три месяца, испарились и гордость, и высокие мечты относительно новой жизни. Три месяца изнуряющего изучения способов доказательства, предложенных Аристотелем, арифметики и геометрии, а еще музыки и астрономии. Лаурьен все сильнее скучал по дому, но он не мог просто так, за здорово живешь, отказаться от стипендии и снова стать тем, кем был раньше. Со званием *magister artium* он наверняка сумеет получить дворянство, поэтому ему придется терпеть и двигаться вперед, даже если эту науку нужно будет грызть зубами. Конечно, остальные в схоляриуме точно в таком же положении. Лучше живется только тем, у кого в городе своя комната, они хотя бы после лекций могут заниматься чем хотят. В схоляриуме никакой свободой и не пахнет. Мрачный карлик правит своей маленькой империей, зажав ее твердой рукой. Принятие пищи, молитва, собрания, еженедельная исповедь — все больше и больше времени приходилось проводить в схоляриуме, выполняя самые различные обязанности. Питались кашей, супом и овощами; жаркое, сыр или фрукты давали крайне редко. Исповедовались в собственной часовне, где даже в разгар лета стоял страшный холод. Только поход в баню сулил хоть какое-то развлечение, но чувственным удовольствием это не назовешь. Да и вообще с чувственностью возникли проблемы. От владельцев собственных комнат Лаурьен слышал, что они ходят к шлюхам; где-то в запутанных переулках Кёльна есть публичный дом, очень гостеприимный, особенно для тех, у кого есть деньги. Хотя и другие ценности тоже в ходу. Ему даже поведали про студента, который расплатился там мешком украденных яблок! От сплошной похоти пивнушки и веселые дома бурлили, но студенты, живущие в схоляриуме, вынуждены были вести жизнь монахов. Карлик не сдавал позиций, иногда даже пользовался кнутом, если кто-нибудь из воспитанников по ошибке попадал туда, куда ему попадать не положено. Лаурьен прислушивался к чужим словам, но его товарищи могли только выдвигать предположения, потому что и сами ничего толком не знали, а если среди них оказывался тот, кому было известно больше, чем остальным, то с ним носились как с писаной торбой. Ходили слухи, что женщина отдается всего за три монеты, а иногда хозяин может даже угостить чем-нибудь вкусным, к тому же там есть хорошее вино, и так далее и тому подобное. С любопытством человека, ничего конкретно не знающего, Лаурьен постоянно прислушивался к разговорам. Вроде бы у развалин римской стены есть женский монастырь, туда можно пробраться через дыру и, когда стемнеет, посмотреть в окно на раздевающихся женщин. Эту дыру в стене сделали сами монахи, чтобы быть уверенными, что за ними наблюдают. А раздевшись, они бросаются друг другу в объятия, ласкают друг друга и целуют. Но еще ужаснее были слухи о секте, которая занималась *sexsum sacrale* [33]. Небесный Бог кажется им недостаточно близким, вот они и воспользовались мистикой, которая не ограничивается словами, а требует конкретных действий. Действий настолько мерзких и богохульных, что Лаурьен вышел из комнаты. Слушать о подобных вещах ему не хотелось. Он бы вполне ограничился сведениями относительно того, сколько требуется денег для похода к проститутке. Чтобы убедиться, что такой суммы у него в любом случае

нет. Когда обитатели схоляриума перешептывались, поглядывая на него (Домициан всегда был с ними), он делал вид, что ему неинтересно. Но однажды Домициан предложил составить им компанию, причем прямо на следующий день, поскольку подвернулась удачная возможность.

«Удачная для чего?» — спросил Лаурьен, но Домициан только засмеялся и сказал, что он сам всё увидит.

Приору они выдали очередную ложь, и он ее проглотил. Он всегда глотал все, что бы они ни придумали, главное — с должным почтением относиться к его правилам. Их было трое: Домициан, Лаурьен и один парень из коллегиума. Именно у него и появилась эта идея, а когда Домициан возразил, что, может быть, не стоит брать с собой Лаурьена, тот (по имени Маринус) только пожал плечами.

Итак, они все-таки отправились втроем. Выйдя за городские ворота, они брели пешком добрых три часа. Карлик считал, что их пригласил отец Домициана, и ему не оставалось ничего другого, как только дать согласие на эту вылазку. «Ведь сегодня нет ни лекций, ни диспутов, но зато, — со смехом сказал Домициан, — есть кое-что, способное возбудить дух». Цель путешествия они держали в страшной тайне, но Лаурьен не очень-то и расспрашивал. Безумно счастливый из-за того, что удалось вырваться из схоляриума, он почти не реагировал на их намеки, перекидывался с ними шуточками, наслаждался теплым солнцем и неожиданно прекрасным днем. Он бы согласился даже на казнь, только бы сбежать из стен своего мрачного узилища.

Но где-то через час он все-таки спросил, куда же они идут, и Домициан ответил, что они идут в церковь. Лаурьен был ошарашен. Зачем два часа тащиться по изнуряющей жаре, если в Кёльне полно церквей? Но это особенная церковь, пояснил Маринус, студент из коллегиума. Совершенно особенная. А потом они буквально зашлись от смеха, а Лаурьен переминался с ноги на ногу, как мокрый пудель, и больше уже не осмеливался приставать с вопросами. Еще через час они наткнулись на заброшенный двор. За ним проглядывал силуэт одиноко стоящего здания, которое вполне могло оказаться церковью. Но у бокового нефа отсутствовали крыша и стена, да и портала, через который можно было бы проникнуть внутрь, не было, остались только хоры, окруженные стеной.

— Руины, — изумленно проговорил Лаурьен.

Домициан посмотрел на небо. Примерно через час солнце зайдет. А пока придется потерпеть. «Чего мы ждем?» — чуть не слетело с языка у Лаурьена, но он промолчал. Маринус развязал свой мешок, они поели, попили и легли в траву.

Постепенно сгустились сумерки, Лаурьена клонило в сон. Должно быть, он задремал, потому что его вдруг сильно ударили под ребра. Он выпрямился и увидел группу священников и послушников в темных сутанах и со свечками в руках, они двигались по лишенному крыши боковому нефу. За ними шли монахини, тоже со свечами.

«Месса», — подумал Лаурьен, замешательство которого все росло.

— Пошли, — прошептал Домициан, встал на четвереньки и пополз к руинам, стараясь не высовываться, а потом спрятался за кустами. — Только без шума, если нас заметят — убьют.

— Почему?

Домициан не ответил, он не сводил глаз с руин.

— На, выпей, тебе поможет.

Он протянул ему бутылку с вином, и Лаурьен сделал большой глоток.

Монахи добрались до алтаря, поставили свечи на землю и сложили руки для молитвы. Следовавшие за ними монахини опустились на пыльный пол и глубокими голосами затянули песню, слова которой, хотя и латинские, Лаурьен разобрать не мог.

— Это же не латынь, ты, дурак, — шепнул, ухмыльнувшись, Домициан. — Этого языка не существует, а если бы такой и был, то считался бы дьявольским.

У одной из монахинь было при себе что-то вроде барабана, который издавал красивый звук, как будто звенят церковные колокольчики. На этом инструменте она подыгрывала поющим монахиням, которые тем временем успели подняться. Лаурьен не понял, что это за страшная церемония, потому что такого он еще не видел ни в одной церкви. Когда монахини потянули вверх свои одежды, у него на спине выступил пот. Ведь не станут же они... Нет, это невозможно. Домициан передал ему бутылку:

— Пей. Тебе нужно выпить.

Тем временем стало совсем темно. Один из священников встал перед алтарем и задрал свою сутану. Первая монахиня, уже голая, подошла к нему за благословением. У Лаурьена забурлила в жилах кровь. Он уронил бутылку.

Монахиня легла на алтарь. Двое священников — к тому времени Лаурьен уже засомневался, что это настоящие священники, — начали привязывать женщину веревками и шнурами к неровному камню, так что вскоре она уже не могла пошевелиться. Остальные снова запели на том же непонятном языке, звук то затихал, то становился громче; при этом все они, сцепившись руками, раскачивались туда-сюда. Потом вперед вышел священник в задранной сутане и вклинился между ног привязанной монахини. Лаурьен отвернулся. Еще ни разу в жизни он не видел ничего более омерзительного. И еще ни разу в жизни ему не было так плохо.

— Он бледный как полотно даже в темноте, — прошептал Домициан в ухо своему другу Маринусу.

Лаурьен не мог больше смотреть. Зажмурившись, он слушал крики монахини, тяжелое дыхание священника и пение остальных женщин, которое становилось все громче.

— Как давно вы уже сюда таскаетесь? Вы все время подсматриваете? — прошептал он тихо.

И услышал сдавленный смех.

— Достаточно давно, чтобы разобраться, чем они тут занимаются, — ответил Маринус. — Но ты никому ничего не скажешь. Тебе придется поклясться на Библии.

Лаурьен набрался храбрости и взглянул еще раз. Поклясться на Библии? Как можно после всего, что там творится, клясться на Библии?

Монахиню уже освободили от пут. Наступила очередь двух других. Освобожденная побрела к своим товаркам, которые начали с диким видом скакать на месте. Одна из монахинь у алтаря опустилась на колени, ее голова исчезла под сутаной священника, а вторую схватил другой священник и прижал ее к колонне. Тем временем пение монахинь перешло в истерический визг, у Лаурьена зашумело в ушах. Остальные тоже начали обниматься и кататься по земле, подобно диким кошкам. Священник возле колонны вцепился в женские плечи, его бедра под сутаной ходили взад-вперед, а над всем этим плыл звук барабана, как будто задавая ритм дьявольским занятиям.

Лаурьен снова отвернулся. Он немножко отполз от кустов, его начало рвать прямо в траву и рвало до тех пор, пока в желудке не осталось никаких соков.

Ему на плечо опустилась рука:

— Эй, что с тобой?

Он вытер ладонью рот:

— Это мерзко, отвратительно! Как вы могли подумать, что я захочу на это смотреть?!

Бог вас покинул!

Его шепот перешел в отчаянные всхлипы. К горлу снова подкатила желчь, его еще раз вырвало.

Домициан пополз обратно к Маринусу, который с похотливой ухмылкой наблюдал, как два священника облепили монахиню — один спереди, второй сзади.

— Боюсь, что он доставит нам неприятности, — тихонько сказал Домициан. — Я и не подозревал, что он такой чувствительный.

Маринус кивнул с отсутствующим видом. То, что там происходит, совсем не похоже на обыкновенный поход к проститутке в Кёльне. Это *sacrum sexuelle*, самый позорный грех, который может совершить христианин. Больше всего ему хотелось пойти туда и лечь на алтарь с одной из этих баб, но он студент, впереди у него карьера, поэтому он не имеет права связываться с инквизицией. Можно страшно поплатиться, если узнают, что он таскался сюда, видел, что здесь творится, и молчал; но он был молод и не хотел держаться в стороне от такого притягательно-развратного удовольствия. Каждый раз, возвращаясь отсюда в Кёльн, он спешил в публичный дом и пытался вызвать это чувство гнусной нечестивости, извращенного порока, но там он никогда не получал того, что получал здесь, сидя в траве и наблюдая за ними. Один раз он попросил у проститутки разрешения привязать ее, но она только засмеялась и сказала, что он, видимо, читает не те книги. Как будто о таких вещах пишут в ученых книгах!

— Нам нужно идти, малыш сорвется, — услышал он голос Домициана.

Маринус почувствовал возбуждение между ног и провел рукой по плащу.

— Потом, — пробормотал он, — позже.

После этой встречи с прислужниками дьявола жизнь Лаурьена изменилась. На обратном пути он не смог произнести ни слова. Опустив голову, глубоко засунув руки в карманы, он добрался до схолариума, где был вынужден поклясться на Библии, что будет молчать. А потом Маринус отправился к себе в коллегиум, а Домициан — в собор. Неужели он может спокойно пойти на мессу? Неужели с ним, Лаурьеном, что-то не в порядке? Почему только он увидел в той сцене нечто большее, чем простое отражение собственной постоянно подавляемой похоти? Маринус и Домициан ходят туда и ни о чем таком не думают. Почему же Лаурьен не смог отнестись к этому точно так же? Потому что он еще ни разу не спал с женщиной? Тогда они могли бы взять его в публичный дом. Наверное, они решили, что таким образом доставят ему удовольствие.

Лаурьен не мог больше есть. Он не мог больше сосредоточиться на занятиях, потому что стоило ему попытаться собрать свои мысли, и он сразу же вспоминал извивавшуюся на алтаре монахиню и дергающиеся бедра священника. Однажды он попытался исповедоваться, но развернулся и пошел прочь, так и не добравшись до исповедальни, — ведь он поклялся на Библии. Он подозревал, что ему станет легче, если он с кем-нибудь об этом поговорит. Но выдать Домициана и Маринуса он не мог, поэтому ему приходилось молчать, молчать и молчать до тех пор, пока для него не наступит вечное молчание. Параллельно еще существовало дело Касалла и нависшее над ним подозрение в убийстве магистра. Конечно,

Домициана тоже подозревали, но он, похоже, не обращал на это внимания. Только смеялся и шутил. А вот Лаурьен все чаще и чаще задавался вопросом, что же делал Домициан на пути из пивной в схолариум. Не встретил ли он Касалла?

Вдобавок ко всем несчастьям через два дня в гостях у карлика появился друг отца Домициана и, ничего не подозревая, принялся болтать, что, мол, этот самый отец уже несколько недель находится в Вюрцбурге. Следовательно, заподозрил приор, он никак не мог пригласить сына на ужин.

Петля вокруг шеи Лаурьена затягивалась все сильнее, столь же сильно, как и веревка на телах впавших в безумие монахинь.

Де Сверте, заподозривший, что его обманули, попросил Ломбарди разобраться. Два студента позволили себе наглую ложь, а ему хочется знать правду. Так что Ломбарди вызвал сначала Домициана, а потом Лаурьена. Посреди комнаты он поставил скамейку, а сам остался за своим столом. Этому делу он не придавал слишком большого значения. Студенты лгут и плутуют, шляются по продажным девкам, если за ними нет надлежащего присмотра. А если их, как здесь, в схолариуме, держат на коротком поводке, то они используют любую возможность, чтобы познакомиться с чудесами и фокусами большого города. После того как Домициан, продемонстрировав все признаки глубокого раскаяния, признался, что провел эти часы в публичном доме, Ломбарди вызвал Лаурьена. Тот вошел, сел и сразу же опустил глаза в пол.

— Ну что ж, Лаурьен, вы явно солгали приору. В воскресенье отец Домициана не приглашал вас обедать. Так где же вы были?

Лаурьен ужасно испугался. Еще в тот самый день они придумали историю про публичный дом: если вдруг действительно придется отвечать на вопросы, все они будут говорить одно и то же. У Лаурьена слова правды готовы были сорваться с языка. Ему необходимо скинуть с себя этот груз, иначе он задохнется. Может быть, он сможет избавиться от отвратительных воспоминаний, если сумеет облечь их в слова. Но уже сама мысль о том, что придется описывать увиденное, заставила его желудок перевернуться. Он умрет от голода, если будет и дальше грызть одно и то же, потому что это переполнило его желудок в такой степени, что поместиться там больше уже ничего не могло.

— Мы были в публичном доме, — выдохнул он.

Ломбарди кивнул:

— Да, это я сегодня уже один раз слышал.

У него появилось неприятное ощущение. Почему парень так сгорбился на скамейке? Почему он так испугался?

— Все оказалось настолько ужасно? — спросил он мягко.

Лаурьен покачал головой.

— Мне придется вас наказать. Вы обманули приора.

«Да, накажите меня, господин магистр. Накажи меня, Господи, за то, что я сижу здесь и молчу, хотя мир полон еретиков и демонов, и теперь уже я не мою свои руки в струях невинности», — проносилось в голове Лаурьена.

— Что-нибудь еще?

Голос Ломбарди разорвал его сердце. Да, еще кое-что, но он поклялся на Библии.

— Лаурьен?

Голос Ломбарди становился все более мягким, мягким, как масло, и нежным, как бляение овцы рядом с новорожденным барашком. Лаурьен услышал в этом голосе участие, и

оно смело все запруды, которые он сам нагородил. В том числе и запруды для слез, которые уже лились по его щекам.

— Я, я... я не имею права ничего сказать, я... я ведь поклялся на Библии...

Ломбарди молча кивнул. Значит, он не ошибся. Юношу что-то гнетет.

— Поклялся на Библии? Что будешь молчать?

Печальный кивок:

— Да.

— А как мы можем изменить это неудачное положение вещей? Ты поклялся не говорить, но ведь тебе необходимо от этого тяжелого груза избавиться, так? Ты видишь какой-нибудь выход?

«Нет, не вижу. Его не существует. Я умру, задавленный этими ужасными воспоминаниями», — хотелось крикнуть Лаурьену.

Ломбарди взял вторую скамеечку и сел напротив него.

— Тогда давай подумаем вместе, вдруг выход все-таки найдется. Ты хочешь освободиться от того, что тебя мучает. Может быть, ты мне все расскажешь, а я возьму вину на себя и поклянусь на Библии, что тебя не выдам?

Лаурьен заморгал мокрыми от слез ресницами. Все расплывалось и теряло очертания. Он видел темные локоны сидящего напротив человека. Он хочет взять всю вину на себя? Вместо него? Лаурьен кивнул.

— А как это будет, господин магистр?

— Ты скажешь мне правду, облегчишь душу. Как на исповеди. И твоя тайна умрет во мне.

Лаурьен вытер слезы. Он постепенно успокаивался.

— Даже если у вас не будет возможности молчать, потому что тогда вы будете попирать все, что свято для нас, христиан?

— Что это значит?

Ломбарди очень удивился. Что бы это могло быть — такое ужасное? Что же он знает, какую ужасную ночь несет на своих худеньких плечах?

— Говори.

Голос Ломбарди стал холодным как лед.

И слова хлынули из Лаурьена лавиной. Он рассказывал, как они сидели в траве, пили, ели и пребывали в хорошем настроении. Как потом откуда ни возьмись появились священники и монахини. И как священник совокуплялся с ними на алтаре, привязывая их веревками. А потом слова кончились, и снова полились слезы.

— Они, они... они взяли меня с собой, потому что думали, что я... что мне это покажется таким же возбуждающим, как и им, но они грубые и бесчувственные... а демон... демон вошел в них...

Теперь он только всхлипывал. Его маленькая душа съежилась, и чем дольше он плакал, тем больше образов вылетало из его головы и его желудка. Он совсем забыл, что рядом все еще сидит Ломбарди, смотрящий на него так, как будто он и есть демон.

Наконец он услышал бормотание своего учителя:

— Пресвятая Матерь Божия... — Ломбарди успел встать и отвернуться.

Лаурьен поднял голову:

— Вы будете... вы будете молчать?

Ломбарди кивнул:

— Иди.

Лаурьен поднялся, задвинул скамейку под стол и тихонько выскользнул из комнаты. Когда он закрывал дверь, ему показалось, что мелькнула какая-то тень, как будто кто-то их подслушивал. А еще он уловил шелест одежды, но был слишком погружен в свои мысли, чтобы придать этому факту большое значение. Просто молча покачал головой и пошел в спальню.

Ломбарди пользовался у студентов большой любовью, потому что был молод и являлся зеркалом, в которое им нравилось смотреться. Им хотелось когда-нибудь стать такими, как он. Никого не волновал тот факт, что он был номиналистом. Здесь каждый кем-нибудь был. Скотистом, томистом, святым или трешником. Требовалось только знать, кто есть кто. Поскольку все магистры в принципе учили одному и тому же, будь то в Болонье, Париже или Кёльне, его популярность среди студентов должна была иметь другие причины.

А он? Он чувствовал, что студенты его любят. Он их не бил и не наказывал, как другие магистры, если они опаздывали на мессу или задавали глупейшие вопросы, спрашивали о том, о чем спрашивать не полагалось, или давали ответы, не предусмотренные правилами.

Вечером после беседы с Лаурьеном Ломбарди пошел на Пильманстассе. Он хотел побыть один и поэтому отправился в жалкую маленькую пивную, где вино можно было получить дешево, а женщин почти что даром. Здесь бывала только чернь самого низкого пошиба, но, возможно, также и те, кого он искал. Убийцы, воры, обманщики, флагелланты [34] или сбежавшие монахи, которые наконец могли напиться, нажираться и развратничать, сколько душе угодно.

Ломбарди сел в самый темный угол, потому что местный сброд вызывал в нем отвращение. Пахло мочой, а свет был настолько тусклым, что позволял различить только силуэты, о которых хотелось немедленно забыть. Здесь визжали и вопили, потому что сколь бы гнусным ни было вино, это не мешало лакать его целыми литрами. С горькой иронией он отметил, что зазор между двумя крайностями очень узкий и взлет в духовной сфере заставляет опускаться все ниже и ниже, в самые глубины вульгарной действительности. И когда он осмотрелся — пиво уже щипало ему горло, — то обнаружил в группе оборванцев маленького человечка, который пялился на него так, как будто он его личный раб.

«То, что ты делаешь, опасно, — промелькнуло в голове у Ломбарди. — Они тебя знают, не знают только, кто ты и где. Если не проявишь предусмотрительности, завтра утром окажешься в сточной канаве».

Человечек подошел ближе:

— Ломбарди? Не сплю ли я?

Ломбарди сообщил, что он направляется в Париж. Он болтал всякую ерунду, а его собеседник хохотал, хлопал себя по ляжкам и наклонялся все ближе и ближе:

— Значит, ты больше не с ними?

Вот оно! Именно это он и хотел знать.

— А они еще существуют? Я думал, их всех уже давно швырнули в костер.

— Не всех. Некоторых да. Но не всех. Как видишь, я жив и здоров.

— И? Ты все еще с ними?

— Нет. Нашему приору пришлось сгореть первым, все остальные разлетелись на все четыре стороны. Хорошее было время, но оно кончилось.

— Я слышал, уцелевшие нашли себе другое место, руины.

Мальш кивнул:

— Вайлерсфельд. Там старая церковь, ставшая жертвой пожара. Но те, кто туда ходит, дураки. Я, во всяком случае, завтра же отправляюсь во Фландрию.

Ломбарди узнал достаточно. Он расплатился и вышел. Шагая по улицам, он думал, что в Вайлерсфельде в свое время была цистерцианская церковь. Когда-нибудь она должна была сгореть, потому что Бог наверняка не мог больше терпеть грехи братьев этого ордена и сам послал туда огонь, в котором все они погибли. Чертовски хорошее место для подобных соборищ. По-настоящему дьявольское. «Не ходи туда, — сказал он себе. — Это чересчур опасно. Если кто-нибудь из них тебя выдаст, ты будешь качаться на своей докторской шапке, вместо того чтобы надеть ее себе на голову». И все-таки... Ему нужно убедиться. Цистерцианская церковь находится близко от города. Меньше двух часов пешком, а на лошади и вообще не расстояние. Как быстро этот огонь способен добраться до города? Ломбарди остановился. Вокруг ничего, кроме мрака, только в конце заваленного нечистотами переулка на ограде торчит жалкий факел.

В спальне было очень темно. Дыхание спящих, шорох одеял, если лежащие под ними начинали ворочаться, чье-то сонное бормотание — каждую ночь одни и те же звуки. Лаурьен устался в стену. Ему было уже не выбраться, даже если бы он очень захотел. Входная дверь закрыта, ключ карлик положил под подушку. На окнах решетки, внизу развалины обрушившегося дома.

Самое ужасное осталось позади, но его все еще мучили воспоминания. Он переложил свою вину на чужие плечи — обременил ею Ломбарди — и теперь ждал, как он распорядится полученными сведениями. А если он их выдаст, потому что не выдержит, точно так же, как и сам Лаурьен? Может быть, лучше всего покинуть факультет и начать где-нибудь новую жизнь, думал он. Не сегодня, не завтра, но послезавтра. Здесь ему придется все время быть начеку: вдруг Ломбарди все-таки заговорит. Тогда они к нему придут и начнут допрашивать, и Домициан отречется от него, а возможно, и все остальные из схолариума, и он окажется совершенно один. Кто-то захочет распять его за то, что он их выдал, а кто-то — потому что молчал. Он повис между небом и землей, и ему хотелось стать ангелом.

Утром канцлер вызвал к себе Штайнера. Он хотел узнать, нет ли каких-либо новостей в деле Касалла, но магистр только с сожалением покачал головой. Канцлер кивнул и указал на лежащий перед ним на столе пергамент.

— Тогда прочитайте вот это. Кстати сказать, это адресовано вам.

Штайнер схватил лист:

Вы не торопитесь. Всё правильно. Но не ждите чересчур долго, иначе поверить в это придется второму.

Почерк тот же самый. И бумага та же, что и в первый раз.

— Сумасшедший, — озадаченно вынес вердикт Штайнер. — Неужели он собирается лишить жизни еще кого-то?

— Да, возможно вас, господин магистр. По его мнению, вы недостаточно быстро думаете. Это похоже на бег наперегонки со временем. Или вы быстро решите задачу, или он

выберет себе новую жертву. Да, действительно безумец Похоже, с логикой он не в ладах.

Штайнер молчал. Расследуя эту тайну, они наверняка что-то пропустили. А что, если все дело именно в этом? Ему следует поступать логично, потому что никакого другого оружия у него нет.

— Преступник знает, что я опираюсь на логику, — произнес он задумчиво, — иначе у него не хватило бы наглости пытаться подловить нас именно на этом. Но логика — это настоящее оружие. Так что начнем все сначала. Что мы проглядели?

Канцлер ухмыльнулся:

— Может быть, вам стоит подискутировать на эту тему со своими студентами? — В его словах сквозила неприкрытая ирония, хотя положение стало настолько угрожающим, что было уже не до шуток.

Обсуждать это дело открыто было опасно, но следует попытаться. Имена можно изменить, ситуацию завуалировать. Студенты знают, что Касалл умер не своей смертью. Но, если действовать ловко, навряд ли у них зародятся подозрения, что речь идет именно о нем.

— У крестьянина украли корову. Когда вор ее отвязывал и тащил за собой, она громко мычала. От шума крестьянин проснулся. Встал и пошел в хлев. Коровы нет. Крестьянин заметил тень убегающего человека. Он пустился было вдогонку, но вдруг наткнулся на веревку, которой была привязана корова. Чуть дальше обнаружился колокольчик, а потом еще и клочок шерсти с ее хвоста. Наконец крестьянин нашел и саму корову. Заколотую ножом. Такова ситуация. А теперь мне бы хотелось услышать от вас, что здесь доказуемо, а что нет. В истории есть лишние детали, не имеющие отношения либо к самой ситуации, либо к украденной корове.

Студенты переглянулись и засмеялись. На занятиях редко появлялся повод для смеха, но ведь уставом не запрещено смеяться. И вообще вся эта история слишком банальна. Хотя в ней скрыта какая-то тайна.

— А может быть, веревка была не от коровы, — предположил один из студентов.

— Нет, от коровы. Это доказано.

— Колокольчик! — крикнул другой студент.

— Нет, колокольчик тоже принадлежал ей.

— Клок шерсти, — сказал третий.

«Странно, — подумал Штайнер. — Я шел точно таким же путем. Больше доказательств нет. Или все-таки есть?»

— А может, мертвая корова была не та, которую украли, — сказал Лаурьен.

Штайнер покачал головой:

— Нет, это была она. Крестьянин ее узнал.

— А он видел грабителя? — поинтересовался один из бакалавров.

— Нет, только тень убегающего человека.

— Но это не обязательно был вор.

— Правильно. Это просто предположение.

— А нож?! — закричал бакалавр. — Он лежал на месте преступления?

— Нет. Видимо, преступник забрал его с собой.

— Следует опросить всех, кто в момент преступления находился поблизости, и установить, есть ли кто-нибудь, кто может подтвердить их невиновность.

— Ну, это было сделано. На момент совершения преступления все подозреваемые

имеют алиби.

— Так не бывает, — весело сказал бакалавр. — Это должен быть один из них.

«Точно, — подумал Штайнер, — это должен быть один из них. Но кроме Ломбарди, который, собственно говоря, не мог это совершить, Домициана и Лаурьена, который сейчас так внимательно слушает и даже не подозревает, о чем на самом деле идет речь, ибо, видит Бог, у него нет мотива для такого преступления, я никого не могу заподозрить».

— Из задачи следует, что один из компонентов не имеет отношения к описанной истории, — повторил Штайнер. — Именно это для меня важно, а вовсе не свидетели и не что-то из *locus facti* [35].

— Если все, что было найдено, по своей принадлежности связано с коровой, то дело в чем-то другом, — принялся размышлять бакалавр. — Может, ее вообще никто не крал, может быть, она сама сорвалась с привязи. А то, что ее украли, это вывод из подтасованных фактов. Кто-нибудь видел, как ее крали?

— Нет, — ответил Штайнер, — и все-таки она лежала под кустом мертвая.

— А вдруг она убежала и попала кому-то в руки.

— Зачем же он ее убил?

— А почему вообще предполагается, что ее убили? Вы ищете мотив, но это не способствует решению задачи.

Штайнер внимательно наблюдал за Лаурьеном и Домицианом. Но сколько он ни смотрел, он не видел на их лицах никаких эмоций. Ни беспокойства, ни издевки, ни превосходства — ничего выходящего за рамки нормальной реакции. А вдруг это кто-то другой? Кто точно знает, о чем они сейчас говорят, и вполне может принимать участие в этой беседе. Или просто сидит молча и думает о своем. А что, если он, Штайнер, следующий, кого он предполагает лишиться жизни? Потому что чувствует свое превосходство, этот сумасшедший, использующий логику, чтобы побаловать свою собственную больную душу.

— Да, — пробормотал Штайнер, — я ищу мотив, но думаю, что нашел. Речь идет о человеке, который ненавидит коров, а поступил так для того, чтобы помучить и унижить тех, кто их любит.

— Должно быть, это очень странный человек, — произнес бакалавр, качая головой.

Штайнер раскрыл книгу, давая понять, что необычная дискуссия подошла к концу. Ему нужно подумать. И пока его глаза слепо двигались по строчкам, он попытался вспомнить одну из реплик бакалавра: «А то, что ее украли, это вывод из подтасованных фактов». А ведь и на самом деле... Кто-нибудь видел, как на Касалла напали и убили его? Но он же кричал и потом ведь наверняка не сам ударил себя глиняной миской по голове. Самоубийство требует ловкости и фантазии, но, наверное, он нашел бы другое средство отойти в мир иной. Уже сам способ говорит о том, что это убийство. Штайнер совсем запутался. Он отдал книгу одному из лиценциатов, а сам сел на скамью у стены. Предположение бакалавра было не таким уж и глупым, но он сделал ложный *conclusio* [36]. Дело не в том, была ли корова украдена. Но все-таки это кое-что дает. Может быть, именно здесь и таится разгадка. Сначала, в первой части истории, был туман, окутавший покровом тайны всю сцену. Но не путь к убитому и не место преступления. Потому что с того самого момента, как ткач вышел из дома, было достаточно свидетелей, которые проследили событие вплоть до места его свершения.

Когда занятие закончилось и Штайнер уже направился к выходу, к нему снова подошел

бакалавр.

— А были поблизости другие коровы? — поинтересовался он.

— Да, безусловно. Но все они спали.

— Значит, мычать могла только эта корова? — Бакалавр усмехнулся. Нечасто ему приходилось так много рассуждать про коров.

— Она кричала, потому что почувствовала, что вор задумал какое-то зло, — раздраженно ответил Штайнер. — Что за дурацкий вопрос?

— Какая же умная оказалась корова, — засмеялся бакалавр. — Значит, она чувствовала, что ее убьют?

— Конечно нет.

— И чего же тогда она мычала? Потому что вор разбудил ее?

— Скажите, господин бакалавр, к чему вы клоните? — Штайнер уже рассердился по-настоящему.

— Да я и сам не знаю, господин магистр. Я только отмечаю тот факт, что начало вашей замечательной истории несколько туманно, ему требуется свет познания.

Штайнер кивнул. Именно так. Но у деяния и его подготовки обычно не бывает свидетелей, иначе бы не нужен был никакой судья, все было бы ясно и так.

— А вы знаете разгадку? — спросил бакалавр.

Штайнер молчал. Таких задач нет ни у Аристотеля, ни у Фомы. И в уставе их тоже нет. Он улыбнулся бакалавру и вышел из зала.

Софи пошла к крутильщицам. Сестры похлопотали за нее, и старшая мастерица дала ей место ученицы. И вот теперь она сидела с восхода до заката на скамеечке, крутила выкрашенную в синий цвет нить, и дух ее становился все более мрачным, а сама она уставала и изматывалась все больше. О ней сообщили в управление цеха и занесли в книгу учениц. Ей придется сидеть на этом месте четыре года, накручивая нитки на бобины. А потом она сможет открыть свое дело. Но от этого Софи была несказанно далека. Ее мастерица не отличалась терпением и взяла ее только потому, что она была почтенной вдовой, которая искала средства на жизнь.

Мать Софи недавно снова вышла замуж, за цехового мастера. Это был неотесанный мужлан с похотливыми глазами, который продал свое дело, потому что подагра скрутила все его члены, и намеревался провести остаток жизни, пользуясь услугами жены и ее служанки. Непонятно было, с чего это мать Софи повесила себе на шею такую обузу, ведь она была сама себе хозяйка и никто не мог ее заставить вторично выйти замуж. И тем не менее она позволила старому болвану обольстить ее гнусными нашептываниями и оказалась с ним в одной постели. У него никогда не было собственного дома по причине чрезмерной жадности, заставляющей его складывать все деньги в кубышку.

Так что семья Софи осталась жить на старом месте, а он перебрался к ним. Теперь он целыми днями сидел у окна, пялился на улицу и покрикивал на домашних. Один раз в день ходил к мессе, но деньги на жертвоприношения отсчитывал загодя, потому что каждый появлявшийся у него пфенниг он заносил в книгу, занимаясь этим примерно раз в две недели, и расставался с ним после долгих вздохов и молитв, и то лишь в случае крайней необходимости. В городе его терпеть не могли, потому что жадность тоже грех. Даже на свадьбу он не больно-то раскошелился и вообще постоянно твердил, что он старый, больной человек, он экономит деньги исключительно на врачей. Когда ему в очередной раз

становилось плохо и подагра препятствовала его выходу из дома, он, словно король, вызывал профессора медицины, а потом с болезненной гримасой на лице отсчитывал ему в ладонь монеты, причем источником боли были не столько его кости, сколько тот факт, что профессора берут за такую ерунду слишком много денег.

Софи старалась держаться от него подальше. Чаще всего он уже успевал уснуть у своего окна, когда Софи приходила навестить мать, а пищу он тоже вкушал в одиночестве, потому что, опять-таки, его мучила подагра.

— И что она в нем находит? — спросила как-то Софи сестру. — Разве ей было плохо, нашей матери? Что он ей наплел такого, почему она так перед ним стелется?

Это оставалось загадкой. Их спальня находилась рядом с той комнатой, в которой она время от времени ночевала. Если он чувствовал себя хорошо и в нем просыпались силы, то до Софи доносились стоны и вздохи, и она думала, что, может быть, он искал именно этого, и ее удивляло, что он вообще еще в состоянии этим заниматься, хотя не исключено, что услышанное ею являлось лишь безуспешными попытками овладеть женщиной. Но выяснилось, что безуспешными эти попытки не были, потому что через четыре недели мать сообщила, что ждет ребенка.

Совершенно случайно магистр Штайнер попал на студенческую вечеринку. Друзья праздновали в пивной получение одним из них звания бакалавра. Когда Штайнер проходил мимо, бакалавр выскочил на улицу и пригласил его выпить с ними кружку вина. Штайнер, погруженный в свои мысли, с рассеянной улыбкой позволил втащить себя в зал и подсел к компании. Ломбарди тоже был здесь; он забился в угол и производил впечатление человека подвыпившего. Штайнер воздал должное вину и перебрался к Ломбарди. Кто-то вспомнил Штайнерову корову и сказал, что наконец-то и корова удостоилась философских почестей. Ломбарди, который явно не знал, о чем речь, попросил, чтобы ему объяснили, что к чему.

— Я загадал студентам загадку, — ответил Штайнер и повторил историю, причем Ломбарди, пытавшийся следить за повествованием, сидел, удивленно открыв рот, пока не понял, что Штайнер имел в виду дело Касалла, только облек его в иную форму.

— И что? — спросил он развеселившись. — Смогли студенты оказать вам помощь?

— Вполне возможно. Они убедили меня в подтасовке фактов.

— Подтасовка фактов?

— Да. Ведь мы все время исходили из того, что мычавшая корова и корова убитая — это одно и то же.

— Значит, были убиты две коровы?

— Нет, по крайней мере был обнаружен всего один труп. Хотя где-нибудь может находиться еще один. Мы ведь его не искали.

Ломбарди замолчал, он был ошарашен. А где может пребывать второй труп? На чем, собственно, основана предпосылка, будто существовал всего один труп и нигде не валяется труп номер два? Но в этой мысли было что-то дьявольское, было обстоятельство, которое никуда не вписывалось. Двух-то трупов не обнаружили...

— Услышанные звуки, — тихонько обратился он к Штайнеру, — свидетельствуют лишь о том, что мычала корова. Но мы не можем доказать, что речь идет о той самой корове, которая была убита. Вот в чем дело.

Кружка пошла по кругу, но когда она добралась до Штайнера, тот просто подержал ее в руках, не сделав ни глотка. А потом поставил на стол, поднялся и протиснулся сквозь толпу.

Он выскочил на улицу и пошел в сторону собора, к канцлеру. Добравшись, подергал за шнур и стал ждать.

Вот оно! Ломбарди прав, даже если он не видит истинных связей. Пока не видит. Нужно просто включить этот элемент в общую структуру, как будто строишь дом. Служанка открыла дверь, Штайнер влетел внутрь и нашел канцлера за ужином.

— Садитесь. У вас такой вид, как будто за вами гонится дьявол.

Штайнер упал на стул. На столе были паштеты и каплун, пахнувший шафраном, но аппетита у Штайнера не было.

— Я думаю, что нашел ответ.

Канцлер опустил нож.

— Нашли?..

— Да. Если взять за основу фразу, которую придумал преступник, то все объясняется легко. Да, все просто до гениальности. Смотрите мы все время размышляли над тем, что не относится ни к происшествию, ни к Касаллу, и все время предполагали самое очевидное. Рукава, берет, книга, башмаки. Я даже дошел до очень странной идеи: задумал поверить, может быть мертвец — это вовсе не Касалл, а кто-то иной. Например, его близнец. С одной стороны, все это были ложные пути. Но человек — это существо, которое воспринимает мир в первую очередь глазами.

Он остановился и набрал побольше воздуха. Канцлер воспользовался паузой:

— Следовательно, решение задачи связано с другими органами чувств?

— Да, с акустическими. Пытаясь спастись от смерти, Касалл кричал, как мы знаем от свидетелей. Но это преступная подтасовка фактов, а я был не в состоянии отделить заблуждение от реальности.

Канцлер отодвинул тарелку:

— Заблуждение от реальности? Похоже, я не успеваю следить за вашей мыслью.

Штайнер кивнул:

— Мы воспринимаем реальность через процессы, которые нам известны. Человек кричал, потому что находился в смертельной опасности. Чуть позже он был найден мертвым. Кому придет в голову мысль, что громкие крики издавал не убитый? Здесь лишнее — это крик. Кричал не Касалл, а кто-то другой. А это меняет всё. В том числе и ситуацию с свидетелями, потому что если крики вырвались не из горла Касалла, значит, вполне возможно, что он был убит гораздо раньше.

Канцлеру понадобилось время, чтобы осознать, какие последствия должно иметь открытие Штайнера. Он встал, принес второй бокал и наполнил его хорошим рейнским вином.

— Значит, вы думаете, что кричал кто-то другой? А Касалл к тому времени уже лежал мертвый возле вашего колодца?

— Преступник пытался ввести нас в заблуждение, изменив течение времени. Для нас между криком и убийством прошло всего несколько минут. Но если кричал другой, то когда же на самом деле убили Касалла? Лежал он голый под дождем десять минут или час, наверняка этого никто сказать не может.

— А что... — канцлер, наморщив лоб, смотрел, как Штайнер задумчиво и с некоторым самодовольством пьет вино, — что из всего этого следует? Почему кто-то кричал, если никто не угрожал ничьей жизни?

— По моему мнению, из этого следует, что крик был либо случайностью, во что я не

склонен верить, либо, что вероятнее, осознанным отвлекающим маневром убийцы, который сам и вопил с целью сдвинуть время совершения преступления и добиться того, чтобы оно определялось абсолютно однозначно.

— *Incredibilis* [\[37\]](#), — пробормотал канцлер. — И как только вы до этого додумались?

Штайнер засмеялся:

— Я серьезно отнесся к вашему предложению и на одной из лекций провел дискуссию, что, безусловно, не вполне соответствует правилам. Конечно, компоненты пришлось изменить. Получилась некая философская притча про корову. Но лишь после этого мне открылось истинное знание.

— Это ужасно, — мрачно заявил канцлер, — потому что даже если нам и кажется, что мы решили задачу, я имею в виду, если это действительно так, как вы предполагаете, то ведь тогда все предыдущие свидетельские показания теряют всякий смысл. Потому что в том случае, если Касалл был убит раньше...

Штайнер встал. Да, придется все начинать сначала. Кто сможет дать ему сведения относительно времени преступления? С какого момента Касалл лежал перед его домом?

Он ломал себе голову, не зная куда направиться. Факультета как единого целого не было. Были коллегиумы, бурсы и хосписы. А еще студенты и магистры. Не как в монастыре, где, пройдя за ворота, одним взглядом можно охватить всё *ora et labora* [39] осуществлялись в одном и том же месте. Но где же факультет? Разбросан по всему городу. Где-то сидят теологи, их лучше всего искать рядом с монастырями; есть еще и юристы, но где их найти, он не знал. Может быть, в Кёльне их вообще нет. А еще артисты. Некоторые из них живут в коллегиуме, в котором ему уже как-то давали поесть, но там очень бедные студенты, идти туда он не хотел. А к кому вообще идут, если нужно сделать заявление? К стражникам? Или же прямо в совет города? Туда, где сидят цеховые старшины? К ним его тоже как-то не тянуло. Он сын золотаря, никчемный бездельник, который уже сейчас пьет, ворует и не мечтает пойти по стопам отца. Кто ему поверит? И вообще, почему он должен вмешиваться? Таким как он лучше держаться в стороне и не высовываться. И все-таки... Он слышал, что совет назначил награду за любые сведения, способные пролить свет на загадочное убийство магистра. Эти деньги очень бы емугодились, в конце концов он кое-что знает, потому что его отец видел мертвеца.

Он бродил по улицам, так и не приняв никакого решения. Глазеть на дома и рыночных торговцев — это, безусловно, не выход, но ему нужно подумать. Кого можно спросить? Священника в церкви? Или вон того монаха, стоящего перед мясными рядами?

Ворон — так его прозвали из-за темной, как у цыгана, кожи — приблизился к монаху, который испуганно поднял глаза к небу, где черные тучи в одну секунду полностью закрыли солнце.

— Простите, досточтимый брат, но я ищу магистра с факультета. Не могли бы вы подсказать, где можно найти кого-нибудь из них?

Монах-францисканец в коричневой сутане посмотрел на мальчишку — на вид от силы лет пятнадцать — и наморщил лоб.

— Что такому как ты понадобилось от магистра? Ты что, студент?

Ворон покачал головой:

— Нет, но у меня есть новость, и мне бы очень хотелось ее сообщить. Только не знаю, куда мне идти. Где факультет?

Францисканец засмеялся. Хороший вопрос. Факультет везде и нигде. Отсюда ближе всего одна из бурс. Там наверняка можно найти и какого-нибудь магистра.

— Иди дальше по улице, а потом налево, пока не упрешься в дом с синими ставнями.

Ворон отправился в путь. Но из бурсы его послали в коллегиум, а оттуда дальше — по Юденгассе на запад, в сторону церкви Святой Урсулы. Поскольку он все время хотел поговорить только с магистром, все были уверены, что он ищет Штайнера, вот почему получилось так, что до Марцелленштрассе он добрался только к обеду, когда его голод вырос до невероятных размеров.

Штайнера дома не было. Служанка велела мальчику подождать, потому что он не хотел говорить, зачем пришел. Подозрительно поглядывая на него, она поставила перед ним миску супа, который он жадно проглотил.

Когда наконец появился Штайнер, Ворон уже задремал на своем стуле.

— Ты ко мне?

Мальчик подскочил. Усердно закивал и сел прямо.

— Я слышал, что назначили награду тому, кто что-нибудь видел.

— И что же ты видел?

— Я? Ничего, но мой отец... он рассказывал, что видел мертвого магистра.

— А почему же ты пришел только сейчас? И почему ты, а не твой отец?

— Раньше я не мог. У меня была работа на два месяца, не получилось вырваться. А отец идти не хочет.

Штайнер кивнул. Конечно, это уважительная причина. Если у такого человека есть работа на два месяца, то это ему гораздо важнее.

— А потом? Ведь ты же нас нашел. Почему не раньше, а только сейчас?

— Я не знал, к кому обратиться.

— Тогда рассказывай, что же видел твой отец.

— В общем, все было так. В тот самый вечер он — а он золотарь — тащил свою тележку вниз, к Рейну. Ему нужно было пройти через Марцелленштрассе. Возле изгороди, под бузиной, а она как раз здорово цвела, он увидел лежащего человека. В темном плаще. Потом уже он подумал, что такие плащи носят на факультете. А когда он возвращался обратно, человек этот, ну, который лежал под бузиной, бесследно исчез. А позже я услышал про мертвого магистра и подумал, вдруг это он.

— Темный плащ? Такой, какие носят профессора? — повторил Штайнер.

— Да, такой, как у профессоров.

— Когда отец его там видел? В какое время?

Ворон пожал плечами. Точного времени он не знал.

— В полночь?

— Нет, раньше. Намного раньше.

— На сколько раньше? На час?

Ворон помедлил. Время — вещь неконкретная, даже если его можно измерять и по городу ходят ночные сторожа, делящие его на куски.

— Нет, наверное, на два часа.

«Значит, около десяти», — прикинул Штайнер, наморщив лоб.

— Человек под бузиной был мертв?

— Не знаю. Вполне возможно. Отец говорил, что он не шевелился. Но голову он не видел. Ветки с белыми цветками закрывали его аж до груди.

— Он был одет, — пробормотал Штайнер.

— Да, конечно.

— А твой отец видел рукава от плаща?

«Что за странный вопрос», — подумал Ворон и кивнул. Да, наверняка, видел. У любого плаща есть рукава.

Штайнеру подумалось, что мальчик абсолютно не подходит на роль свидетеля. Он даже не является гражданином Кёльна, наверняка мелкий воришка с дурной славой. И к тому же сам он ничего не видел. Если отец ничего сказать не захочет, то его заявление лишено всякого смысла.

— А твой отец что-нибудь слышал? Он слышал крики?

Ворон покачал головой:

— Человек не кричал. Лежал молча.

Все сходилось. Как только Касалл вышел из пивной, около десяти часов, его убили и

спрятали труп под бузиной. А через час кто-то закричал — возможно, убийца — и перетащил Касалла из-под бузины к колодцу перед домом Штайнера. От ограды до дома максимум пять минут, даже если приходится тащить тяжелый труп.

Штайнер захотел посмотреть на куст, на котором уже появились тяжелые ягоды, свешивающиеся за ограду. Куст рос с другой стороны, но тяжелые ветви опустились чуть ли не до земли. В темноте это хорошее укрытие.

— А как вообще твой отец сумел заметить человека? — удивленно спросил Штайнер.

— Ноги немного высывались. Отец сначала не заметил, но у него застряла тележка. Вот он и посмотрел.

Они вернулись в дом. Мальчик спросил, как насчет награды. Но Штайнер не имел к этому никакого отношения. Награду назначил совет города, так что Ворону волей-неволей придется вести переговоры там. Но он, казалось, не очень-то к этому стремился, потому что принялся упрашивать Штайнера сделать это вместо него. Тот кивнул и велел ему пойти на следующий день. Оставшись один, Штайнер вышел в сад. Ему хотелось привести мысли в порядок.

«Преступник убивает Касалла и прячет труп под бузиной. Уже поздно, в это время там никто не ходит. А потом ждет: стелать и звать на помощь он начинает только около одиннадцати... Нет».

Штайнер сидел возле ограды своего одичавшего розового сада и пытался собрать в кучу разбредавшиеся мысли.

«До этого ему надо было еще раздеть покойника и разбросать его вещи. И только потом можно было приступать к воплям. Он заорал как человек, прощающийся с жизнью, и под собственный вой убежал в сторону монастырского сада. Нет, опять не сходится. Тогда что же с трупом? Он ведь все еще под бузиной. Значит, сначала он волочит его к колодцу и раздевает. Я ушел из дома и поэтому ничего не видел. А потом убийца раскидал улики. И только тогда заверещал. Видимо, все было именно так. Так и никак иначе. Гнусный план! И опасный. Преступника легко могли заметить. Тем более, что он спрятал мертвеца так, что люди буквально спотыкались об его ноги. Может, это и было его ошибкой, потому что теперь совершенно точно известно, что Касалл погиб не около одиннадцати, а раньше. И что все свидетельские показания совершенно бессмысленны. Потому как непонятно, где все эти люди были часом раньше».

Штайнер встал. Нужно поговорить с судьей.

— Он обнаглел настолько, что придумал какую-то коровью задачу. Только представить себе коровья задача. И у него хватило дерзости прямо так и заявить. Это не только полное нарушение правил, но вдобавок ко всему еще и пустая трата времени в ущерб лекции, а он до сих пор даже не подумал возместить эти минуты. У нас черным по белому написано, что и когда следует изучать, и нигде не сказано, что можно убивать время, развлекаясь загадками.

Они стояли в коридоре перед лекционным залом и смотрели друг на друга, как два быка: Теофил Иорданус и один из бакалавров, присутствовавший на занятии, о котором сейчас шла речь. Симпатии этого бакалавра к *moderni* не являлись большой тайной. Проживший гораздо дольше и более мудрый Иорданус молча улыбался. О смысле коровьей загадки он знал от самого Штайнера. Он знал и то, что задача эта, по всей видимости, была решена. Ну а если кто-то возмутился и вздумал устроить скандал, это уже дело

второстепенное.

— И что вы намерены предпринять? — спросил он спокойно.

— А что намерены предпринять вы? — переспросил его собеседник, глаза которого дико засверкали.

— Ведь вас волнует не потеря времени, — мягко проговорил Иорданус. — Вы горите желанием поставить под сомнение авторитет Штайнера, который постоянно пытается найти золотую середину между двумя философскими течениями. Если вы стоите на другой точке зрения, почему бы вам не покинуть этот факультет и не поискать себе другое место?

— Да, — прошипел бакалавр, — я слышал, что здесь хотят вернуться к старой методе и учить только тому, что давным-давно отжило. Все это старье уже пришло в негодность. Во всем мире царят новые идеи и новые мысли, но вы... вы всё еще думаете, что Бог позволит доказать свое существование вашими смехотворными средствами. Вы считаете, будто можно доказать все что угодно на основе совершенно устаревшей методы.

— Наверное, это не вопрос метода, — мягко возразил Иорданус. — Скорее, суть в том, что же именно пытаются доказать. К тому же, насколько вам известно, я и сам не очень далек от номиналистов.

— А что пытаетесь доказать вы? Мне бы хотелось знать, что должно получиться при вашем подходе.

А что должно получиться, так это однозначно идентифицируемый убийца. Потому что в конечном итоге преступник воспользовался теми же самыми методами. Иорданус молча кивнул, взял под мышку книгу и оставил бакалавра в одиночестве.

Ну, поскольку, похоже, загадку вы разгадали, хочу загадать вам другую, которая может вывести вас на правильный путь, если вы окажетесь достаточно умны. Подумайте о квадривиуме и о вопросе: как получается, что голубка убивает коршуна?

Штайнер был вне себя. Где-то очень близко, совсем рядом, притаился убийца Касалла, который считает и его, и весь мир дураками. Загадывает им загадки и спокойно наблюдает. От кого он услышал, что первую задачу они решили? Собственно говоря, то, что они выяснили время убийства благодаря показаниям свидетеля, он узнать не мог, потому что Штайнер специально проявил сдержанность и поставил в известность только канцлера, Иордануса и занимающегося этим делом судью. Проговориться мог кто-то из них троих. Или же один из них и является убийцей? Штайнер прикинул, где каждый из них был в период между десятью и одиннадцатью, но у всех имелось достаточное количество свидетелей, способных подтвердить их алиби. Вообще-то судья болтлив. Слово здесь, намек там, и вот уже известие летит по воздуху и приземляется в нужных ушах. Штайнеру казалось, что за ним постоянно наблюдают, куда бы он ни шел и что бы ни делал. В изменившейся ситуации старые показания потеряли всякий смысл, но Лаурьен, Софи и Домициан все равно так и остались без алиби. Ломбарди теперь отпал, но Штайнер никогда всерьез и не сомневался в его невиновности. У троих магистров, пришедших в пивную после десяти, тоже свидетелей не было, потому что до этого они находились дома. А бакалавры и лиценциаты? Штайнер их всех опросил. «А как насчет остальных факультетов?» — поинтересовался один из них. Все теологи сначала изучают *artes liberales*, в конце концов их тоже можно подозревать. И это правильно. Если исходить из того, что убийца имел отношение к свободным искусствам, то

исключать другие факультеты нельзя. Таким образом, круг подозреваемых расширился. Но Штайнер не мог допросить теологов. Это только вызовет злость и в конечном итоге обернется против него же. А как быть с теми, кто возглавляет коллегии и бурсы? Например, де Сверте? У его матери дом на Иоханнисштрассе, и вполне возможно, что приор-маломерок по пути заглянул на Марцелленштрассе.

На следующий вечер Штайнер навестил мать де Сверте, у которой сын в тот самый вечер просидел якобы чуть ли не до полуночи. Но этот визит принес Штайнеру лишь разочарование, потому что эта самая мамаша месяц назад упала с лестницы и теперь говорила сумбурно и непонятно. Утверждала, что сын никогда от нее не уезжал и до сих пор живет с ней. А сама она даже ни разу не слышала о схолариуме, который ее сын возглавляет в качестве приора. Ее сын занимается дома, поведала она, и наивная улыбка осветила ее лицо, его книги все как одна лежат в комнате наверху, но туда запрещено входить кому бы то ни было, даже ей. А потом вдруг ни с того ни с сего старуха вошла в такой раж, что пригрозила Штайнеру метлой, и, размахивая ею, гоняла магистра по всему дому до тех пор, пока он наконец не добрался до двери и не исхитрился выскочить на улицу. После всего пережитого он зашел в пивную, где собирался призвать на помощь пиво и логику. И решить вторую задачу.

«Как получается, что голубка убивает коршуна? Я не позволю себя использовать, я раздаю ее, эту загадку. Больше уже я не буду играть в его игры. В эти наглые и зловещие игры. В кошки-мышки. Не буду я ему мышкой. А если — только предположим, — если он и на самом деле хочет подкинуть мне подсказку? Если в его больном мозгу застряла мысль, что я приму его помощь? Если он думает, что я попадусь на удочку и буду рассматривать его как равного противника? В конце концов, его первую загадку я действительно воспринял всерьез и долго ломал голову. Так почему же на этот раз должно быть по-другому? Что, если отгадка и правда приведет меня к убийце? Он об этом узнает, потому что он узнает все. И исчезнет еще до того, как я успею послать за ним стражников. Это может быть только дьявол. Земля разверзнется, и он исчезнет».

На Штайнера повеяло ледяным холодом. Несправедливо требовать от него помериться силами с дьяволом. Но все указывает на то, что его противник именно он и есть. Не может это быть человек: он везде и нигде, он чувствует себя настолько уверенно, что собственноручно строит для своих преследователей мост, чтобы им было удобнее до него добраться.

Из головы не выходила сумасшедшая старуха. Про какие книги она бормотала? Она безумна или же в ее вздоре что-то есть? Ее показания, обеспечившие алиби приору, принимать во внимание нельзя, и Штайнер очень злился на себя за то, что не сходил к ней раньше, чтобы выяснить насчет возможной причастности де Сверте к этому делу. Но, с другой стороны, кто мог подумать, что старуха утратила разум?

Штайнер расплатился и снова отправился в путь. Назад, на Иоханнисштрассе. Снаружи казалось, что в доме все спят. Но как попасть внутрь, не разбудив старуху? Щеколда на двери тяжелая и прочная. Штайнер постоял и уже собрался было уйти не солоно хлебавши, но тут заметил открытое окно на втором этаже в городе была обычная для конца лета духота. Он решительно скинул плащ и влез на стоящую перед домом скамейку. А потом обеими руками ухватился за карниз и попытался подтянуться. Он много раз соскальзывал вниз, прежде чем ему удалось закинуть на карниз ногу, после чего он всем телом навалился на подоконник. Затаив дыхание, Штайнер прислушался, а потом спрыгнул внутрь и осмотрелся. В окно

светила луна, так что он разглядел контуры мебели: стол, кровать, стул. Штайнер увидел лежащие на столе книги. Дверь была открыта. Он выскочил в коридор и за другой дверью услышал громкий храп старухи. Значит, можно вернуться в комнату. На столе действительно лежали три книги. Когда глаза привыкли к темноте, Штайнер разобрал два названия: «*Libri naturales*» Аристотеля и «*Analytica posteriora*» Боэция. Зато когда он взял в руки третий том и подошел к окну, чтобы разглядеть получше, кровь застыла у него в жилах. Это была «*Libellus de alchimia*», самый известный трактат по алхимии! Штайнер опустил книгу и перевел взгляд на улицу, залитую нежным лунным светом. Зачем де Сверте эта книга? И почему она лежит в этой комнате? Неужели он ее читает, навещая мать?

Приору не пристало иметь подобную литературу, но Штайнера удивило, что он вообще этим интересуется. Обычно де Сверте выставлял себя ярким приверженцем традиционной методики; его духовным идеалом был Фома Аквинский, а о номиналистах он всегда говорил с издевкой и отвращением. А что, если это только видимость, а на самом деле сия духовная позиция абсолютно ему чужда? А вдруг он еретик и вероотступник, ведущий двойную жизнь? Ведь оккультные науки — это обоюдоострый меч, их, конечно, терпят, но очень неохотно.

Штайнер положил книгу на место и начал спускаться вниз. Его старые кости были не очень пригодны для таких занятий, зато в голове, как жеребята на лугу, скакали сотни мыслей, и, когда он наконец оказался на земле, он спросил себя, что же ему делать с этими новыми сведениями. Он еще раз посмотрел на открытое окно. Хорошо бы завтра расспросить соседей, смогут ли те подтвердить, что в ту самую ночь приор навещал свою мать.

В мастерскую она больше не пойдет, хотя это и повлечет за собой разрыв с матерью. Решение возникло так же спонтанно, как и мысль, лежащая в его основе. И мысль эта была столь ужасна, что сама ее гротескность притягивала Софи. Однажды она зашла в бурсу, чтобы вернуть книгу, которую брал еще Касалл. Здесь работало не так много женщин: кухарки, прачки и несколько переписчиц. Наверное, можно попробовать устроиться переписывать бумаги, но Софи все колебалась. В библиотеку она шла еле-еле, опустив голову.

В нос ей ударил запах покрытых чернильными пятнами льняных тряпок. Идея оформилась в ее голове постепенно, как ветер, сначала легкий, а потом набравший силу и принявшийся колотить в двери. Софи остановилась. Впереди, на галерее, она увидела группку беседующих студентов. От мысли, молнией сверкнувшей в ее голове, она остановилась как вкопанная: а что, если просто прийти и попросить занести ее в список студентов?

Что ее ждет, если она и дальше будет крутить эту нить? Спору нет, занятие почтенное, но Софи чувствовала, что ее давно уже испортили идеи и мысли, высокомерие и дерзость. Зачем ей такая жизнь! Может, все-таки записаться? Хотя бы ради шутки! Это в ней говорит высокомерие? Просто ей хочется посмотреть, что будет, если она так сделает? О процедуре приема она знала еще от Касалла. Нужно посетить любого магистра, который проверит серьезность ее стремления учиться. Он будет задавать вопросы о происхождении, интересах, а также насчет финансового положения, и, если у него сложится положительное впечатление, он вместе с ней пойдет к ректору. Потом ей нужно будет принести клятву, что на самом деле может оказаться некоторым препятствием, потому что клятва есть клятва. Клятва верности факультету, верности ректору и уставу, а также верности империи. «Пусть

они получают от меня эту клятву, — подумала Софи. — Соблюдать верность я, безусловно, буду, но только на свой собственный лад». Нельзя записываться под именем Софи Касалл. Это, конечно, не запрещено, но никто не поймет. Женщины не учатся, потому что для этого нет причин. А как объяснять, чем она собирается платить за учебу? Учиться дорого, это стоит уйму денег, особенно без стипендии, а если ты к тому же бедняк, то тебе остается только побираться на рыночной площади или носить книги за старшими студентами, чистить им сапоги и очинивать перья.

Она побрела дальше. По галерее, где все еще по-прежнему беседовали студенты. Один бросил на нее взгляд, и она опустила голову. В конце галереи находилась комната библиотекаря. Она отдала книгу и ушла.

Софи спрашивала себя, из каких средств оплатить учебу и все остальное, что ей понадобится, если она не вернется в мастерскую. К охватившей ее эйфории добавились сомнения и страх. Она пошла быстрее. Еще быстрее. И вскоре уже буквально бежала по коридорам: приподняла юбку и неслась так, как будто это был вопрос жизни и смерти. Сначала надо выбраться на улицу, а потом можно спокойно всё обдумать.

Решение показалось очень простым. Старик прятал свой туго набитый кошелек под кроватью. Очень легко пробраться в комнату и взять несколько монет. А потом пойти к какому-нибудь незнакомому портному и сделать вид, что она собирается купить для мужа штаны и жилет. У одного актера она раздобыла бороду и отвратительный черный парик из конского волоса. Вернувшись к себе, недолго думая, подрезала волосы, так что теперь они доставали только до плеч и влезали под парик. Но где взять плащ, символ студенческого достоинства? Такие плащи не продаются на рынке, их выдают на факультете. Поэтому на деньги старика она купила еще и настоящее сукно, чтобы сшить плащ самостоятельно. А потом стала ждать, когда же старикашка поднимет крик. Навестила мать. Старик, сидя у окна, пялился на улицу. Значит, ничего не заметил. «До чего все просто, — подумала Софи, — надо же!»

Возникла еще одна проблема, над ней Софи размышляла с утра до вечера. Для всех в доме она должна оставаться Софи Касалл. Но на улицу нужно выходить в образе студента... Черный ход! В доме есть черный ход, которым теперь, осенью, почти не пользуются, потому что он ведет в сад. Следовательно, она сможет незаметно выбираться из дома, переодевшись студентом и моля Бога, чтобы никто не обратил внимания на эту дверь. Или лучше подыскать себе другую комнату и сразу же представиться там студентом. Но эту мысль она отбросила. Утром, когда она будет выходить из дома, еще достаточно темно, никто ничего не заметит. А назад она проскользнет ближе к ночи. А когда в следующем году дни снова станут длиннее, можно будет подыскать себе новое пристанище. Она надела плащ, приклеила бороду, нацепила парик и посмотрела в зеркало. В нем отразился незнакомый человек: дерзко-строгий, с бородой и тонкими, плотно сжатыми губами. Да еще эти волосы. Настоящий мужчина. Голос, сам по себе ставший более низким. Мрачный взгляд, в котором угадывалась начитанность. На Софи напал неудержимый смех, и она хохотала до тех пор, пока не отвалилась борода. Ей нельзя будет смеяться, если она хочет доказать им то, во что бы они ни за что не поверили, даже если бы увидели собственными глазами.

Что женщина тоже может учиться. Она почувствовала себя беззаботной — свойство, которое она начисто утратила во время семейной жизни с Касаллом. Теперь она знала, чего хочет. О законности своего намерения она старалась не думать, отодвигала эти мысли, гораздо больше размышляя о том, как перехитрить старикашку, который наверняка

регулярно пересчитывает свои монеты.

Софи ждала. Шли дни. И вот однажды она спустилась по лестнице еще до восхода. Хотя служанки уже были на ногах и возились на кухне, в это время никто не смотрел на запущенный сад, через который она тихонько выбралась на улицу. Она отправилась записываться на факультет. Для собеседования был выбран молодой, пока еще незнакомый ей магистр. И как раз сейчас она собиралась постучаться к нему в дверь.

Всю галерею заполонил ледяной холод, который застрял в углах и разместился вдоль стен. Постепенно солнце слабело, а дни становились короче. Теперь никто больше не грелся на ступенях коллегима: студенты в толстых плащах теснились в нескольких отапливаемых комнатах.

Первую лекцию Софи слушала у магистра, которого выбрала для записи на факультет. Она сидела на полу и мерзла, потому что в полу холод застревал наиболее прочно. Магистр читал об образах, а она прилежно записывала, хотя вполне могла проработать эту книгу дома. Только не обратить на себя внимания, окружить себя ореолом нищеты: «У меня бедная комната на Шпильмансгассе», — ведь студенты гораздо охотнее примыкают к тем, у кого есть деньги. От кого-то рядом исходил не выветрившийся со вчерашнего дня запах вина, и Софи стало дурно. Воздух пропитался странной смесью земли, кислого вина и бумаги. Перед ней, сгорбившись и положив листы бумаги себе на колени, сидел Лаурьен. Один раз он повернул голову, и она улыбнулась. Не узнал. Она была довольна, что он не признал ее в незнакомом парне. Если бы не опасение, что старик примется пересчитывать свои накопления и, возможно, изобьет мать... Наставит ей синяков, потому что подумает, что это она...

— Как тебя зовут? — прошептал сосед.

В документах она числилась под именем Иосиф Генрих. Звучит ненавязчиво — так могут звать любого.

— Иосиф Генрих.

— В каком схоляриуме ты живешь?

— Я живу не в схоляриуме. У меня маленькая комната на Шпильмансгассе.

Интерес тут же пропал. Если человек живет в таком переулке, то взять с него нечего.

Магистр закончил лекцию, студенты поднялись и тут же разошлись. Никто не обратил внимания на неулыбчивого и молчаливого бородатого парня, а поскольку его не знали ни в одном схоляриуме, то все предались собственным развлечениям и оставили его в покое. Серьезный молодой человек с растительностью на подбородке внутренне ликовал: «Я вам еще покажу, на что я способен. Вы даже не заметили, что в стаю волков проникла овечка».

Назад в насквозь продуваемую галерею, в которой теперь не было ни одной живой души. Она шла медленно, и вдруг издали легким эхом донеслись голоса. Она застыла. Один из голосов принадлежал Штайнеру, второй — Ломбарди. Заговорили громче. Софи слегка наклонила голову, заглянула за украшенную орнаментом в виде листьев колонну: теперь можно было разобрать почти каждое слово.

— Убийца Касалла — если предположить, что речь идет именно о нем, — загадал мне вторую загадку. Я должен подумать о квадривиуме и о том, как получается, что голубка убивает коршуна.

— А почему вы мне об этом рассказываете? Неужели все-таки исключили меня из

списка кандидатов в убийцы?

— Видите ли, я тыркаюсь во все углы, как дух, который везде и нигде, или как преступник, который тоже везде и нигде. Не могу верить никому, кроме самого себя, хотя и это иногда ставлю под сомнение...

Раздался смех.

— Так что там насчет квадривиума? — спросил Ломбарди. — Что он имеет в виду? Я еще не видел ни одной голубки, которая убила бы коршуна. По-моему, подкидывая свои загадки, он пытается руководить нашими действиями. Нужно серьезно подумать, стоит ли вообще читать его писанину.

— Это единственная зацепка.

— А вдруг кто-то другой вздумал над нами пошутить?

Штайнер молчал. В ледяном углу, скрытая двумя колоннами, Софи поплотнее закуталась в плащ. Что это за загадка? И при чем тут квадривиум? Философская задача или просто развлекается какой-то шутник, радующийся тому, что магистры выставлены на посмешище? Поблизости раздалися шаги. Кто-то вышел из подвала. Придется пройти мимо тех двоих. Она подняла голову: на карту поставлено все. Софи вежливо поздоровалась и открыто посмотрела им прямо в глаза. Ломбарди кивнул, Штайнер тоже. Оказывается, они слепые, как кроты. Первая победа за ней.

Он взял лошадь и еще до заката выехал из города. Среди ночи обратно в эти ворота его не впустят, разве что заплатит, так что он прикинул, не лучше ли переночевать в какой-нибудь деревне. Дорога на Вайлерсфельд лежала среди полей и лугов. Место пустынное. На горизонте виднелись горы, лениво текла река. Ветра не было.

Он спросил какого-то крестьянина, где здесь бывшая цистерцианская церковь.

Вьюны обвивали проемы окон, вокруг валялись камни, оставшиеся от боковых нефов. Вокруг ни души. На алтаре он обнаружил свежие следы воска. Значит, все-таки они тут были. Он осмотрелся. Ни одного бугорка, только несколько кустов. Значит, вот здесь и прятались Лаурьен с Домицианом. При мысли о том, что они тут видели, Ломбарди покрылся потом, который ручьем катился у него по спине. «Во имя Господа...» — пробормотал он и вернулся к лошади.

Сел в траве и стал ждать. Он хорошо разобрался в их ритуалах и совсем не случайно приехал сюда именно сегодня. Он знал все, что они думают и что делают.

И боялся. Когда они появились в темноте — странная процессия со свечами, издающая кошачьи вопли, — он встал, потому что не собирался наблюдать за их жуткими плясками. Возможно, разумнее было бы сначала взглянуть на их лица — на самом ли деле это те, кого он ждал. Но этого не понадобилось: старшим священником был Найдхард, черты которого он не забудет никогда. Беглый монах, в конце концов нашедший свое призвание в *sexum sacrale*, так же как другие люди находят себя в служении церкви или искусству. Только его странное служение не было угодно церкви, именно поэтому она его преследовала и желала ему гореть в аду. Найдхард остановился, как будто, подобно зверю, загодя чувствовал притаившуюся поблизости опасность. Повернул голову и поднял повыше свечку. Ломбарди подошел, предусмотрительно спрятав под жилетом нож. Послушники и монахини испуганно закричали, обратив взоры к Найдхарду, который энергичным жестом призвал их к спокойствию. А потом улыбнулся и поманил Ломбарди к себе.

— Надо же, господин Ломбарди! Вас снова потянуло в наше лоно?

— Я хотел вас предупредить. Есть люди, вы их не знаете, но они приходят сюда наблюдать за вами. Подобное легкомыслие, Найдхард, может стоить вам жизни.

Священник явно испугался.

— Кто они? Я никого не видел.

— Мальчишки из соседней деревни, они трепались об этом в пивной. Вы, наверное, сошли с ума, это же такой риск.

— Мне об этом ничего не известно, — недовольно сказал Найдхард. — Вы что, считаете, что я добровольно подвергаю себя опасности? Первое правило гласит...

— Я знаю первое правило, — голос Ломбарди стал жестким. — А поскольку я не хочу, чтобы меня повесили, то пришел вас предупредить. И если ты не готов соблюдать осторожность, тебе следовало бы вернуться в монастырь.

Найдхард только засмеялся.

— А куда нам было податься? Времена нынче беспокойные, как вам известно. Не так-то просто найти руины. Да и подвалы тоже...

— Наверное, вам стоило бы попробовать заниматься этим в аду, — произнес снявший руку с ножа Ломбарди.

— А потом наступит зима, — продолжал Найдхард, — на улице станет совсем холодно. Не могу же я укладывать своих овец в снег, хотя это, безусловно, возбуждает.

И снова засмеялся, видимо не принимая опасность всерьез. А потом притянул к себе одну из монахинь, с очевидным страхом следившую за разговором, и оголил ее упругие груди.

— Как, Зигер? Тебе не нравится? Раньше ты так не ломался, а? Раньше ты бы ими непременно воспользовался, а они бы так тебя любили, эти женщины...

— Немедленно исчезни, — процедил Ломбарди.

— Ты нас не выдашь, — резко проговорил Найдхард. — Через несколько дней здесь появятся наши братья из Фландрии. Но не беспокойся, мы будем осторожны.

Ломбарди пошел назад. Вскочил на лошадь. Ему не хотелось их видеть. Отъехав подальше, он привязал лошадь к дереву.

Для возвращения домой было слишком темно, конь не найдет дороги, не говоря уж про всадника. Так что ему не оставалось ничего другого, кроме как устроиться на ночлег, завернувшись в тонкое одеяло. Он развел костер, как будто собирался караулить девственность руин, которую те давно уже потеряли. А ведь совсем недавно и сам он был ничуть не лучше тех, кто сейчас попирает ее снова и снова. Но думать об этом он себе запретил. Как можно начать новую жизнь, если тебя постоянно преследует тень старой?

Chassez le naturel, il revient au galop. Никому не суждено выскочить из собственной шкуры. Или: гони природу хоть вилами, она все равно вернется.

Он неотрывно смотрел в беззвездное небо.

Карлик пребывал в хорошем настроении, потому что покровители схолариума решили его облагодетельствовать и сделали подарок. Снабдили деньгами, на которые карлик сможет устроить маленькую библиотеку, принять второго магистра и дополнительно разместить студентов. Это поднимет престиж пока еще бедного схолариума и настроение каноника. Так уж повелось, что коллегиумы больше притягивали студентов, потому как там были хорошие магистры и богатые библиотеки, а карлик не мог себе позволить такую роскошь. До сих пор учредитель был очень экономен во всем, что касалось его присных. Но если хочешь

заполучить хорошее место в Царстве Божиим, то следует заранее создать такое на земле.

В день, когда поступило радостное известие, де Сверте велел подать на ужин вдобавок к привычным блюдам жаркое и сыр, приобретенный на рынке у голландца, а еще вино с виноградников монастыря Эбербах, с которым приор поддерживал весьма тесный контакт. Там создали совершенно новый напиток, приятный на вкус и не вызывающий головной боли, как все эти выдохшиеся местные вина. К тому же приор позволил студентам побеседовать за едой, чтобы те могли обсудить прекрасную новость. Сам он, возбужденный и гордый, сидел во главе стола и поводил глазами во все стороны. Но тут вдруг заметил, что не хватает одного из студентов. Рядом с Лаурьеном оказалось пустое место, обычно занимаемое Домицианом. Приор тут же подскочил и спросил, куда тот подевался. Ломбарди, все еще воздающий должное тарелке с сыром, поднял глаза и пожал плечами:

— Наверное, его отец вернулся в город.

— Но он не отпрашивался, — прошипел де Сверте. Нельзя, чтобы Домициан, даже если его батюшка богат и знаменит, уходил просто так, никого не предупредив.

— Вы обязаны разобраться, — шепнул он Ломбарди, сел обратно на скамейку и дал себе слово никому не позволить испортить этот прекрасный вечер.

Ломбарди только кивнул. Сыр оказался мягким и острым, вино — выше всяких похвал. Никогда в жизни он не пробовал столь чудесного напитка. Сидевший напротив Лаурьен был, как всегда, молчалив. Ел и пил весьма умеренно. Если к нему обращались, отвечал кратко и приветливо, но не производил впечатления человека, желающего продолжить беседу. Однажды он встретился взглядом с магистром, но тут же опустил глаза, а потом словно передумал и озабоченно прошептал:

— Господин магистр, не мог бы я потом с вами поговорить?

— О чем?

— О Домициане.

Сердце у Ломбарди даже не екнуло: здесь каждый хоть раз выходил за рамки дозволенного. Но когда час спустя он сидел у себя в комнате с Лаурьеном, держа в руках очередной бокал с этим прекрасным вином, ему стало не по себе. Лаурьен примостился на скамеечке, судорожно сжав пальцы, ноги его дергались, как будто хотели пуститься наутек, глаза искали точку, на которой смогут остановиться.

— Он снова пошел туда...

— Куда?

— К руинам. С Маринусом из коллегіума...

Ломбарди резко встал. По его лицу разлилась неестественная бледность, он весь как-то сник и тихо произнес:

— Это невозможно. Он что, все еще туда ходит?

— Да, он все еще туда ходит. Говорит, что последний раз, что не делает ничего плохого, в конце концов греховничает не он, а другие...

— Он тоже совершает грех, — произнес Ломбарди. — На наблюдающих чужие грехи лежит тот же самый грех.

— Конечно, господин магистр, — пробормотал Лаурьен и сцепил пальцы, как будто собрался сплести их в узел. — Что нам делать? Если с ним что-нибудь случится... я имею в виду...

— Да, — со злостью перебил его Ломбарди, — если с ним что-нибудь случится, он будет сам виноват. Но давай-ка подумаем.

Он снова сел. Его беспокойство еще больше смутило Лаурьена. Если уж Ломбарди так волнуется, то, возможно, дела обстоят еще хуже, чем боялся сам Лаурьен.

— Ты никому не скажешь ни слова. Никому, слышишь? Я обо всем позабочусь. Тебе лучше забыть, что ты знаешь и о чем мы с тобой говорили в тот раз, когда ты мне доверился. Понял, Лаурьен? Никому ни слова!

— Да, господин магистр. Но вы правда с этим разберетесь?

Ломбарди кивнул и отпустил юношу. Перед его мысленным взором проносились картины, которые, как ему думалось, уже давно вылетели у него из головы и которые теперь затмевали его сознание, как облака солнце. Это было опасно и страшно, и он не знал, как поступить. Домициан, видимо, попал в ловушку. Но Ломбарди не мог никому ничего рассказать, не подвергнув опасности самого себя. Он был проклят и обречен на молчание, ему придется только ждать. Ждать, пока Домициан вернется или пока коршуны склюют его валяющиеся на солнцепеке останки и на происшедшее опустится покров забвения.

— Почему он отсылает нас к квадравиуму?

— В смысле, почему не к тривиуму?

— Потому что тривиум не имеет никакого отношения к величинам. А он говорит о голубке и коршуне. Птица, известная своей нежностью, и отвратительный пожиратель падали. Можно усмотреть в этом моральные величины?

Иорданус покачал головой. Он устал и хотел спать. По ночам коллегиум становился еще более мрачным. Множество коридоров без окон, в них прочно поселился холод, темные неотопливаемые помещения. В библиотеке — книги на цепях, но листать их не имело смысла. Там он решения не найдет. Взгляд Штайнера упал на маленькую фигурку Девы Марии, стоящую в нише, перед ней свеча, только что погасшая. Наверху слышались шаги, там туда-сюда ходил кто-то, кому не удавалось найти покоя.

— А что с подозреваемыми? — спросил Иорданус.

— Это разве что дьявол. Лаурьен не может быть убийцей, так же, как и жена Касалла. Остается только Домициан фон Земпер. Алиби нет и у нескольких бакалавров и лиценциатов. Плюс множество теологов, но, взяв их под подозрение, сразу же наживешь себе могущественных врагов.

— Вы считаете, что они стали бы портить себе карьеру, убив магистра? Смешно.

— А каноники? Которые всегда были против всего на свете? Вам известно, сколько каноников в одном только этом городе считают номинализм закатом западных стран? Потому что следует проводить границу между верой и наукой, как провозглашает Оккам?

Иорданус усмехнулся:

— Но ведь должна же быть какая-то связь между убитым и убийцей. По крайней мере, они должны быть знакомы. Скорее уж его следует искать среди тех, кто изучает искусства. Вы стали похожи на потрепанное, рваное одеяло. Следует все время двигаться от центра круга и никогда не поступать наоборот.

— Иногда мне кажется, что это и на самом деле дьявол, — тихо сказал Штайнер и схватил Иордануса за руку. — Вы слышите?

Шаги наверху стали громче.

— Значит, там разгуливает дьявол? Не пора ли слегка усмирить свою фантазию, господин магистр! Вы видите лишь тени.

— Да, — прошептал Штайнер, — лишь тени. Даже тени от теней, и это ужасно. Кто-то

идет и убивает магистра. А потом загадывает нам философскую загадку. Это может быть только дьявол. А мы со своей манерой разбирать все на части — мы тоже слуги дьявола, потому что больше уже не способны верить в то, что недоказуемо. Даже в существование Бога, если хотите знать.

Иорданус кивнул. Да, точно так же, как и в возможность существования дьявола.

— При таком настрое вы, Штайнер, никогда не найдете убийцу. Дьявол или нет, но он существует. И наблюдает за нами. Может быть, здесь, в этом коллегииуме, а может, он ваш сосед. Вопрос в том, чего он добивается, пытаясь нас разозлить.

— А что, если он дает нам ложную информацию?

— Вы так полагаете?

— Нет. Я полагаю, что он нас не обманывает. В этом-то и заключается дьявольщина. Он считает, что превосходит нас во всем. Наглая заносчивость убийцы. Но, Иорданус, я отказываюсь разгадывать его загадки. Я больше не хочу.

Иорданус кивнул. И действительно, в разгадывании этих загадок было что-то безумное. Но все-таки они оставались единственной зацепкой. Значит, назад, к квадривиуму, учению о величинах. Числа и соотношения, ромбы и эллипсы, круги и прямые линии, дроби. И не забыть про звезды, Луну и Солнце Четкие линии, за которые можно держаться. В глазах философов учение о величинах было, вероятно, единственной основательной системой. И все-таки числа — это тоже всего лишь образы. Ни одно число не существует само по себе, призывая: «Смотрите, это я!» Следовательно, никаких чисел нет. Они созданы исключительно фантазией человека. Нет такого леса, в котором рядом с березами, вязами и буками стоит число. Числа не найдешь в море, да и в облаках их тоже нет. Пока не существовало людей, не могло существовать чисел. Или?.. Иорданус вздохнул. Постоянное возвращение к старому спору. Что было сначала — курица или яйцо? Но если уж приводить красивые примеры, можно сравнить кошку с форелью. Человеческая голова есть емкость, наполненная негодными идеями, и, если бы у него не было глаз, он бы, возможно, принялся утверждать, что эти идеи реальны. Лес, полный чисел, наполненное числами море, да и с неба они свисают на длинных золотых нитях.

— Чушь, — произнес Иорданус. — Вы можете опираться на то, что видите и слышите, что можете понюхать, попробовать на вкус и на ощупь. И, если хотите, сосчитать, ведь числа могут в каком-то смысле являться для нас фундаментом. Но они могут нас обмануть.

— Он хочет с нами поспорить? Что он пытается нам доказать?

— Что мы неправы.

Но в чем их ошибка, сам Иорданус тоже не знал. Пройдемся и посмотрим на мир с другой точки зрения — точки зрения дерева или коршуна. Тогда мы сместим величины. Увеличься в размерах, раздвоись, раздуйся, уменьшись, как заключенный в бутылку дух, — что ты тогда увидишь? Мысленно превратись в муравья, для которого пруд является морем. Берега недостижимы, а ствол — это космос. Падающие осенью листья могут тебя убить. Капли дождя тебе вполне хватит, чтобы утонуть. Человеческая ступня для тебя верная смерть, если ты забредешь не туда, куда надо. И вообще, что такое человек? Муравей и понятия не имеет. Для него человек ничто. Абсолютное ничто, всего-навсего тень, падающая сверху. Или представь себя коршуном, парящим под низкими тучами и рассматривающим мир сверху. Если запах падали, как столб дыма, поднимается вверх и достигает твоего носа, то лети, куда велит твой нос: где-нибудь там, внизу, лежит животное или человек — тебя ведет за собой запах смерти. У каждого свое учение о величинах.

Иорданус тихо рассмеялся:

— Вы правы, Штайнер. Он здесь. В самой непосредственной близости от нас, иначе откуда у него такая информация. Вы должны быть бдительны. Возможно, он и свидетелей давно ввел в заблуждение...

— Значит, все-таки дьявол?

— Нет. Просто продувная бестия. Ничего больше.

Они медленно брели к выходу. «Это можете быть и вы, Иорданус», — подумал Штайнер. Потому что если преступник способен каким-то неведомым образом обманывать всех, значит, никто уже не чист.

У Штайнера на языке вертелся вопрос, который он до поры до времени придерживал. А что с де Сверте? Указывает ли книга по алхимии на то, что приора тоже можно подозревать в убийстве? Но нельзя с уверенностью сказать, что в ту самую ночь он не был у матери. Соседи подтвердили, что приор часто ее навещает, но никто не мог точно вспомнить, приходил ли он именно тогда. Да и не было никаких доказательств, что эта книга имеет отношение к смерти Касалла. Не следует ли, чтобы добиться ясности, побеседовать о своей находке с самим де Сверте? Вопрос так и не слетел с его языка.

— Я вижу одни лишь тени, — пробормотал он устало.

Но мысль о причастности к делу де Сверте его не покидала, поэтому он все-таки зашел в схоляриум и попросил сообщить о своем приходе приору. Тот сидел у себя в комнате, склонясь над кипой счетов, и, казалось, обрадовался, увидев появившегося в дверях Штайнера.

— Присаживайтесь, — приветливо сказал он, показывая на скамейку, сложил листки и аккуратно отодвинул их на край стола.

Штайнер сел.

— Скажите, вам знакома книга «*Libellus de alchimia*»?

Возможно, действовать в лоб было неразумно; с другой стороны, внезапность была ему сейчас на руку. Но на ангельском лице приора не отразилось никаких эмоций.

— Да, знакома. А почему вы спрашиваете?

— Эта книга идет вразрез с вашими взглядами.

— Идет, ну и что? Почему вы об этом спрашиваете?

Штайнеру было неудобно признаться, что он забрался в дом к ненормальной матери приора, поэтому откровенничать он не стал:

— До меня дошли слухи, что подобные книги все чаще и чаще попадают в схоляриумы города. Я, конечно, тоже читаю о магии и оккультизме, но не даю практических рекомендаций относительно получения конкретных субстанций, вы ведь понимаете, что я имею в виду...

По магнолиево-бледной нежной коже де Сверте разлилась легкая краснота.

— О да, я понимаю. Вы имеете в виду, что мне следует проконтролировать, не появилось ли и у нас чего-нибудь в этом роде.

Штайнер не стал возражать. Он все еще изучал выражение его лица. А потом сказал:

— А вы сами когда-нибудь этим занимались?

С ответом де Сверте помедлил:

— Курия подобные вещи не приветствует. Хотя, раз уж вы спрашиваете... книги я читал. Но я преданный сторонник томизма, современные школы всегда вызывали у меня

отвращение, а катастрофы, проистекающие из этого вида магии...

Штайнер встал. Наличие книги никого не превращает в убийцу. К тому же у приора начисто отсутствует мотив, потому что де Сверте, по крайней мере внешне, целиком и полностью разделял духовные позиции Касалла. И все-таки у Штайнера осталось неприятное ощущение.

— У вас были хорошие отношения с Касаллом? — задал он неожиданный вопрос.

Приор широко открыл глаза:

— У меня? С какой стати вы об этом спрашиваете? Не подозреваете ли вы, что я убил Касалла?

Штайнер покачал головой:

— Такие вопросы я задаю всем, и вам прекрасно об этом известно. А свидетелей того, что вы были у матери, просто-напросто нет...

— Да, и сама бедняжка тоже не в состоянии ничего подтвердить, с тех пор как упала с этой проклятой лестницы. Но если серьезно, господин магистр, у меня действительно не было никакой причины убирать со своего пути Касалла, хотя из-за всем нам хорошо известной жестокости я ценил его не слишком высоко. Но, по-моему, здесь к нему так же относился каждый.

Штайнер быстро попросался. «Слова, ничего кроме слов», — подумал он мрачно. Бывали времена, когда ему требовалось молчание, чтобы прийти в себя от бессмысленности слов. Слов у каждого человека в избытке, даже у безумных их достаточно. Что ему делать с этим избытком слов, которые обладают гениальной способностью исказить и скрывать действительность? Налицо один только голый факт; у приора нет свидетелей, которые могли бы подтвердить его невиновность. Но ведь нет и никого, кто бы говорил о его виновности.

Крестьянин остановил быков и потянул носом. У него был хороший нюх, но и мертвец смог бы учуять эту вонь, которая словно колокол накрывала маленький луг и которую ветер разносил во все стороны. Это же пахнет из тех руин! Крестьянин оставил свою повозку и прошел дальше, туда, где виднелись развалины бывшей цистерцианской церкви. Мерзкий запах усилился. Может быть, это сдохшее животное, несколько часов пролежавшее на солнце? Ничего не подозревая, он поднялся по обломкам. Из пустых оконных проемов с шумом вылетели голуби. Крестьянин огляделся. Там, сзади, алтарь. Хоры отбрасывали длинные тени. И правда, перед алтарем лежало что-то, странно вывернутое и скрученное. Крестьянин подошел ближе...

Последние дни Лаурьен все активнее искал общества нового студента. Поскольку сам он тоже был молчалив и серьезен, то, скорее всего, именно эта схожесть и притягивала его к Иосифу Генриху. К тому же он потерял своего прежнего друга, который исчез самым загадочным образом. Во время лекции о душе они с Генрихом сидели рядом, а потом вместе бродили по городу, хотя идти им нужно было в разные стороны. Софи не могла засветло вернуться в свою комнату. Даже в сумерках, прежде чем зайти в сад, ей нужно было сначала убедиться, что поблизости не крутится кто-нибудь из служанок, и только потом осторожно проскользнуть внутрь. Во время прогулок они беседовали. Он произносил слова с глубокой печалью, которая, похоже, никогда его не покидала. Софи вынужденно продолжала играть свою роль, которая делала невозможным ее нормальное поведение.

Лаурьен ей нравился. Он был приветлив и обходителен, но у него практически не было

друзей, потому что присущая ему меланхолия отталкивала от него товарищей, считавших его унылым одиночкой.

— Тебе здесь не очень хорошо, правда? — спросила она, когда они шли по рынку.

— Почему ты так думаешь?

Она засмеялась ставшим для нее привычным грубоватым смехом.

— У тебя не так много друзей.

— У меня есть хороший друг. Но он исчез непонятно куда. И возможно, никогда уже не вернется. К тому же я очень трудно схожусь с людьми. — Он резко остановился. — Ты совсем другой. Иногда мне кажется, что я давно тебя знаю. Так ведь бывает, понимаешь? Бывает, что столкнешься с совершенно незнакомым человеком и все равно чувствуешь, что уже встречался с ним...

Софи отшатнулась. Только бы не проговориться!

— Наверное, бывает, — сказала она тихо и попрощалась.

И, задумавшись, пошла домой. Убедилась, что в саду никого нет, проскользнула через заднюю калитку, а потом вверх по лестнице. В комнате сняла парик и сорвала бороду. Упала на скамейку и уставилась в окно. На это она не рассчитывала. Лаурьен не был глупцом и отличался чувствительностью. Неужели он догадается, что она не тот, за кого себя выдает? Софи отбросила эту мысль и постаралась сосредоточиться на ощущении, что своего она все-таки добилась. Она ни с кем об этом не говорила; если ее спрашивали, чем она занимается целыми днями вне дома, то отвечала, что нашла у монахинь ордена святой Клариссы место переписчицы, и никому даже в голову не приходило, что это наглая ложь. Но со временем она все равно зайдет в тупик, потому что невозможно продержаться четыре-пять лет и к тому же скопить деньги на экзамены. А потом — думать об этом было вообще-то бессмысленно, — неужели удастся так долго жить в этом коконе, который вынуждает ее постоянно притворяться, постоянно быть начеку? Летом, когда темнота уже не будет ее соратницей, придется искать другое убежище.

И все-таки она не сдавалась: каждое утро в пять часов входила в помещение факультета, сидела и писала, вела беседы с Лаурьеном, а вечера проводила в своей одинокой комнате. Попоек и пирушек избегала, что вскоре создало ей репутацию человека, держащегося особняком. И в этом они с Лаурьеном были схожи. Поскольку на лекциях студентам приходилось не столько говорить, сколько слушать и записывать, никто не обратил внимания, что она знает больше остальных, что у нее дома имеются книги, которые другие могут только одолжить или прочитать в библиотеке, где их хранят на цепи. Пусть и в последнюю очередь, но ее волновала история с украденными монетами. Похоже, пока еще старик ничего не заметил, но недалек тот день, когда придется прибегнуть к этому способу еще раз. Пять монет из ста — это не очень много. Но десять из ста? А он наверняка их пересчитывает, это исключительно вопрос времени.

В один холодный октябрьский вечер она не выдержала и призналась в своей двойной жизни Гризельдис.

— Я поступила на факультет.

— Что ты мелешь? Как ты могла туда поступить? Ты же женщина.

— А где написано, что женщины не могут получить ученое звание?

— Ерунда какая-то! Они что, ради тебя изменили правила?

— Нет. Я переодеваюсь мужчиной.

Только теперь до Гризельдис дошло. Ее подруга переодевается в мужское платье, ходит

в коллегииумы и изучает artes liberales!

— Ты сошла с ума! Хочешь, чтобы тебя объявили ведьмой и сожгли на рыночной площади?

— Разве есть закон, запрещающий женщинам надевать мужскую одежду и посещать факультет? Какая это ересь? В чем здесь богохульство? Разве Бог имеет что-то против?

Гризельдис молчала. Имеет ли Бог что-то против? Нет, а вот мужчины... Те, кто хочет доказать существование Бога, те безусловно против.

— Нельзя этого делать, — тихо сказала Гризельдис; в ней внезапно пробудилось столь явственное ощущение опасности, что она закрыла окно, как будто угроза исходила от улицы. — Софи, если все раскроется, тебя заточат в башню. Ты же их опозорила, поиздевалась над ними! Можешь себе представить, что они почувствуют, если ты дойдешь до экзамена, да еще и ухитришься его сдать? Это же насмешка. Я понятия не имею, что там написано в правилах, но знаю, что скажут магистры. И не только они. Ты принесла ложную клятву, ты заставила внести себя в списки под чужим именем...

— Да, — пробормотала Софи.

Женщина и мужчина — это как несовершенное и совершенное. Неполноценность женщины вытекает из избытка влажности и пониженной температуры. Это ошибка природы. *Femina est as occasionatus* ^[40] — сказал Аристотель, о котором она слушала на лекциях. *Corruptio instrumente* ^[41] — если мужчина производит дефектное семя, и его жена рождает девочку. Или *venti australes* — южные ветры приносят слишком много воды, и тогда вместо мальчиков получаются девочки. Ошибка природы не может мыслить логично, и даже если курия еще терпит монастырские школы для женщин и девочек, в которых тоже изучают тривиум и квадривиум, это все равно не то что желание учиться вместе с мужчинами.

— А откуда у тебя деньги? — спросила Гризельдис.

— Сама взяла. Из кошелька моего отчима.

— Да, так я и подумала. Я закажу для тебя мессу и поставлю свечку. Пусть Бог явит тебе свою милость.

Они молча сидели за столом и пили вино, принесенное Гризельдис, у которой всегда было достаточно денег.

— А что здешние думают, куда ты ходишь? — спросила наконец Гризельдис.

Свечка на столе погасла, так что они сидели в темноте.

— Я получила место переписчицы в монастыре Святой Клариссы.

— Эту идею подсказал тебе сам дьявол.

— Да. Возможно, дьявол есть причина всего. Он помог родиться философии, он вынул ее из купели. Эта болезнь — желание всё знать, это от него.

Гризельдис встала и взяла свою корзину. Вино оставила, а еще каравай хлеба. Эта женщина была ей непонятна. «И зачем ей всё знать? Чего она добивается? На эти знания можно что-то купить? Я смогу на них одеваться и кормить своих детей? А если она сама понимает, что это проделки дьявола, то почему до сих пор ходит на лекции?» Она в сомнении покачала головой, поцеловала Софи в лоб и вышла из комнаты. Дверь медленно закрылась.

Софи слышала ее удаляющиеся шаги. Она осталась одна в темноте.

— Скажи мне, что тебя гнетет? Ну, скажи.

В воде отражалось осеннее солнце. Лаурьен решил не ходить на лекцию. Уже несколько

дней его желудок сжимался, как кузнечные мехи, есть он не мог и существовал только на воде и пиве. И вот сегодня купил на рынке большой кусок сыра. Эта покупка, безусловно, пробила брешь в его скромном бюджете, хотя проку от нее было мало: восстановить силы она ему не помогла.

Они сидели на низкой изгороди и смотрели на лодки, везущие свой груз. Пахло сельдью и перцем — странная смесь. На другом берегу виднелись крыши Дейтца, стоящие меж лугов по-осеннему раскрашенные деревья преломлялись, отражаясь в воде.

— Скажи, — попросила Софи.

— Не могу, Иосиф.

— Почему? Почему ты ничего не ешь, почему пропускаешь лекции?

Лаурьен вдруг схватил ее за руки:

— Потому что не могу. Мне кажется, я знаю, куда пошел Домициан, я даже рассказал об этом Ломбарди, но тот ничего не предпринимает. Он просто-напросто бездействует. Еще вчера Штайнер говорил, что стражники перерыли весь город в поисках Домициана, они были якобы даже на Шмирштрассе и у старого рва, где опивается самый гнусный сброд. А ведь он ходил совсем не в город.

Софи ничего не понимала. Почему Домициан не мог пойти в город? А если не в город, то куда же он отправился?

— О чем ты вообще говоришь?

— Об исчезновении Домициана. Я знаю, где он, и думаю, что он больше не вернется. Но не потому, что не хочет, а потому, что не может... потому что они его убили.

Софи потрясла своими влажными от пота пальцами. Что это с парнем? Несет какую-то чушь, плетет всякую ерунду.

— Я обещал Ломбарди ничего не рассказывать, но если он ничего не предпринимает?! Он даже не сказал Штайнеру, где искать Домициана. Делает вид, что знать ничего не знает.

— А что ему нужно знать?

Лаурьена знобило. Осеннее солнце не согревало, и чем дольше он смотрел на воду, тем глубже проникал в кости мертвящий холод. По ночам он просыпался от мысли, что его ноги превратились в ледышки, в обрубки лишенного нервов мяса. Снова и снова один и тот же вопрос: как поступить? Какое тебе дело, что Домициан не смог обуздать свою похоть и попал в сети еретиков, которые перерезали ему горло? Какое отношение имеешь к этому ты, Лаурьен?

Он чувствовал ужасную слабость; казалось, в любую минуту он может упасть с изгороди в воду, потому что у него кружилась голова, лопающаяся от столь ужасной тайны. Он склонился к своему другу Иосифу Генриху и шепотом поведал ему все: что эти там собираются и что Домициан наверняка снова пошел туда и с тех пор не возвращался; что они вели себя как коровы и быки на пастбище и позорили Бога и всех христиан...

Он шептал долго, а потом сторбился и устремил взгляд на воду. Глаза его сверкали, в желудке, казалось, крутится ветряная мельница. Он бросился к реке и склонился над водой.

Софи с ужасом смотрела ему в спину. Как коровы и быки на пастбище? Ах, нет, не на пастбище, на алтаре, так он сказал. Лаурьен вернулся. Сел перед ней на землю и снова схватил ее за руку;

— Иосиф, ты свободен и волен идти куда хочешь. А вот я... я сижу в схоляриуме и не могу сделать ни шагу. Пожалуйста, сходи в Вайлерсфельд, послушай, о чем говорят. Может быть, там что-то знают...

Она хотела погладить его по волосам, чтобы утешить, но вовремя взяла себя в руки. Среди мужчин это не принято.

— Для тебя он так много значит?

— Я уверен, что с ним что-то случилось. Я его любил, он был моим другом. А благодаря его отцу я могу учиться...

Софи кивнула.

— А Ломбарди? Какое он имеет к этому отношение?

— Никакого. Он просто... я ему доверился. Но он ничего не предпринимает. Мне кажется, ему все равно, жив Домициан или мертв.

Лаурьен пошел по берегу, сунув руки в карманы плаща. А потом неожиданно обернулся, и взгляд его упал на друга, который все еще сидел в раздумье, глядя на реку. Странно, почему именно сейчас он вспомнил про Софи? Ему казалось, что он не видел ее целую вечность. Он не забыл про вдову Касалла, до сих пор у него внутри все сжималось, стоило ему о ней подумать. Но как и где он мог бы ее увидеть? Из старого дома она уехала, а где теперь живет, неизвестно. Казалось, что Иосиф Генрих не замечает его присутствия, его глаза были прикованы к воде. Может быть, именно эти глаза напомнили ему про Софи. Они того же цвета. Опалово-сине-голубые — в зависимости от того, как отражается в них солнце. Васильковые. Или нет, светлее, намного светлее. Самая прекрасная голубизна на свете, нежная, легкая, прозрачная...

Лаурьен смутился: ведь с такого расстояния он не мог разглядеть глаза своего друга, какая бессмыслица!

Но ведь и руки, пришло ему в голову, руки тоже напомнили ему про Софи. Странно. Маленькие, узкие ладони, умело держащие перо — как будто всю жизнь только этим и занимались. Лаурьен тряхнул головой. С ним сыграла шутку его собственная фантазия. И он вернулся к другу, который, словно пробудившись от своих мыслей, смотрел теперь на него.

В Вайлерсфельде у Софи была тетя. Поэтому собрать там всякие сплетни и слухи было совсем нетрудно. И никто ничего не узнает, подумала Софи, отправляясь в путь.

Ее тетушка жила в приюте для бедных вдов и радовалась любому гостю. Вокруг бывшего цистерцианского монастыря раскинулся парк со старыми деревьями, туда дамы ходили гулять, если позволяла погода. Именно там и нашла Софи свою тетушку. Та бродила по дорожкам, перебирая четки.

— Бог внял моим молитвам, — такими словами она встретила племянницу, — наконец-то у меня гости. Твоя матушка вышла замуж и совсем меня забыла.

— Она беременна, — сказала Софи и осторожно обняла родственницу за плечи.

А потом они гуляли по осеннему парку и болтали. Тетя жаловалась на жизнь, и Софи дала ей выговориться. Только когда зазвенел колокольчик, приглашая на обед, Софи задала интересующий ее вопрос не случилось ли за последнее время в Вайлерсфельде чего необычного. Например, убийство...

Тетя остановилась и понизила голос:

— А почему ты спрашиваешь? Да, тут нашли труп. Возле руин. Но неизвестно, кто это. Молодой, меньше двадцати лет. Но самое ужасное не это. Крестьянин, который его нашел, уверяет, что убийцы задушили его поясом от сутаны...

Софи испугалась: неужели Домициан на самом деле мертв?

— Только вчера они нашли недалеко от того места, где он лежал, плащ. Стражники

считают, что это студент из города. А еще в деревне был человек, который задавал такие же вопросы, как и ты...

— Молодой? Темноволосый, маленький и худой?

Тетушка покачала головой.

— Темноволосый, да. Но высокий и крепкий. Говорят, очень симпатичный.

Ломбарди. Это наверняка Ломбарди, пронеслось в голове у Софи. Почему он приезжал и задавал точно такие же вопросы? Потому что хотел самостоятельно выяснить, что произошло? Но почему он занимается расследованиями тайно, почему никому ничего не сказал?

Нужно бы его навестить. Образ мертвого студента не выходил у нее из головы, хотя она даже не была знакома с этим юношей. Он кричал и никто его не слышал? Руины так далеко от деревни, что это вполне возможно.

Софи стало жалко этого всегда приветливого, хотя и несколько заносчивого студента. Что же за звери убили его столь бесчеловечным способом?

Мальчик лет десяти робко постучался в дверь. Войдя, он смутился и положил на стол судье письмо. Объяснил, что некий человек сунул ему в руки гильден за то, что он передаст записку. Судья улыбнулся малышу и потянулся к бумаге.

Если вы хотите найти убийцу студента, то ищите братьев свободной жизни — его смерть на их совести.

Судья поднял голову:

— А как выглядел тот человек, который дал тебе письмо?

Мальчик задумался:

— Высокий, с бородой, на нем был черный плащ, капюшон на голове.

Судья кивнул:

— А деньги он тебе дал?

Мальчуган, сияя, раскрыл ладошку и показал блестящую монету. А потом быстро развернулся и выбежал из комнаты.

Студент Иосиф Генрих постучался в схолариум. Одна из служанок открыла и впустила его. Да, господин магистр читает у себя в комнате. Энергичный стук в дверь, в комнате раздались шаги. Дверь открылась, на пороге, улыбаясь, стоял Ломбарди. На столе Софи заметила Оккама, библию номиналистов.

— Вы читаете? Я не помешаю?

Ломбарди покачал головой и предложил студенту свою скамью. Другой у него не было.

— Вы ведь знаете, что Домициан мертв, правда? Один студент попросил про него узнать, а поскольку у меня недалеко от Вайлерсфельда живет тетя, то я выполнил его просьбу.

Софи могла больше ничего не говорить. Ломбарди опустил глаза и молчал. Казалось, он размышляет. Возможно, он искал нужный ответ. Наконец поднял голову.

— Что тебе известно? И почему с этим ты пришел ко мне?

— Потому что я слышал, что вы тоже про него спрашивали. Значит, у вас были какие-то предположения.

— С тобой говорил Лаурьен, не так ли? Вы сдружились...

— Да. А так как он очень беспокоится, то он мне доверился.

Ломбарди тихонько засмеялся:

— Кажется, на свете очень много людей, которых он считает достойными доверия. Ему бы следовало выбирать более тщательно.

— Вот как? Вы так думаете? Он считал, что вы ему поможете, а вместо этого вы тихонько всё выяснили и оставили свои мысли и предположения при себе. А стражники продолжают искать труп в черте города, где, естественно, никогда его не найдут.

— Сегодня утром глава общины Вайлерсфельда был у советника и сообщил, что обнаружены труп и плащ артистического факультета. На этом можно считать дело закрытым. И, насколько я слышал, судье прислали письмо, в котором убийцами называют членов секты.

Софи смотрела на него очень внимательно. Он напряжен и старается держать себя в руках, по нему это заметно. Насколько можно быть откровенным? О чем нужно умолчать? Что известно студенту и почему он вмешался в это дело? Как этот осел Лаурьен додумался растрепать ему все?

— Вы хотели ему помочь? — спросила она.

— Что он тебе рассказал?

Ломбарди постучал пальцами по столу. Ему нужно знать, до какой степени посвящен в это дело Иосиф Генрих. Кажется, новый студент с интересом включился в игру.

— Что однажды он вместе с Домицианом был возле этих руин. Бедняга в отчаянии, он не знает, как поступить. Не только потому, что оказался свидетелем подобного безбожества, но и потому, что бесконечно беспокоится за своего друга.

Да, наивная душа, наверное подумал он. Две наивные души, нашедшие друг друга. Поэтому переходи в наступление, Зигер, расскажи ему все, что он хочет знать.

— Ты слышал про эти секты? Некоторые почитают дьявола, чтобы изгнать Бога, как другие люди — зиму. А еще есть такие, кто полагает, что Бога следует искать у себя между ног. Которые не признают ни грех, ни аскетизм, а сами творят себе образ, о котором я лучше ничего говорить не буду.

— И они убили Домициана? — тихим голосом спросила Софи.

— Вполне возможно, Иосиф. Как только он там появился и начал за ними следить, он уже был обречен. И если они его обнаружили...

— А почему вы молчали? Почему никому ничего не рассказали?

Ломбарди улыбнулся:

— Потому что обещал Лаурьену молчать. Было бы неразумно идти к судье и давать ему указания.

Нет, подумала Софи. Дело не в этом. Но в чем? Эта дьявольская улыбка. Он чувствует себя уверенно. Почему он заставил обыскать весь город, хотя давно знал, в каком именно месте убили пропавшего?

— Вы лжете, — только и сказала она.

— А с этого самого момента ты будешь заботиться только о своих собственных делах, — возразил он холодно. — Тебе понятно?

— Вы думаете, я бросаю вызов дьяволу?

Он засмеялся:

— Нет. Хотя даже Штайнер в данный момент думает, что дьявол наступает ему на

пятки. Но я не верю, что таковой существует в мире вещей. Он относится к миру образов, но мы не можем разобрать его на составляющие. Потому как никогда не видели его воочию, этого дьявола, да, мы даже не знаем, как он выглядит, так что он способен воплотиться лишь в нашем представлении, но это воплощение всего лишь образ, который мы ему приписываем. Следовательно, это наш собственный образ, а не образ дьявола. Тот, кто постоянно поминает дьявола, возможно, сам и есть дьявол, как ты думаешь?

— Credo quia absurdum? [\[42\]](#)

— Ты внимательно читал Тертуллиана. Касалл терпеть его не мог, так же, как и Оккама. Он постоянно восхвалял идею, а не вещь. Доказать существование дьявола таким людям проще, чем тем, кто верит только в существование вещей. У этих не слишком большой простор для фантазии. Собственно говоря, это очень убогая точка зрения.

— На которой вы, тем не менее, остановили свой выбор.

Ломбарди кивнул, подошел ближе, отодвинул книгу в сторону и сел на стол.

— Да, а что мне оставалось делать? У меня явная склонность ко всему убогому.

Он снова засмеялся. Он кичится своей бедностью. Несчастный магистр, который не стыдится своей нищеты, а наоборот — возводит ее в разряд добродетелей и считает неотъемлемой частью своей личности.

Он открыл ей дверь. «Да, я уйду, Ломбарди, — сказала себе Софи, — но я еще вернусь. Жаль, эту беседу я представляла себе несколько по-другому». Он красив. И умен. И даже если он не верит в дьявола, у него все равно есть что скрывать.

В одном из дальних помещений де Сверте разместил новую библиотеку схоляриума. Здесь в ряд лежали закрепленные на длинных цепях книги; их было немного, но всё же вполне достаточно, чтобы постичь азы знаний. Так что больше не нужно клянуть в других коллегиях и бурсах. Теперь они могут читать в своей собственной библиотеке. Аристотель был представлен «Метафизикой», «Физикой», «Этикой» и первыми тремя томами «Liber de causis»; рядом лежали посвященные геометрии «Элементы» Евклида, дальше — «О философском утешении» и «Арифметика» Боэция и «Теэтет» Платона. А также «Institutiones grammaticae» Вергилия и «Theoria planetarum». Тут уж благодетель не поскупился. Конечно, необходимо обзавестись еще кое-какими трудами, но приор и так был счастлив, несмотря на то что некоторые книги вовсе не вызывали у него восторга. Было общеизвестно, что де Сверте не разделяет современных течений, готовых отказаться от половины наследия Фомы Аквинского и усматривающих в традиционных философах закат Запада, но он не препятствовал развитию науки, которое все равно стало неукротимым, и старался делать хорошую мину при плохой игре. До него доходили слухи что факультет думает вернуться к старым методам преподавания и постепенно отказаться от *via moderni* [\[43\]](#). Так что ему оставалось только ждать лучших времен. И тогда он добьется, чтобы им выделили другое здание, потому что здесь ему не нравится. По улицам шляются чернь и девки, молитв не слышно, и напрасной оказывается любая попытка заставить совет обеспечить порядок и покой. Постоянно не хватает сторожей, которые обходили бы улицы днем и ночью.

Стражники занимаются нищими, ворами и убийцами. До его схоляриума очередь доходит только тогда, когда на других фронтах устанавливается прочный мир. Бурса Короны тоже страдает от дурных женщин и всякого сброда, но главным злом все равно остается публичный дом, потому что студенты из бурсы тоже гораздо больше интересуются шлюхами, чем книгами.

Открытие его новой библиотеки, на которое были приглашены все студенты и магистры, де Сверте велел ознаменовать вином и жареным мясом. Лаурьен попросил разрешения пригласить за стол своего нового друга Иосифа. Тот ел, пил и разглядывал книги. Около полуночи — на этот раз ворота должны были закрыть лишь в полночь — настроение поднялось настолько, что даже приор продемонстрировал признаки веселья: из его рта вырвалось счастливое икание, потому что он выпил слишком много вина и поспорил со Штайнером насчет диспута, что, правда, не было принято всерьез.

— Показать тебе схолариум? — прошептал Лаурьен своему другу Иосифу и схватил его за худенькую узкую руку, которую тут же выпустил, как будто обжегшись. Удивительно, подумал он, стоило ему посмотреть на шедшего рядом друга, и в голове снова мелькнул образ Софи. Когда он находится возле Иосифа Генриха, у него появляется какое-то непонятное чувство. Может, дело в росте, может, в походке. Его друг делает большие шаги, странно неловкие, как будто всю жизнь провел на ходулях Лаурьен показал ему помещения. Везде стоял ледяной холод. Топили только в рефекториуме, где как раз сейчас пировали. Сальная свеча, которую нес перед собой Лаурьен, давала слишком тусклый свет и отбрасывала мрачные тени. «Жить в схолариуме очень неудобно», — подумала Софи. Спальни с выставленными возле двери покрытыми ледяным налетом посудинами для нечистот, комнаты для занятий, даже библиотека — все показалось ей нежилым, темным и мрачным. Дом был старый и обветшавший: раньше здесь жили монахи, позже переехавшие в более приветливую часть города. Вдруг послышались громкие голоса. Кто-то закричал, дверь распахнулась, и влетели три студента.

— Вы уже знаете, что нашли Домициана? Он мертв! Его задушили! Поясом от сутаны...

Лаурьен побледнел. Софи ничего ему не рассказывала, она хотела выждать и посмотреть, что будет дальше, но сейчас ей стало больно за него, узнавшего о смерти друга таким вот образом. Он взглянул на нее своими мягкими карими глазами, она только кивнула.

— Да, я уже знал. Хотел рассказать тебе попозже. Мне так жаль...

Лаурьен опустил свечку. С его губ не сорвалось ни единого звука.

— Сегодня утром его труп перевезли в город, завтра похороны, — прошептал один из студентов.

— А его убийцы? — заикаясь, выговорил Лаурьен, его глаза зло заблестели.

— Убийцы? Про них мне ничего не известно. Говорят, его нашли в руинах возле Вайлерсфельда. Как его туда занесло?

Лаурьен отвернулся. Почувствовал, что на глаза навернулись слезы. Только бы не расплакаться, быть мужчиной. Вернуться в рефекториум и сделать вид, что понятия ни о чем не имеешь. Он ведь знает убийц, он их видел. Может вспомнить лицо этого священника. А что со студентом из коллегіума? Они наверняка ходили вместе. Ему всё известно. И Ломбарди тоже всё знает. Но он нем как могила. Почему?

Софи задумчиво смотрела ему вслед. С одной стороны, переживания из-за друга, с другой — имевшиеся в его распоряжении сведения. Как он поступит? Он не забыл про второго студента? Захочет ли с ним поговорить?

Она тоже вернулась назад. Он сидел на скамье и неотрывно смотрел в свой стакан.

— Ты собираешься поговорить со вторым студентом?

— Он тоже там был. Он знает, кто убийца. Наверное, ему удалось сбежать, а потом он трясся от страха и ждал, что его вот-вот обнаружат. Если они поняли, что он студент, то

обязательно придут, потому что где еще в Кёльне он может учиться? Или они уже где-то далеко?

— Не знаю, — спокойно сказала Софи и слегка сжала его руку. — Лаурьен, ты не можешь ничего сделать, не выдав себя. Пусть все идет своим чередом. Завтра похороны Домициана.

— Да, — прошипел он, — а убийцы разгуливают на свободе. Подыщут себе другое место и снова будут заниматься своими мерзостями...

Софи почувствовала чей-то взгляд — за ней наблюдают. Она повернула голову. В дверях стоял Ломбарди и оценивающе смотрел на Лаурьена.

— Ломбарди, — сказала она, встала и вышла из комнаты, в то время как Ломбарди сделал несколько шагов и подсел к Лаурьену.

— У нас тут маленькая симпатичная тайна. А господин scholar simplex наверняка хочет отомстить за смерть своего друга, я прав?

Эти слова укололи Лаурьена в самое сердце.

— А что в этом странного? — тихо спросил он. — Разве я не обязан сообщить все, что мне известно?

— Безусловно. Пойди и расскажи. Тогда тебя и того, второго, студента накажут, потому что вы не пришли раньше, а убийцы будут разгуливать на свободе. Или ты думаешь, что они так и сидят в Вайлерсфельде, дожидаясь, когда ими займется тюремщик?

Лаурьен взглянул Ломбарди в лицо. Он ненавидел его, ненавидел эту холодность, эти циничные голубые глаза и презирал самого себя, потому что доверился существу дьяволу.

— Не лучше ли промолчать? Пусть судьи сами делают свою работу. Они или выяснят что-то, или нет. Какое тебе дело?

— А если заговорит Маринус? С чего вы решили, что он будет молчать? И откуда ему знать, что молчать буду я? Мне нужно с ним встретиться.

— Вот и сходи к нему. А лучше давай это сделаю я. Я сам разберусь.

Ломбарди поднес стакан к губам и одним махом осушил его.

— Я к нему зайду.

Они прервали разговор, потому что к ним за стол сел вернувшийся из библиотеки студент.

Маринус жил в самой большой бурсе Кёльна. Лекции здесь тоже читали Штайнер и Теофил Иорданус, и дух царил тот же самый, что и в схолариуме. Но жили в бурсе только те, чьи родители имели достаточно денег, чтобы обеспечить своим сыновьям дополнительные удобства. К Маринусу Ломбарди подошел после диспута:

— Мне нужно с тобой поговорить, где-нибудь в тихом месте, чтоб нас никто не услышал.

У Маринуса появились смутные подозрения. Неужели Лаурьен его выдал? Ломбарди живет в том же схолариуме, значит, все сходится.

Из бурсы они отправились в сторону гавани. Зашли в собор, потом направились к часовне Святой Агнессы. Самое подходящее место для тайн. До них долетали тихие голоса других посетителей, торговцев и священников. Конструкция этой церкви такова, что каждый шаг, каждый звук поднимается вверх и превращается в вечное эхо, а потом вываливается как из рога изобилия, и все-таки здесь безбоязненно можно было обсудить любую тайну — как будто ты на коленях у Авраама...

— Мне и в голову не приходило кого-то выдавать, я совсем не собирался никому ни в чем признаваться, — заверил Маринус Ломбарди, глядя на святую Агнессу. — Отец забьет меня до смерти, если узнает, чем я занимался. Но этому Лаурьену следует заткнуть рот, если он уже успел поделиться своими сведениями с половиной города.

Затем Маринус рассыпался перед магистром в благодарностях за то, что он пытается предотвратить неприятности, и еще раз попросил позаботиться о том, чтобы Лаурьен, который, кстати, поклялся на Библии (еще один взгляд на святую Агнессу), наконец угомонился.

И только потом он, понизив голос пустился в признания:

— В тот вечер они нас заметили. Домициана сбили с ног, а я смог убежать. Больше ничего не знаю. Но я их видел, видел лицо убийцы. Нам все время казалось, что кто-то движется за нами в сторону руин. Мы постоянно оборачивались и наконец заметили вдалеке всадника. Но не доезжая до развалин, он исчез, и мы подумали, что это случайность, просто ему надо было в деревню. А может, он тоже был из секты. Из-за него мне стало как-то не по себе...

Ломбарди кивнул, молча пропустил студента вперед и задумчиво вышел следом.

Раньше у Лаурьена было другое представление о музыке. О звуках, о мягкой и светлой, глубокой или смешанной гармонии. Конечно, разговоров о гармонии было много, но с тех пор, как начались занятия музыкой, он ни разу не слышал ни одного музыкального звука. Вместо этого наизусть зубрил интервалы и Пифагорову музыкальную теорию. В этом не было ничего живого, иногда Лаурьену хотелось прямо посреди лекции сбежать в церковь, к настоящему пению. Когда он услышал хорал, ему полегчало. Словно отпали все муки и сомнения, и как будто кто-то посоветовал ему относиться ко всему проще. Зло может притаиться где угодно, но такова жизнь, и каждый строит ее на свой лад. Лаурьен знал, что у него это получается плохо. В грозу он ждал, что в его комнату вот-вот ударит молния, за любым брошенным в его сторону недовольным взглядом видел сверкание спрятанного под рубахой ножа, да и вообще всегда предполагал самое плохое. Именно по этой причине он всегда восхищался Домицианом, который вел себя противоположным образом: в любой ситуации старался найти хорошее, а позлиться еще будут поводы. Лаурьену было полезно иметь рядом человека, который относился к жизни так легко. Но теперь у него появился друг, фатально на него похожий. Наблюдая за ним, Лаурьен отчетливо понял, каков он сам. Меланхоличен и пессимистичен, как безрадостный осенний день, тяжелый от туч. Иосиф редко смеялся, а если и смеялся, то казалось, что при этом он нарушает данный кому-то обет. Он не слишком разговорчив, хотя и хорошо образован. На многие вопросы, которые задавал ему Лаурьен, он всегда имел наготове ответ, как будто дома у него столько же книг, сколько у других людей яблок. Стоит только протянуть руку — и вот они, книги. Еще ни разу он не пригласил Лаурьена к себе, казалось, такая мысль даже не приходит ему в голову. Может быть, он стыдится своего жилища? Вообще-то в этом есть резон. На Шпильмансгассе живут только те, кто не может позволить себе что-нибудь получше, в основном слуги, нищие и погонщики скота из Польши. Если он никогда не приглашает своего нового друга к себе, значит, есть какие-то причины, думал Лаурьен. А ведь Иосиф живет совсем недалеко от схолариума.

Штайнер еще раз встретился с судебным медикусом: он хотел узнать, какие именно

повреждения были нанесены убитому студенту.

Проводивший вскрытие медикус считал, что его задушили поясом от сутаны, но были еще некоторые детали, о которых он уже сообщил судье.

— У покойника на голове свежая ушибленная рана, видимо сначала его ударили. А еще я обнаружил гематому...

— ...которая, тем не менее, не явилась причиной смерти, — прервал его Штайнер, и медикус кивнул.

— Точно. Сначала студента ударом сбили с ног, а потом уже задушили. Возможно, чтобы он перестал сопротивляться.

Штайнер кивнул, поблагодарил и, задумавшись, вышел. Во время преступления там был свидетель, потом он послал судье анонимное письмо, в котором назвал убийцами сектантов. Но почему он решил остаться неизвестным? Почему не назвал своего имени? А еще Штайнера беспокоило, что он потерял своего единственного подозреваемого. Если Домициан фон Земпер убил Касалла, то сектанты отправили его прямиком в ад. В этом случае убийце магистра удалось уйти от карающей десницы правосудия и одновременно предстать перед очами судии небесного. «Тем лучше, — подумал Штайнер, — тогда наша задача выполнена. А что, если это просто плод моего воображения и Домициан никакой не убийца?»

Похолодало. Приходилось тратить все, что удалось скопить летом. Для печей требовались дрова, хотя топили очень мало. Если температура не падала ниже нуля, студентам приходилось довольствоваться толстыми плащами. Огонь в камине горел только в тех помещениях, где ели и читали.

Домициана похоронили. У его могилы собрались родители, магистры и студенты. Иосиф Генрих тоже пришел. Плащ у него был слишком тонкий и пропускал ледяной ветер, гуляющий меж кладбищенских стен. С соседней могилы на опускающийся в землю гроб пустыми глазами смотрел мраморный ангел. Факультет заказал заупокойную мессу и роздал беднякам хлеб.

Рядом с Софи стоял Лаурьен. Он опустил голову. Его печалила утрата друга и не давали покоя воспоминания о той ночи у цистерцианской церкви. Когда он смотрел на нее, ее охватывало смутное ощущение, что рядом притаилась опасность, угрожающая ей самой. Время от времени он пристально вглядывался в нее, словно пытаясь добраться до самых глубин ее души. Как будто его постоянно мучила какая-то мысль. Он никогда ничего не говорил, но ей казалось, что она знает, в чем дело, и от этого ей становилось страшно. А что, если его смущает сходство между Иосифом Генрихом и Софи Касалл? Не возникло ли у него подозрений?

Лаурьен поднял голову, и она увидела блестевшие в его глазах слезы. Она незаметно нашла его руку и почувствовала, как он вздрогнул, стоило ей к нему прикоснуться.

Среди собравшихся у могилы был и один из судей. Он держался чуть в стороне, чтобы было удобнее наблюдать. Вот все они стоят и оплакивают бедного студента. На этом факультете явно творятся странные дела. Сначала мертвый магистр перед домом своего коллеги, а теперь задушили студента. Конечно, все это может оказаться лишь совпадением и одно вовсе не связано с другим. Но что, если между этими преступлениями все-таки существует связь, которую они просто не замечают? Судье не очень нравился факультет. Студенты скандалят, вступают в драки и вообще ведут себя как хозяева города. А магистры

расхаживают, держа под мышкой свои толстые фолианты, и мнут себя неизвестно кем.

Почему задушили студента? *Delictum sexuelle*? [44] Во что он впутался? С кем связался?

Судья смотрел, как они покидают кладбище. Стая черных воронов. На одной из городских церквей тяжело ударил колокол. Они склонили головы, как будто кто-то занес над их шеями меч. Один отстал. Штайнер. Оглянулся и, заметив судью, подошел. Теперь они вместе смотрели на участников похорон.

— Вы видите какую-нибудь связь?

— Между двумя смертями — магистра и студента?

— Да. Или это случайность?

— Вы верите в случайности?

— Возможно. Но совсем не важно, во что я верю. Что понадобилось студенту в Вайлерсфельде? Мы беседовали с местными жителями, его никто не знает. Никто никогда его там не видел. Так что же он там делал? Некий мальчишка передал мне неподписанное письмо, где сказано, что убийцы входят в секту братьев свободной жизни. Анонимная подсказка, на которую мы попытались опереться, но до сих пор она никуда нас так и не привела. Может быть, сектанты собирались в руинах, но теперь уж, конечно, их след давно простыл.

Штайнер кивнул. Какое отношение Домициан фон Земпер мог иметь к этой секте? Просто в голове не укладывается. Кроме того, нельзя забывать про загадку как получается, что голубка убивает коршуна?

— А вы разобрались со второй загадкой?

— Нет. Речь там идет про голубку, которая убивает коршуна. Что это может быть?

Теперь они проходили через кладбищенские ворота. Молча и все еще с опущенными головами.

— Он, конечно, мастер загадок, но напрашивается самое простое решение: голубка — это убийца, а коршун — ее жертва, — медленно произнес судья. — Хотя в таком случае все перевернуто с ног на голову, потому что в природе всё наоборот. Коршун — это весьма редкий хищник, я видел одного, когда ездил в Альпы. Он питается падалью...

Штайнер молчал. Пожиратель падали. Не указание ли это на жертву? Любитель загадок считает свою жертву пожирателем падали? Низменным существом, которое существует исключительно за счет мертвечины? За счет чужой смерти?

Штайнер заметил герб фон Земперов, который украшал дверцу подъехавшей кареты. На гербе был зверь, которого он не смог разглядеть. То ли ласка, то ли куница. Или даже горноста́й — цвет издали не разобрать. Карета удалялась. Штайнер отвернулся.

Вечер Ломбарди провел в пивной. Трое студентов составили ему компанию, но вернулись в схолариум раньше. Так что теперь он брел по темным переулкам совершенно один. Вдоль старой ограды, скрывающей сады и луга со стороны Берлиха, он пошел быстрее. Вокруг ни души. У одного из домов спал нищий. Кошка проскользнула по мостовой и перепрыгнула через забор. Луна была полной, небо — ясным. Появившаяся из-за двери тень прокралась вперед и твердой рукой схватила Ломбарди за плечи. Жест, заставивший магистра упасть на колени, хотя он изо всех отбивался и старался высвободиться.

— Не дергайся, а то тебе конец, — проговорил чей-то голос ему прямо в ухо.

А потом он снова почувствовал сильные руки, которые затащили его в дом. Дверь захлопнулась, появился тусклый свет, позволяющий разглядеть лестницу. Ломбарди

попытался развернуться, но получил удар в спину и полетел по лестнице вниз. Десять-двенадцать ступеней, а потом снова тусклый свет, на этот раз в подвале. Только холодные голые стены и четыре глаза, наблюдающие за медленно поднимающимся магистром. Люди сидели за столом, перед ними хлеб и вино, один из них, Найдхард, улыбался. Он был в своей серой сутане, которую так до сих пор и не снял. Ломбарди подошел ближе.

— Что еще тебе понадобилось здесь, в Пещере Льва? Хочешь поболтаться на виселице?

— Как раз наоборот. Я здесь, чтобы предотвратить несчастье.

Ломбарди осмотрелся. Видимо, они находятся в римских катакомбах, некоторые из них до сих пор сохранились. Здесь он может кричать сколько хочет, его все равно никто не услышит. Если они бросят его тут, он умрет от голода и жажды, и никому в голову не придет искать его в этой холодной дыре.

— Да, — ухмыльнулся Найдхард, — прошлое, оно как отвергнутая любовница, которую никак не удается забыть. Вы должны были мне сказать, что являетесь магистром этого факультета. Сбежавший мальчишка, наверное, ваш студент.

Ломбарди молчал. Только не раскрывать рта, только ничего не говорить. Узнать, что им нужно.

— Те двое, о которых вы нам рассказали, не были крестьянскими мальчишками. Это были студенты. И одному удалось от нас сбежать. А теперь он где-нибудь у себя в бурсе трезвонит направо и налево о том, что мы убили его приятеля.

— Откуда вам известно, что я на факультете?

— О, это было совсем нетрудно. Вы ведь и в то время уже были студентом. Мы за ним приглядывали, за факультетом. А вы там ходите туда-сюда. Но вернемся к студенту. Вы его знаете?

— Нет.

Найдхард кивнул:

— Вам придется выяснить, кто он такой.

— Чтобы вы и его тоже убили?

Теперь его собеседник резко вскочил со скамейки:

— Значит, он болтает, что это мы убили студента?

— Нет, он ни о чем не болтает. Судье пришло анонимное письмо, но его наверняка написал не студент. И не думаете ли вы, что я поверю клятвам насчет вашей невинности?

— Тогда оставим это. Я хочу знать, как обстоит дело со студентом. Ему лет девятнадцать, у него рыжеватые волосы, он довольно высокий и со шрамом на шее, как будто от удара мечом. Определить, кто он, вам не составит большого труда.

Ломбарди замер. Это и на самом деле отвергнутая любовница, которая теперь явилась и жаждет мести. Ошибка молодости, совершенная неопытным и беззаботным человеком, преследует его и предъявляет счет. И счет этот он не сможет оплатить ничем, кроме карьеры, которую, как ему представлялось, он еще сделает. Если выполнить их требования, то Маринус больше не жилец. Они боятся, что он заговорит, ведь он запомнил их лица. Ломбарди им не поверил бы, даже если бы они сто раз поклялись, что не убивали студента. Но если он откажется его назвать, что тогда?

— Да, тщательно взвесьте свое решение, господин магистр. Мы никого не предаем, это вы знаете, но у нас есть способы и средства разрушить вашу карьеру, не отсылая вас на костер.

Первое правило, оно ему известно. Каждый, побывавший у них хоть раз, одной ногой

уже попал на костер. Они держат в руках любого, кто хоть раз забрел к ним, даже по ошибке, потому что для правосудия и церкви они есть порождение сатаны.

— Прекрасная дилемма, — сладко улыбнулся Найдхард. — Отпускаю вас с миром. Однажды наш человек заговорит с вами и потребует нужную информацию. До скорого свидания, господин магистр, берегите себя!

Ломбарди поднялся по лестнице. Дверь наверху была открыта, и он вышел на улицу. До схолариума оставалось несколько минут ходьбы по Шмирштрассе, в сторону Катценбаха. Башмаки тонули в грязи. Шаги глухо отскакивали от мостовой. Нет смысла делать вид, что никогда не было такой главы в книге его жизни.

Он позвонил. Де Сверте еще не спал и впустил его. Ломбарди попросил кружку вина и скрылся в своей комнате. Окно было открыто, луна светила прямо на кровать. Узкая полоска молочного света, которая постепенно продвигалась дальше, пока он, Ломбарди, стоял у окна, опустошая кружку. Наступило время подвести итоги. Сейчас он барахтается в паутине своей вины и вот-вот застрянет в ней окончательно. С одним из них он познакомился в восемнадцать лет. В возрасте Домициана или Маринуса. На год старше Лаурьена. Но Лаурьен, который, видимо, до сих пор верит в невинность и чистоту, испытал отвращение, его нежная душа почувствовала грязь. Бедная его душа! Домициан был совсем другим, да и Маринус явно тоже. Но они просто тайно подглядывали, а Ломбарди не смог противиться возбуждению, оказавшемуся для него фатальным. В то время он был студентом в Праге. Они выдавали себя за труппу актеров, выступающих на ярмарке, демонстрируя акробатические номера. Он собирал для них деньги, потому что хотел немножко заработать. Только позже ему стало ясно, что речь идет о секте, отколовшейся от беггардов, потому что такая ересь казалась им слишком невинной, — они проповедовали не только свободную любовь, но и гораздо более мерзкие вещи. Беггардов преследовали: сжигали или вручали их судьбу Рейну. Один из главарей был казнен в Кёльне, к большому удовольствию архиепископа, стремившегося искоренить беггардов и тех, кто был им близок. Чтобы наконец очистить город, было проведено несколько процессов, но, видимо, их оказалось недостаточно. Когда-то беггардов отличали апостольская бедность (в этом они были близки к орденам нищенствующих монахов) и отшельничество, теперь они превратились в свою противоположность, по крайней мере что касается тех людей, в руки к которым он попал. Они предавались самым мерзким непотребствам.

Ломбарди закрыл окно и, не раздеваясь, лег на кровать. Тогда сплотившаяся вокруг Найдхарда компания взяла его с собой в склеп, а он еще удивлялся, что тут можно праздновать. Они соблюдали осторожность, поскольку знали, что за ними по пятам следует не только церковь, но и их собственные братья, не одобряющие этих занятий. В том склепе он впервые увидел так называемую *amori liber* ^[45], и, мечась между отвращением и возбуждением, вынужден был поклясться на Новом Завете, что будет молчать. Одна клятва потянула за собой другую, а первый испуг превратился в пожизненный страх: вдруг его имя когда-нибудь всплывет в связи с ними. Но самым ужасным было не это. При следующей встрече они настолько накачали его дешевым вином, что рухнули все его устои и он тоже совокуплялся с какой-то женщиной. Неужели человек может оставаться трезвым, если все вокруг пьют и получают удовольствие? Если все пошло на карнавал, как усидеть дома, сверля стены грустным взглядом? Прекрасно сознавая, что попал в еретическую секту и что единственной возможностью выбраться из нее является бегство, он, наоборот, постепенно втягивался в порочный круг. Он впервые увидел обнаженных женщин, освещенных

факелами. Для них это непотребство было благороднейшей религией, в их головах поселилась абсурдная смесь, секс они воспринимали как ступень к вечной жизни и спаривались подобно животным. Их теория не вызывала у него интереса. Его не волновали их байки о мистике и Боге. Он никоим образом не связывал все это с Богом, для него имели значение только женщины, с которыми он мог совокупляться. Какое ему было дело до их теологических изысков — похоти они ни к чему. Он был молод, и его любили женщины — вот и всё. Он до сих пор еще чувствовал на своем теле их руки, но сегодня ему казалось, что они оставили на нем холодные ожоги.

Клятву он принес как бы между прочим, хотя уже в то время была у него мысль, что эта история может разрушить всю его дальнейшую жизнь, если только его имя хоть раз будет произнесено рядом с их именами, потому что репутация магистра должна быть чистой, а не запятнанной мерзостью мистической секты. Он ходил к ним чуть ли не целый семестр, пока не осознал серьезность положения. Тогда он немедленно сменил город. Переехал в Париж. Там стал бакалавром, потом магистром. Отправился в Эрфурт, потом в Кёльн. Он частенько менял города, никогда нигде не задерживался надолго, только чтобы они его не нашли. А здесь он что-то подзадержался. Пора уезжать. Как можно скорее. И нужно поговорить с Маринусом. Тому тоже следует исчезнуть. Лучше всего было бы, если бы Кёльн покинули они, но, похоже, они тут прочно обустроились. Смотрят на него, как змеи на кролика. Или тоже думают, что Пещера Льва более надежное место, чем за городом, кто знает... И пока они не проповедуют в открытую, их никто не тронет, потому что никто не подозревает об их существовании.

Ломбарди закрыл глаза. *Facies ad faciem* ^[46] — нужно донести на них и самому попасть в ад или же не раскрывать рта и организовать встречу Маринуса и вооруженной косой старухи.

Только через несколько недель, когда уже наступила зима, начались лекции об учении знаменитого сына этого города, Дунса Скота, прозванного *doctor subtilis* [48], — как будто для начала студентам предоставили отдых: пока светило солнце, наиболее подходящим философом был для них Аристотель. А зимнюю пилюлю им подсластили с помощью *doctor subtilis*. После него ничто уже не воспринималось так, как раньше. После него путь к номинализму оказывался совсем коротким.

Штайнер считался одним из специалистов по Дунсу Скоту, говорили, что он знает его чуть ли не наизусть. Якобы его можно разбудить ночью и попросить процитировать любую главу — он сделает это, не помедлив ни секунды. Складу характера Штайнера очень соответствовала необходимость прежде всего думать о *чтои как*. Как будто некто захотел поймать птицу, но до дела не дошло, потому что он так долго размышлял о смысле и бессмысленности охоты, что птица давно исчезла, и эта самая охота смысл утратила, даже если он когда-то и был.

Так же и Господь Бог отворачивается от церкви, если она опускается до споров относительно методы, которая должна явиться основой для доказательства Его бытия. Штайнер постоянно искал путь, а не цель. Тем более, что цель задана заранее, а путей много. Иногда во время лекций он и сам проникался благоговением, снова и снова поражаясь четкости мыслей Скота. Да, это действительно и правильно, истинно и достоверно. Если хочешь осознать Бога, выйди из круга. Сначала проверь, на каком пути будешь его искать. Есть узкие каменистые тропы, мощные улицы, широкие дороги, торговые пути. Одни ведут на запад, другие на восток. Одними пользуются часто, другими редко. По этим ездят купцы, по тем бредут нищие. А если ты хочешь попасть в Рим, то туда ведут все дороги. Возможно. Но, двигаясь по одной, ты потратишь год, по другой — всего четыре месяца, хотя отправляешься в путь с одного и того же места.

Иногда он увлекался настолько, что использовал даже поэтические образы. Конечно, этого нет в правилах, но какая разница. Тот, кто хочет доказать бытие Бога, не должен быть мелочным. В принципе у Скота выходило то же самое, что и у Фомы, и все-таки его мир был другим, потому что правильные ответы получает тот, кто задает правильные вопросы.

Решение зависит от расстояния до объекта, и это касается не только философии. Капля в море, дерево в лесу, овца на пастбище — чтобы их осознать, нужно отойти подальше. Покинуть воду, лес, отару.

В помещении царил ледяной холод. На улице начался снегопад. Вокруг коллегиума закрутилась настоящая снежная буря. Вечер еще не наступил, но потемнело настолько, что Штайнер едва мог разобрать буквы. Поэтому он закрыл книгу и начал цитировать по памяти. Студенты смотрели на его быстро двигавшиеся губы, в его живые серые глаза.

— Существуют люди, — неожиданно сказал он, — которые критикуют метод схоластов, пытающихся разложить все на составные части. А ведь этот способ придумали не мы, а греческие философы. Мы его не изобрели, но он мог бы быть изобретен и нами. Вопрос относительно справедливости подобной критики мы с вами оставим за скобками, потому что Дунс Скот лишил ее паруса ветра. Тот, кто не отвлекается на симптом, а сразу сосредотачивается на значении, тот находится на правильном пути. — Он улыбнулся. — Врач тоже зависим от отражения [49]. Конечно, у него есть книги, есть болезни, которые он

диагностирует, опираясь на те или иные симптомы, но следует задаться вопросом, насколько projectus он сам, насколько он подчиняет больному свои собственные отражения. А разве мы с вами занимаемся не тем же самым? Спрашиваем мы себя о собственной точке зрения, о том, как она сформировалась и как мы можем ее изменить? Да и убийца тоже становится жертвой подобного раздвоения.

Он замолчал и направил свой острый взгляд на студентов, которые прекратили писать и вопросительно подняли головы. По их лицам прекрасно читалось, о чем они думают. С чего вдруг магистр перешел на убийцу? И вообще, на какого убийцу? На совершенно конкретного или он имеет в виду убийцу вообще?

Штайнер задумчиво покачал головой:

— Я имею в виду убийцу Касалла. Он загадал мне загадку, точнее говоря две. Первую я решил, но оказалось, что это не имело смысла, потому что уже на следующий день ко мне пришел свидетель, который дал необходимый ответ. А вот вторая загадка не разгадана. А я даже не уверен, есть ли у меня желание над ней задуматься. Велика степень вероятности, что мы имеем дело с преступником, который находится на факультете. Возможно, он студент. Возможно, сейчас он сидит в этой комнате и слушает меня. И если так, то пусть он внимательно отнесется к моим словам.

От ужаса они выронили перья. Зашуршала бумага, все выпрямились. Некоторые, видимо, занервничали, другим стало просто интересно. «Если это сделал не Домициан, а другой студент, вон как их много, — предположил Штайнер, — то убийца не обнаружит себя даже здесь. Совсем наоборот, он воспримет мою речь как научный диспут, как своеобразный турнир, где всё по-честному».

— Давайте устроим дискуссию по этой загадке. Пусть сейчас я отступаю от правил, но все равно давайте поговорим о том, как получается, что голубка убивает коршуна. Что вы об этом думаете?

Он заговорит? Будет задавать вопросы? Или так и просидит молча, слушая других? Можно ли будет по его лицу увидеть, о чем он думает? Ведь он тоже зависим от отражения, как Нарцисс от изображения на воде.

За окном стало сереть, снег не прекращался. Толстые снежинки плотным слоем закрыли карниз.

— Итак?

Штайнер внимательно наблюдал за выражением их глаз, за их позами. Бакалавр откинулся на скамье и ждал, что же будет. Они сидели перед Штайнером, как овцы перед злым волком. В этот момент открылась дверь и вошел Ломбарди — занятие закончилось, но Штайнер не собирался покидать поле битвы. Он кивнул Ломбарди, и тот встал у скамейки бакалавра, с любопытством посматривая на студентов. Наконец один из них прервал молчание.

— Мне кажется, что речь здесь идет о символике коршуна и голубки. Он, я имею в виду преступника, что, считает себя мирной голубкой? И вы тоже так думаете?

Штайнер спиной почувствовал взгляд Ломбарди. Как он отнесется к дискуссии? Да еще и по такому поводу?

— Нет, — ответил Штайнер, — я так не думаю. Скорее я думаю, что мы должны искать где-то в другом направлении. Что нам следует изучить ход его мыслей. Давайте абстрагируемся, так же, как это делает Скот. И пойдем дальше. Наверное, он не имеет в виду ни качества голубки, ни особенности коршуна, хотя мы это предполагаем, потому что нам

это близко. Звери — прекрасные объекты для наших собственных отражений. Чего мы только им не приписываем: все свои слабости и пороки, все радости и желания. Они как зеркальная поверхность озера. Так что я предлагаю поискать другую точку зрения.

Теперь он повернул голову. По красивому лицу Ломбарди все еще блуждала веселая улыбка. Похоже, идея Штайнера ему понравилась, потому что он и сам никогда особенно строго не придерживался правил.

— Ну, магистр Ломбарди, а вам ничего не приходит в голову по поводу этой весьма показательной загадки?

— Конечно, приходит. Вы ищете другую точку зрения? Тогда я вам скажу, что голубка никогда не убивает коршуна. Именно поэтому покойный тоже не был лишен жизни голубкой.

Штайнер наморщил лоб:

— Он не был убит?

— Нет. По крайней мере, не был убит голубкой. Это абсолютно невозможно.

— То есть вы намекаете, что речь идет о чем-то совершенно невозможном?

— Невозможном — да, но в смысле доказательств ничего невозможного не бывает. Нам следует разобраться, в каком случае это могло бы стать возможным. Наверное, именно это и хочет сказать нам преступник. Для этого он и сочиняет свои загадки.

— Невозможное преступление.

— Точно. И все-таки оно произошло.

— Совершенное преступление, — пробормотал Штайнер.

Ломбарди покачал головой:

— Совершенного преступления не бывает. Хотя мы можем вспомнить другое значение слова *perfectum* ^[50]. Это конструкция, она существует только в нашем представлении. Все, кто говорит о совершенном преступлении — а таких людей много, — переносят на реальную действительность голую идею. Это возможно, но требует правильного угла обзора. Следовательно, вопрос должен звучать так: что невозможно настолько, что не может существовать вообще?

Все молчали. О манере Ломбарди приводить доказательства ходили легенды, ни у кого не было столь острого ума, как у него. Даже Штайнер готов был аплодировать своему младшему коллеге.

— Да, так что же? — спросил он.

Ломбарди улыбнулся:

— Сделайте несколько предположений, которые практически невысказаны, — обратился он к студентам, которые начали перешептываться.

— Ангел, — сказал один из них, — ангел-убийца.

Ломбарди кивнул:

— *Exemplum velut* ^[51].

— Касалла убила звезда?! — закричал следующий.

А третий считал, что трудно себе представить, будто пришел верблюд и ударил Касалла своим тяжелым копытом, а также невысказано, чтобы Касалл совершил самоубийство, потому что не стукнул же он сам себя горшком по черепу. Маловероятно и то, что от дерева отломился сук, а внизу совершенно случайно проходил Касалл, который потом еще и дотащил собственный труп до колодца.

Так продолжалось довольно долго. Студенты соревновались в выдвижении самых

абсурдных идей и слишком поздно заметили, что Ломбарди расставил им ловушку, а тот вдруг громко рассмеялся и поздравил их с наличием буйной фантазии.

— Мы не должны оставлять без внимания тот факт, что такое событие, тем не менее, оказалось возможным, поскольку Касалла, пусть и не известным нам образом, но настигла смерть. Так что оставим ангелов и звезды, а также верблюдов, которые явно не носятся по Кёльну как угорелые.

Штайнер закончил лекцию, бакалавр уже давно бросал на него ядовитые взгляды, потому что являлся убежденным почитателем правил. Наверняка он размышляет, не стоит ли созвать дисциплинарную комиссию и добиться того, чтобы Штайнер наконец прекратил использовать лекции для своих загадочных расследований.

Туман печали надомной наконец рассеялся, я вкусил вид неба, восстановил свою память и попытался разглядеть лицо моей сиделки. Когда я обратил на нее свой взор, я снова увидел свою кормилицу, очага которой пребывал с юности, кормилицу эту зовут Философия. «Как, — промолвил я, — ты навестила меня в моей одинокой ссылке, ты, образец всех добродетелей, спустилась вниз со своего пьедестала? Или же и на тебя пало обвинение, неужели тебя тоже преследуют ложные наветы?»

Ослепленный снегом, густая пелена которого, казалось, накрыла весь город, Ломбарди с закрытыми глазами слушал смех детей, катавшихся на коньках на соседнем пруду. И его меланхолия рассеялась как туман. Как получается, что философия может стать утешительницей даже в самые ужасные часы? Не Бог ли это? Или его помощник? Друг возлюбленная? Никогда еще Боэций не был ему ближе, чем сейчас, когда предстояло принять решение. Он брел по белому зимнему городу, и на сердце у него вдруг стало так легко, что он готов был смеяться вместе с детишками, резвившимися на пруду. Что могут сделать ему все еретики, все братья свободной жизни, если сам он свободен? Свободен, потому что обладает самой прекрасной и мудрой из всех возлюбленных. *Philosophia*. Сенека, Цицерон, Боэций — жизнь бросила их в темницу, но они все равно оставались свободными.

Женщины к нему благоволят, а его улыбка способна растопить самые огромные ледяные глыбы. Будь свободен в своем выборе, хочешь — рассматривай всё со всех сторон или не смотри вообще ни на что. *Omnes fluit* ^[52] — зачем принимать какие-то решения? Лучше всё бросить. Попробовать попасть в Хайдельберг, там уже несколько лет назад разогнали всех традиционалистов; им постоянно нужны хорошие люди, особенно номиналисты, стремящиеся перевернуть мир. Которые понимают, что любой вопрос уже был задан, любая мысль — помыслена и что каждая конструкция давно приняла свою форму. Они отделили веру от науки и знают, что сулит будущее. Зачем он здесь, где не меняется ничего, только бороды растут и белеют? На углу стоял старик. Его одежда состояла из одних лохмотьев, и видимо, он ужасно замерз. В глубоких глазницах сверкал усталый взгляд. Старик протянул руку:

— Помогите, чем можете, господин.

Ломбарди полез в карман.

— И информацией о студенте, господин.

Ломбарди положил монету обратно.

— Тебе следовало бы прочитать трактат Аристотеля о времени, тогда бы ты знал, что пока еще я не могу тебе ничего сообщить. Так что возвращайся в свой подвал и приходи

завтра.

Старик с покорным видом кивнул. Аристотеля он не знал и даже читать не умел.

Обеспокоенный Ломбарди пошел дальше. За ним следят. Теперь уже они не спустят с него глаз. А ведь они способны на всё. Он побрел вниз, к гавани, где люди гуляли по замерзшей реке. Лед был толстый, и здесь тоже дети катались на коньках. С неба лениво светило солнце. У таможенной будки толпились люди. И тут он их заметил: Софи вышла погулять вместе с пышнотелыми сестрами, с матерью и отчимом. Тот не переставал стенать, что от яркого солнца у него болят глаза. Ломбарди подошел. Приветствие получилось скованным, старик захотел выяснить, кто он такой. Софи представила Ломбарди.

— Это коллега Касалла. Знаменитый магистр.

Ломбарди улыбнулся ей:

— Вам удалось найти работу?

— Да, я получила должность переписчицы в монастыре Святой Клариссы.

Старик принялся ворчать. Он хочет домой. Если ему даже летом приходится жечь в камине дрова, то зимой остается только лежать в постели, спасаясь от холода. А магистр был ему несимпатичен. Он терпеть не мог магистров. Сплошь надутые каплуны — подумаешь, читают книжонки. Никчемное занятие. Он развернулся, чтобы уйти, остальные пристроились сзади, переваливаясь с боку на бок, словно гусыни. Софи осталась.

— Так кто же это был, господин магистр? Ангел или звезда?

Ломбарди вздрогнул. А она-то откуда знает? Кто разносит по городу слухи?

— Ни те ни другие. А откуда вы знаете?

— О, люди весьма разговорчивы...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Старик обернулся. Почему эта баба не торопится? Софи сделала ему знак, чтобы ее не ждали. Он, бурча, пошел дальше.

На берегу продавали сдобренными горячее вино.

— Хотите стаканчик? — спросил Ломбарди.

У вина был привкус корицы. Пар изо рта уплывал по морозному воздуху.

— Работа доставляет вам удовольствие? — поинтересовался Ломбарди.

Софи просияла. О да, она доставляет ей удовольствие. Ей доставляет огромную радость слушать его лекции, рассматривать его прекрасное лицо, внимать его голосу, следовать за его мыслью.

Они шли вдоль берега. Высоко поднявшееся солнце слепило глаза.

— Мне бы хотелось, чтобы вы хоть немножко рассказали о своих делах, — тихонько проговорила Софи.

— Я уеду из города.

Она остановилась.

— Уедете? Но почему?

— Потому что мне хочется попасть на другой факультет, где уже не преподают реалисты. Тогда мне не придется заниматься всяким старьем.

Она молчала. Он ей нравился. От мысли о его отъезде ей стало грустно. Только теперь она поняла, что ее чувство к нему гораздо сильнее, чем просто симпатия. Даже сильнее, чем в тот раз, когда она пыталась его соблазнить. С ним она охотно поделила бы свою жизнь.

Он взглянул на нее. Что означает ее молчание? Она держала в ладонях стакан с пряным вином и смотрела на красную жидкость.

— Жаль, — пробормотала она.

Он протянул руку и легко коснулся ее щеки. Она не предназначена для него, она чиста и невинна, даже если Касалл и обращался с ней не слишком мягко.

— Да, жаль, — откликнулся он.

Они допили вино и пошли дальше. А потом он рассказывал ей про Оккама, удивляясь глубине ее знаний. Она взяла его под руку и как бы между прочим спросила, нет ли возможности женщине слушать лекции на факультете.

— Да разве это позволительно для женщины? — спросил он удивленно.

— А если бы она считала, что это позволительно?

— Тогда почему бы и нет? — Он весело заглянул ей в лицо. — Я слышал про пару случаев, когда женщины посещали факультет, хотя это все-таки исключение. Представьте себе, как испугаются священники, если еще и женщины начнут выдвигать тезисы. *Incredibilis* [53]. Они ненавидят женщин, в их жилах все еще живет страх перед прошлым.

— Вы плохой христианин, — с улыбкой проговорила Софи, и он кивнул.

— Да, я магистр, а не священник Я ищу Бога другим способом.

— А если я все-таки попробую?

— У вас столько денег, что вы можете оплатить свою учебу? Как-то вы мне рассказывали, что Касалл оставил вам одни долги.

Софи испугалась. Невнимательность приведет ее прямо к судье, потому что имеющиеся у нее деньги украдены. А если в один прекрасный день действительно придется сбросить маску, что тогда? Ей безумно захотелось поделиться с ним своими проблемами. Что он сделает? Донесет? Ей необходимо увидеть его лицо, посмотреть на его реакцию. Может быть, она увидит восхищение? А вдруг ужас?

— Вы полагаете, что женщины глупы?

Нужно подавить свой непонятный порыв, грозящий выйти за пределы разумного.

— Нет, с чего бы мне так полагать. Просто все дело в том, что ни одному отцу не пришло в голову отправить своих дочерей учиться.

Софи, остановившись, начала рисовать носком башмака круги на снегу. А потом наклонилась, слепила маленький снежок и бросила его на лед.

— Мне холодно, — пробормотала она.

Назад они шли молча. Он проводил ее почти до самого дома. Когда они остановились, Софи спросила:

— Когда вы покидаете наш город?

— Чем скорее, тем лучше.

Они посмотрели друг на друга. Вокруг было слишком много людей, отчиму немедленно донесут о любой фамильярности. Женщина на углу, соседка, играющие посреди улицы дети. Места для нежностей не было, а слова — это слишком мало.

— Мне бы очень хотелось встретиться с вами снова, — пробормотал он. — Вы можете в любое время навестить меня в схолариуме. Если начнутся пересуды, можно сказать, что вы принесли мне еще одну книгу Касалла.

Она кивнула и улыбнулась. А потом развернулась и быстро побежала к дому матери.

У одной из дверей, стараясь держаться незаметно, стоял закутанный в лохмотья старик. Его усталый взгляд вдруг стал пронзительным, как у коршуна, почувствовавшего запах падали. Значит, у этой хладнокровной собаки в городе есть любовница. Кто бы мог подумать!

За час до этого родственники Софи вернулись в дом, где их поджидали трое сыновей старика от первого брака. Детки тоже были сапожниками, но, в отличие от отца-мастера, окрыленного собственной жадностью, получились глупыми и ленивыми. Зачем надрываться, если в чулке у старика и так достаточно денег? Загвоздка была только в том, что старикашка не хотел делиться и скорее заставил бы их сдохнуть с голоду, чем подарил хотя бы один альб [54]. Заметив, что лень и глупость в очередной раз довели их до ручки, он давал им кое-какую мелочь, но только под проценты, не меньшие, чем у ростовщиков. В результате их ненависть к отцу выросла настолько, что они толкали ее перед собой подобно огромной тяжелой глыбе и мечтали только о мести. Укокошить старикашку нельзя, хотя это наверняка было бы самым простым решением. Но если они попадутся, то из-за этого скупердя тут же окажутся в яме, а даже их наивность не доходила до того, чтобы рассматривать такой исход дела как наиболее удачный. Так что раз в полгода они заявлялись к папаше с причитаниями о том, как мало он о них думает, а ведь они все-таки его любимые сыночки. Когда он женился второй раз, они чуть не свихнулись от страха, ведь опасность подкралась прямехонько к их наследству, а когда его новая жена еще и забеременела, они тут же устроили совет, чтобы придумать, что делать дальше. И решили потребовать от него объяснений. «Мы не позволим лишиться нас нашего наследства. Мы только хотим получить то, что принадлежит нам по праву. Довольно нас обманывать!» — вот что они намеревались ему высказать. Заказчиков у них почти не осталось, потому что сапоги они тачали столь отвратительные, что те разваливались прямо на ногах. Вот бы старикашка наконец отбросил копыта и ушел в могилу! Но старый сапожник не помышлял ни о чем подобном, потому что знал, что не сможет забрать в Царствие Небесное свои альбы и тогда их придется отдать на разграбление алчным отпрыскам. Вот так упорная мысль вкупе со злостью может помешать даже самой смерти, которая время от времени просовывала в дверь свою голову, но тут же поворачивала обратно, убедившись, что поживиться тут нечем.

В общем, когда семья вернулась с прогулки, сыновья снова торчали у ворот. Старик с недовольным видом пригласил их в дом и спросил, что им нужно.

— Мы пусты, у нас ничего нет. Посмотри, наша одежда превратилась в лохмотья, потому что у нас нет денег, чтобы купить новую. А ведь ты богат, отдай нам то, что принадлежит нам по праву.

— По праву вам не принадлежит ничего, вы молоды и здоровы, вы вполне способны работать, а если вы не умеете шить обувь, то подумайте, как еще можно выуживать деньги из чужих кошельков. Ведь именно для этого я вас зачал. Истинный бог в этом мире — это богатство. За деньги вы сможете купить все, что захотите. Есть и другие сокровища: хитрость и жадность, они заставляют нас не спать и приносят богатство. А сейчас вон из моего дома!

Все это время рядом стояла женщина с большим животом. Противная баба, это она хочет отобрать у них наследство. Они уйдут, но еще вернуться. Пусть на нового ублюдка падет их проклятие.

Через полчаса папаша сел пересчитывать свои деньги. И тут же обнаружил, что пропало пять монет. Целых пять монет! Не может быть! Где он прячет свои сокровища, не знал никто, кроме жены, но не она же...

Он завязал мешок. Жирные падчерицы? Или это его сыночки? Может, они прокрались под покровом ночи и обыскали дом? Но ведь детки забрали бы всё. А если они не такие

дураки, эти бестии? Куда же спрятать деньги? Под доски в коридоре? На чердаке? Да, на чердаке надежнее. Значит, нужно подняться по лестнице. Куриный насест — самое то. Зажав в одной руке тяжелый мешок сапожник полз по ступенькам, другой рукой он опирался на стену, потому что поручней не было. Сверху падал луч света. Здесь он наверняка найдет хорошее место. Или лучше вернуться и доверить свои сокровища нотариусу? Он замер. Нет, нет, все они плуты и жулики, это все равно что отдать деньги на хранение сыновьям. Значит, вверх. Слабый свет приближался. Цель уже совсем рядом. На последней ступеньке он согнулся, чтобы положить мешок на пыльный пол. Он уже рыскал вокруг жадным взглядом в поисках подходящего убежища, но одна нога вдруг соскользнула в пустоту. Он попытался за что-нибудь зацепиться, но рука не нашла опоры. А тут и вторая нога соскользнула со ступеньки, и старик с грохотом полетел вниз.

Они услышали только ужасный шум и звон металла. Что это? Жена его с трудом выпрямилась и со стоном схватилась за поясицу. Постоянно эти боли, ребенок все время толкается. Она вышла в прихожую и увидела на полу блестящие монеты. Целый ковер из сверкающих монет. А рядом он. Он лежал на самой нижней ступеньке, судорожно сжимая пустой мешок, из которого одна за другой выкатывались монеты.

Этим утром Софи не стала переодеваться в студента, потому что собралась на рынок. Но вышла, как всегда, чуть ли не ночью. Ее провожали темнота, холод, мерцание огоньков и пока еще слабый, усталый блеск в заспанных глазах кельнцев. На рынке появились первые торговцы, они устанавливали лотки. Пахло сыром и овощами, в воздухе танцевали снежинки.

— На одно слово, красавица...

Она замерла: к ней протягивал руку оборванный старик, а у нее не было ни одного лишнего пфеннига. Он засмеялся:

— Нет, подачек мне не нужно. Я знаю, что вы знакомы с магистром Ломбарди. Хотя называть такие отношения знакомством...

На его лице появилась двусмысленная ухмылка, которая была ей так же неприятна, как и сам старик.

— Он должен сообщить нам кое-какие сведения, но мне кажется, он не проявляет истинного рвения. Передайте ему, что ждать долго мы не станем, совсем скоро наше терпение кончится, ведь, в конце концов, мертвый студент уже давно покоится в земле.

— Ты кто? — быстро спросила Софи.

— О, об этом лучше спросите у него самого, он в курсе. А сам изображает невинную овечку. Скажите ему одно только слово: Вайлерсфельд. Дело в том, что о мертвом студенте он знает гораздо больше, чем вам кажется.

Старик развернулся и поковылял прочь. А она так и стояла на месте, не в силах пошевелиться. Она никак не могла понять, что общего у этого старого ворона с Ломбарди. И только когда холод достал ее до самых костей, она пошла дальше. По заснеженным улицам добралась до мясного ряда и свернула за истерзанный ветрами угол.

Ближе к вечеру Софи пришла в схолариум. Лекции пришлось пропустить, потому что при свете дня выходить из дома переодетой было слишком опасно. Де Сверте, стоя в дверях, наблюдал за опускающимися на ограду танцующими снежинками. На улице царил тишина. Все звуки впитывал снег. В конце улицы жители отгребали его от своих домов, но и этот шум исчезал, словно накрытый шерстяным одеялом. В глазах еще отражалась белизна, но

сумерки уже опускались на короткий день, укрывая его пеленой. Приор взмахнул своими тонкими ручками, сетуя, что рано стемнело и весь город погребен под снегом. Софи улыbnулась и спросила, дома ли господин Ломбарди.

— Конечно, входите.

Она нашла его в пустой столовой. Ломбарди сидел у огня, отогревая свои заочеченевшие руки. Увидев ее, встал.

— Встретиться с вами так скоро я не рассчитывал.

Он и на самом деле совсем ее не видал. Зато попытался выяснить, где она живет. И буквально с боем выцарапал адрес у Гризельдис. Но нельзя просто так прийти к вдове — это весьма щепетильное обстоятельство.

Она же думала только о словах старика.

— Причина моего визита, к сожалению, не очень приятная. Меня остановил какой-то нищий, он велел напомнить, что вы должны ему некоторые сведения.

Он предложил ей сесть, а сам стоял и кивал головой, пытаясь скрыть свой страх. Как они вычислили Софи? Почему он был столь неосторожен! А Маринус все еще в городе. Ему нужно исчезнуть, причем как можно скорее. Ломбарди попытался взять себя в руки и сел прямо на стол. На улице слышались возмущенные крики карлика — видимо, с крыши прямо на него свалилась целая куча снега. Что делать? Что сказать? Она ведь понятия не имеет о том, что происходит.

— Что связывает вас с этими людьми? Речь ведь идет о смерти Домициана, правда? Зигер, вы что-то скрываете, я хочу наконец узнать, в какие игры здесь играют. Что произошло в Вайлерсфельде?

— А если я ничего не скажу?

— Тогда я пойду к Штайнеру и сообщу ему все, что мне известно. И Лаурьена заставлю сделать то же самое.

Да, эта маленькая глупая гусыня вполне на такое способна, подумал он. По недомыслию разрушит ему карьеру и, не исключено, отправит на виселицу. Он может прямо сейчас свернуть ей шею или вскружить голову. Или сказать правду. Можно заставить ее поклясться на Библии, но у Бога уже наверняка болят уши от всех этих принесенных на Библии клятв, которые ничего не значат и превращаются в ничто, не успев даже сорваться с губ.

— Ну что ж, — пробормотал он. Пора положить конец неопределенности, потому что Маринус обречен, и, чтобы спасти его жалкую шкуру, надо немедленно принять решение.

— Вы же знаете, кто они, — начал он тихим голосом. — Ходит масса слухов. Я не готов сказать, насколько они соответствуют истине. Люди, о которых идет речь, когда-то были с ними, но потом откололись и придумали себе новое название, которое нам с вами сейчас совсем не важно. Они ищут братьев и сестер, чтобы обратить их в свою веру. Много лет назад один молодой студент попал в их сети, потому что они показались ему свободными и независимыми. Они стремились к свободе духа и тела. Соблазнительная мысль, вы не находите? Иметь возможность думать и говорить все, что приходит в голову, и не бояться преследований церкви. На молодого человека это произвело впечатление. Понравилось ему и то, что они окрестили свободной любовью. Они искали Бога в плотской любви, потому что считали, что Бог везде. Молодой человек примкнул к ним и слишком поздно обнаружил, что они еретики, не имеющие к Богу никакого отношения. Он ушел от них в надежде, что их пути больше не пересекутся, но из-за поездок Домициана в Вайлерсфельд ему стало известно, что они все еще существуют, что пока еще их не сожгли на костре. А теперь они

хотят знать имя второго студента, приятеля Домициана, которого, видимо, убили именно они. Вот так обстоит дело, дитя мое.

В этот момент дверь распахнулась. На пороге возник де Сверте, он сделал шаг вперед, замер и вдруг снова исчез.

Софи не сводила глаз с языков пламени. Так кто же они, пусть даже только по слухам? Поговаривают, что такие еретики занимаются непотребством со своими же сестрами, тетками с племянниками, дяди с племянницами, отцы с дочерьми и матери с сыновьями. Якобы они оскверняют алтари в церквях, монастырях, аббатствах, занимаются этим прямо перед Распятием. Ни за что не поверю. Зигер Ломбарди не может иметь к ним отношения.

— Значит, вы... — начала она, но не договорила и поднялась. Нет, это невозможно.

Что же будет с этим бедным студентом из бурсы, если Ломбарди его выдаст?

— Так что же вы собираетесь предпринять?

— Он должен уехать из города. Он видел убийцу, и конечно они боятся. Я позабочусь о том, чтобы Маринус исчез. А если они заговорят с вами еще раз, скажите, что не знаете меня.

— А почему вы не идете к судье, почему бы вам не поговорить с ним?

Она поняла, что задала глупый вопрос. О его прошлом знает только она. И она может сама решить его судьбу: ведь курия лопнет от радости, если ей в лапы попадет человек типа Ломбарди. Софи покачала головой. Только не смотреть на него. Значит, он, этот кот в шкуре мышонка, сидит в схолариуме и изображает несчастного магистра. Какая разница, что тогда он был юн и быстро от них сбежал. От таких вещей невозможно очиститься, это как попавшее в смолу перо. Это входит в плоть и кровь. Прочно застревает в голове и мечется туда-сюда, как привидение в заброшенном доме. Интересно, а какова была его роль? Он просто смотрел, как эти студенты? Или сам принимал участие в этом жутком танце смерти? Что он делал?

Он как будто прочитал ее мысли и кивнул:

— Да, я не только смотрел. Я был одним из них. Они подыскивали себе заброшенные церкви или кладбища. К ним присоединялись сбежавшие монахи, переписчики, которым надоела их жалкая работа, мужчины и женщины, всю жизнь исповедовавшие воздержание, потому что думали, будто это и есть высший смысл бытия, как учит римская церковь. В общем, те, кто считал, что в противоположном поле таится дьявол, и старался его избегать, как избегают прокаженных, скрывая их от нормальных людей за забором. Но потом они, как попавший в бурю корабль, накренились в другую сторону. Все, чего они всю жизнь боялись, неожиданно оказалось спасением. Теперь уже им не хватало одной связи, нет, им требовалось одновременно десять, а то и двадцать. Им ведь все равно, с кем совокупляться, они плюют даже на родственные узы. Их жизнь проходит в сплошном дурмане. Не хочу оправдываться, но на меня оказало благотворнейшее влияние осознание того, что дьявол нашей церкви — это только образ, отражение наших собственных страхов.

— Значит, вы оспариваете его существование? Вы, схоласт?

— О, я ведь говорю, он может быть образом, но поскольку я номиналист, образы интересуют меня лишь постольку поскольку.

Ломбарди улыбнулся. Она не поняла: неужели он думал, что ей станет легче только потому, что он больше не тратит мыслей на дьявола? Она приготовилась идти, выразив надежду, что со студентом из бурсы все будет в порядке. Он не сделал попытки ее задержать. Знал, что она его не выдаст. Но, скорее всего, больше не захочет иметь с ним дело. В дьявола

она верит так же, как в Бога. И она права. Дуализм требует дьявольской метафоричности, по-другому невозможно, а вывод из этого следует такой если нет одного, то, значит, нет и другого.

Ломбарди закрыл за ней дверь.

Нельзя больше терять время.

На следующее утро по учебной программе предполагалось изучение астролябии, разглядывание звезд и лекция о гармонии универсума. Главное сейчас — сохранить трезвую голову. Он открыто показался с Софи на людях, и это сразу стало известно — значит, люди Найдхарда следят за ним день и ночь. Они знают каждый его шаг. Наблюдателей не вычислить, они могут быть кем угодно. Сборщик костей на углу, живодер на Шмирштрассе, золотарь, по ночам вывозящий из города свою мерзкую вонючую поклажу. Даже палача они могли переманить на свою сторону, потому что и он продажен и за кошель золота готов колесовать даже Папу Римского.

Ломбарди посмотрел на небо. Солнце вставало. Как поступить? Он пошел быстрее. Маринус наверняка сидит в бурсе.

Он нашел его в библиотеке за книгой.

— Тебе нужно немедленно исчезнуть. Они в городе и знают про тебя всё. И думают, что ты всем подряд рассказываешь, что они убили Домициана.

У Маринуса со страху затряслись руки.

— Но ведь я никому не сказал ни слова...

— Понимаю. И все равно тебе нужно бежать. У тебя есть куда?

— Не знаю...

— Подумай.

— У меня есть родственник в Нейссе...

— Чудесно, туда и отправишься. Я скажу, что тебе стало плохо, тебя тряс озноб... ну, что-нибудь в этом роде. Можешь уйти прямо сегодня?

— Все настолько серьезно?

— Гораздо серьезнее, чем ты себе представляешь. Они следят за каждым моим шагом и пытаются выпытать у меня твое имя.

— Но как...

— Времени для объяснений нет. Деньги тебе нужны?

Маринус покачал головой. Встал, пристегнул на цепь книгу, которую только что начал читать.

— У меня не получится вывести тебя из города, потому что они сразу всё поймут. Тебе придется выбираться самому. Ночью, переодетым, как угодно. Сможешь?

Студент молча кивнул. И с горечью подумал, что они хотели всего-навсего получить небольшое удовольствие. Удовольствие оказалось смертельным. Необходимость врать отпала сама собой: ему действительно стало плохо. Как будто у него и на самом деле лихорадка или, еще хуже, проказа.

Ломбарди кивнул и вышел из зала. Маринус посмотрел ему вслед и обессиленно прислонился к двери.

После лекции он отправился к себе в комнату, сложил в мешок вещи и стал ждать темноты. Через два часа ворота закроют, до этого времени надо успеть выбраться из города.

Вообще-то в бурсе было несколько выходов, но сейчас открыт только главный. Так что придется подумать, как незаметно выбраться наружу. Он натянул на голову капюшон и вышел на улицу. Неожиданно снова начался сильный снегопад, Маринус торопливо зашагал по дороге, которую уже занесло снегом. Снегопад был теперь весьма кстати: никто не обратит внимания на опущенный на лицо капюшон. По Зеверинштрассе он уже почти бежал, потом свернул в один переулок, в другой и, сделав круг, оказался на той же самой улице. Так повторялось несколько раз, и в конце концов он понял, что заблудился. Вдруг сквозь пургу ему показалось, что он узнал силуэт церкви Святого Пантелеймона. Он испугался. Дома здесь заканчивались, он слишком отклонился от дороги, по которой собирался выбраться из города. Придется вернуться. Снег залепил ему все лицо. На улице не было ни одной живой души, темнота сгущалась. Маринус остановился. Как тихо. Тихо до жути, слышен только шорох падающего на мостовую снега. Ни зги не видно. Маринуса затрясло. Куда он забрел? Не разумнее ли вернуться в бурсу и положить конец вранью? И не бегать от убийц, плутая по лабиринтам города. Он ведь вполне может поговорить с деканом. Или со Штайнером. Или даже с самим канцлером. И в первую очередь с отцом. Всегда можно найти общий язык! Он посмотрел на серо-черное небо. В его голове была такая же круговерть, как и там, наверху. Какое безумие считать, что можно убежать от своей судьбы. «Я решу все проблемы, — подумал он. — Я во всем признаюсь. Не оторвут же мне голову. Подумаешь, посадят на пару дней в карцер, но, если привести в порядок свой разум, следует признать, что смысл имеет истина, только лишь истина...»

Он облегченно вздохнул. Да, он не побежит, он предстанет перед истиной. Он слегка сдвинул капюшон, чтобы лучше видеть. Переулок был узким, дома стояли плотно. Из-за снега он не мог разглядеть даже ближайший поворот, от факела проку было мало. Когда Маринус свернул за угол, чьи-то руки вдруг сжали ему горло; он еще успел подумать, что смысл имеет только истина, а потом в глазах потемнело. Он решил, что отец пришел его наказать...

Однажды ранним утром по дороге на рынок Ломбарди заметил человека, выходящего из сада за домом Софи. Служанка? Мальчишка-посыльный? Еще не рассвело, и в сумрачном свете человека было не рассмотреть, хотя до него оставалось шагов двадцать, не больше. Но когда тот снова попал в свет факела, Ломбарди разглядел плащ — плащ студента. В том доме жила весьма обеспеченная кельнская семья, поэтому Ломбарди удивило, что такие люди сдают комнату студенту. Ему даже показалось, что он узнал парня. Вроде бы это Иосиф Генрих, хотя говорили, что у него комната на Шпильмансгассе. Ломбарди не придавал особого значения этой встрече, потому что, в конце концов, каждый волен жить там, где ему нравится, а если он солгал, то это его личное дело и мало касается Ломбарди. Он бы вообще не обратил на это внимания, если бы не посматривал регулярно на дом Софи, надеясь, что однажды встретит ее, как будто случайно. Так что он просто пожал плечами и, дойдя до схолариума, про студента забыл.

То, что зима выдалась такая суровая и длинная, связано с положением звезд, от них же зависит и судьба каждого человека. Звезды, они как поводья в руках возницы, который решает, куда двигаться лошади. У каждого на факультете есть свой гороскоп, из которого он может узнать, откуда пришел и куда идет. Орбиты, по которым движутся звезды, Луна и Солнце, описал Сакробоско, но труд его, «De sphaera», весьма неполон; в этом смысле

«Circulus eccentricus vel egressa cupidis» неизвестного автора гораздо поучительнее, там рассматривается движение звезд, рассказывается про равноденствие.

Когда Лаурьен с помощью астролябии рассчитывал положение небесных тел, он представил себе, как наверху то же самое делает ангел. Ангел высчитывает орбиту Земли, не зная, что некий человек в тот же самый момент размышляет о том, как бы его найти. «Какая чушь, у ангелов нет постоянного места пребывания, — подумал Лаурьен. — Они парят в небе, если вообще парят, они невидимы и святы».

Рядом с ним, склонившись над бумагами, в подсчеты углубился Иосиф. «Почему нельзя построить такую особую повозку, чтобы поехать к звездам, — задумался Лаурьен. — Бэкон говорит, что Александр Великий сконструировал машины, которые можно спускать в море. Машины, покоряющие небо, — Дедал верил, что такие бывают... Наверное, это возможно... Говорят, что Александр Великий в стеклянной повозке нырял на дно моря и внизу изучал жизнь рыб. Но это просто слухи, никто никогда не видел этой повозки, а свои наблюдения Александр унес с собой в могилу. Что он там нашел? Огромных восьминогих монстров, драконов, змей? Может быть, ангелов? Если то, что летает, обитает в море, а то, что плавает, бороздит небо, тогда каракатицы должны существовать и на небе тоже. Похоже, к земле привязан только человек со своими жалкими двумя ножонками. Но есть числа, с помощью которых можно рассчитать, как развезжать по морю и по небу в стеклянной колеснице. Притягательная мысль. Но разве такие представления не реальны? Существуют вещи, которые не видны, но все-таки они есть. А что по этому поводу говорят номиналисты?»

— Что с тобой? Ты что, спишь?

Лаурьен вздрогнул. Он с головой ушел в эти мысли и даже не узнал голос своего друга Иосифа Генриха.

— Я думаю, что реалисты правы, — прошептал он.

— С чего ты взял?

— Я думал о звездах, о возможности высчитать то, что невозможно увидеть. Или ты уже наблюдал их вблизи?

— Нет.

— Вот то-то и оно.

— Странное обоснование, — пробормотала Софи.

«Конечно, существуют незримые вещи, — подумала она. — Иногда мы наблюдаем всего половину луны и в то же время знаем, что она целая и ее никто никогда не режет на части».

— Ему надо расставить ловушку, — тихонько прошептала Софи.

— Кому? Кому надо расставить ловушку?

— Убийце. Убийце Касалла.

— Каким же образом?

— У меня как раз появилась идея. Если какое-то явление можно сделать видимым, например с помощью подсчетов, значит, можно найти способ сделать видимым и убийцу. Нужно дать явлению возможность продемонстрировать себя в форме, которую мы в состоянии узнать. Давай оставим для него в схолариуме сообщение. Если он его прочтает, значит, он где-то среди нас. А если не отреагирует, то, наверное, он не наш.

— А если он прочтает, но не захочет ответить?

— Не думаю. Он человек разговорчивый, он страдает оттого, что ни с кем не может вступить в контакт. Возможно, он считает это убийство идеальным и очень переживает, что никто не выражает ему своего восхищения. Он ответит, поверь мне.

Лаурьену идея показалась абсурдной. Зачем все запутывать еще больше, и так уже вроде бы достаточно. Неужели теперь они начнут обмениваться с убийцей письмами? Это противно разуму. Да и с какой стати ему разоблачать убийцу Касалла? Пусть этим занимаются Штайнер и остальные. Лаурьен чувствовал рядом тепло чужого тела. И снова в нем проснулось воспоминание о Софи. Он наклонился к другу и что-то прошептал ему в ухо. Но друг только покачал головой и отодвинулся подальше.

Софи было не удержать, ей непременно требовалось побеседовать насчет своей идеи со Штайнером. После лекции она подошла к магистру, который стоял перед рефекториумом и приносивался, пытаясь определить, что подадут на обед. Пахло савойской капустой и жирным, тяжелым бульоном. Она не тратила лишних слов. Он, с урчащим в ожидании пищи желудком, сначала ничего не понял.

— Написать письмо?

— Всего несколько слов. Мы тоже должны придумать ему загадку. Если у него получилось, то почему не выйдет у нас? Например, так «Если образы можно конструировать, значит, их можно и высчитывать». Сформулировано не очень четко, я знаю, но ему можно послать хоть приглашение на обед, это неважно. Я хочу сказать, давайте попытаемся вступить с ним в контакт.

Штайнер молчал. Заманить его в сети — вот как это называется. Это ведь не повредит? А вдруг он и правда отреагирует? Любая реакция лучше, чем молчание и поиски в тумане.

— Это твоя идея?

— Да, господин магистр.

— Хорошо. Я подумаю.

Он потянул носом. В зал внесли горячий суп. Для начала он хотел поесть, заполнить пустой желудок теплом и блестками жира, — в такой холод это самое главное.

Идея показалась ему неплохой. Она может сработать, если действовать с умом. Надо найти нужные слова и нужное место, в котором оставить записку. А если он ответит, тогда они хотя бы убедятся, что Домициан был невиновен. Убийца терпелив, это ему понравится и потешит его самолюбие. Он почувствует себя польщенным, узнав, что они готовы устроить диспут с его участием. И как они до этого раньше не додумались? Ведь идея буквально витала в воздухе. Как запах срезанной травы во время сенокоса. А какое он сам получит удовольствие! Сесть за стол и сосредоточиться на поиске подходящих слов.

Вы считаете, что вы умны. Возможно, это и на самом деле так. Но смерть Касалла до сих пор остается тайной. Так скажите мне, правильно ли то, что написано у Аристотеля и что он повторяет вслед за Федоном: «Идеи есть причина бытия и становления».

Штайнер смотрел на лист. Это не письмо, это всего лишь задача, из тех, что, судя по всему, нравятся его противнику. Философский вопрос насчет смысла и бессмысленности идей. Интересно, его противник является сторонником традиционных или современных течений? А может, это просто безмозглая овца, которую научили писать?

Штайнер встал и сунул записку в карман. Куда бы ее деть? Где удобнее вывесить? Лучше в схолариуме на Гереонштрассе, теперь это здание притягивает многих студентов, как раз сейчас у него там лекция. Выбрать угол, где меньше всего ветра, в крытой галерее. Да и

снег туда не попадет. Когда рядом никого не было, Штайнер прикрепил записку к стене. Неважно, где находится убийца, — живет ли он здесь, в схолариуме, или в бурсе, или в колледиуме, — он явно клюнет на удочку, потому что хвастлив, как павлин. Штайнер отправился домой. Настроение у него было хорошее.

Утром записка еще висела. Студенты и магистры толпились вокруг, рассуждая, что бы это значило. Они разнесли новость по всему городу, так что вскоре каждый знал, что некто задал вопрос убийце Касалла. Вот только кто?

Штайнер не рассказал о своей задумке даже канцлеру, поэтому все — и студенты, и магистры — гадали, что кроется за этим странным обращением. И только Софи с Лаурьеном каждое утро носились по комнатам, коридорам и дорожкам сада, чтобы посмотреть, не появился ли ответ. А убийца и на самом деле отреагировал. Даже если он и не имел отношения к схолариуму, он все равно должен был узнать такую новость, потому что все только об этом и говорили. Штайнер поручил надзирателю смотреть в оба, чтобы, если представится такая возможность, разоблачить автора писем. Но надзиратель, обладающий зоркостью орла и быстротою ласки, постоянно опаздывал.

На первый вопрос Штайнера противник ответил цитатой из Аристотеля: «*Universalia in rebus*». Общее в вещах. Следовательно, убийца из тех, кто пытается найти равновесие между двумя основными школами, не отдавая предпочтения ни образам, ни вещи как таковой. Штайнер был разочарован. Он ожидал чего-нибудь более радикального, а вовсе не столь безобидного ответа. Из этого скромного высказывания нельзя почерпнуть информацию, позволяющую сделать выводы относительно личности убийцы. Поэтому Штайнер сменил тактику. В следующий раз он написал:

Если мы не решим вторую задачу, вы дадите нам подсказку?

Он как будто слышал смех своего врага: «Это же совсем нетрудно, напрягитесь».

На портале часовни был прикреплен второй ответ:

Я вас знаю, а вы меня не знаете. Так что там было насчет образов?

«Отсутствие ответа тоже ответ», — подумал Штайнер и принялся сочинять следующий вопрос.

На этот раз ближе к вечеру Софи осталась в схолариуме чуть ли не последней. Никаких записок ни на дверях, ни на колоннах, ни на столе в рефекториуме. Он выбрал другое место? И куда подевался надзиратель, он ведь все время болтается по коридорам?

В углах завывал ветер, приманивающий снежинки к факелам, словно мотыльков на огонь. Софи озиралась.

После лекций Лаурьен исчез в своей спальне. Встречаться с ним ей не хотелось. Она решила держаться от него подальше, опасаясь его весьма красноречивых взглядов. Как раз сегодня на лекции он шепотом спросил, не знает ли она, где живет Софи Касалл. Она испуганно отшатнулась. Неужели, смотря на нее, он все время думал о Софи Касалл? Неужели обратил внимание на их сходство? Хотя вообще-то она была уверена, что его предположения так и останутся подозрениями, что он тыкается туда-сюда, как мечущийся

вокруг темного пруда рыбака, который никогда не поймает рыбу. И все равно бывать с ним слишком часто небезопасно...

С другой стороны коридора появилась тень и раздался звук шагов. Тень становилась все длиннее, потом изогнулась и исчезла.

Софи побежала. Он наверняка у двери в библиотеку. Она остановилась, прислушалась. Ничего. Подошла ближе. В нише на стене горел фонарь. Куда он подевался? Софи надавила на тяжелую дверь. Уже на замке. Можно отсюда попасть в рефекториум? Там еще открыто. Но и в рефекториуме не оказалось ни одной живой души. Кухня заперта, осталась только узкая раздаточная щель. Софи прислушалась. Тоже никого. Чья же это была тень, чьи шаги?

Кто-то идет. На этот раз надзиратель.

— Что ты тут делаешь? Уже поздно. Лекции давно закончились.

Софи кивнула и пробормотала слова извинения. Она видела тень и слышала шаги. Но нигде никого нет. Образ? Образ, лишенный своей вещи? Так какой же должна быть вещь, принадлежащая этой тени? Из-за угла показался Лаурьен с листком в руке.

— Он был здесь, — сказала Софи.

— Где?

— Я видел тень в том конце коридора...

— Тень? И всё? Это все равно что ничего. Тень отбрасывает даже фонарь.

— Но такая тень не двигается и не шумит. Или тебе уже доводилось видеть разгуливающий фонарь?

— А какой она была величина, эта тень?

— Не знаю...

Лаурьен покачал головой:

— Это просто образ, но известна ли нам сущность этого образа?

К ним подошел магистр Штайнер. Он остановился перед Софи и молча вглядывался в ее лицо. Она пожала плечами:

— Я видел тень, — пробормотала она, — но Лаурьен считает, что это ничто...

Штайнер улыбнулся:

— О, с точки зрения метафизики это очень много. Но относительно нашего случая я бы сказал, что Лаурьен, к сожалению, прав — ничто. Наш противник умнее, чем мы думали. Он не действует с бухты-барахты, не развешивает просто так по стенкам свои бумажки. Он выжидает подходящий момент и действует, только убедившись, что его лица не увидит никто, даже надзиратель, который вообще-то бродит по схолариуму сутки напролет и замечает всё.

«И все-таки я слышала шаги, — с горечью подумала Софи. — Это был человек. Но куда он подевался?»

Больше уже эта мысль ее не покидала. И постепенно у нее в голове сформировалось весьма странное представление. Если не принимать в расчет тень, которая и действительно могла ей померещиться, то остаются еще шаги. Библиотека была закрыта, рефекториум пуст, в кухню не попасть. Что-то не состыковывается. Он был здесь. А если он здесь был, значит, он должен был куда-то подеваться. Хотя не исключена потайная дверь, известная только избранным. Этот вариант Софи отбросила, вспомнив про загадку, которую убийца навязал Штайнеру. Квадривиум.

Не прошло и двух суток, и ее подозрение упрочилось. Провалившаяся как сквозь землю фигура! Или это дух, вернувшаяся на землю душа покойного, или для этого должно быть

естественное объяснение. Есть только один способ это выяснить: спрятаться в схоляриуме. Пусть ее там заперут.

Однажды вечером Ломбарди читал первую лекцию в новом, специально оборудованном для занятий помещении, и Софи решила воспользоваться представившейся возможностью. Живущие в схоляриуме студенты гурьбой двинулись к рефекториуму, а она, несмотря на страшный холод спряталась в саду и принялась считать свисающие с крыши сосульки. Пока все ужинали, она прокралась обратно в дом и подыскала себе темное местечко под лестницей, ведущей к комнате де Сверте. Постепенно все стихло. Студенты разошлись по спальням, служанки — по домам, и карлик запер двери. Около десяти он загасил свечи и поднялся наверх. Софи осталась одна.

Она захватила с собой свечку, хотя пользы от нее было очень мало. Огонь в рефекториуме погас, только тлели угли в камине. Поскольку почти все помещения уже закрыли, поле деятельности оказалось не слишком большим. Даже в библиотеку ей не попасть. Не заперта была только дверь в часовню, но никаких следов убийца там не оставил. Пахло ладаном, блестела освещенная свечой золотая Мадонна.

Софи тихонько пробралась вверх по лестнице. И здесь тоже закрытые двери, все, кроме одной. За ней кабинет приора. Заглядывающая внутрь полная луна позволила разглядеть пачку бумаги: счета схоляриума за дрова, перья, за прислугу, надзирателя... А еще бумаги от попечителя и счета за новые книги. Отсюда, сверху, хорошо просматривались дома. Вдали она разглядела спящую реку, блестящую в лунном свете. Она порылась в бумагах, но ничего интересного не нашла. Ей стало не по себе. Что она надеялась здесь найти? Сведения о Касалле? Она и сама толком не знала.

Софи на цыпочках спустилась вниз. Ночь впереди еще длинная, а утром нужно смешаться со студентами, и все будет шито-крыто. Хотя до этого придется посидеть взаперти.

Странный звук заставил ее замереть. Легкий, едва слышный шелест и бульканье, как будто в сад заявилась река. Похоже на воду, но откуда здесь взяться воде? Ее тут и близко нет. Софи попыталась обнаружить источник звука, где-то возле выгребных ям. А дверь в сад закрыта. На ней висит тяжелый замок. Софи уныло вернулась к лестнице. Так она мало чего добьется. Она залезла в свое убежище и задула свечку. Холод пронизывал ее до костей и долго не давал уснуть. В тяжелый, беспокойный сон она впала только под утро.

Софи проснулась, когда было еще совсем темно. Вскоре в схоляриуме начали зажигать свечи и масляные лампы. Надзиратель затопил камин в рефекториуме и лекционном зале, пришедшие на работу служанки возились на кухне. Первая лекция через час, а пока придется прятаться под лестницей. Ноги затекли, тело как будто покрылось коркой льда. Она попыталась потянуться, но пришлось тут же скорчиться снова, иначе ступни попадали в свет лампы. Де Сверте спустился вниз, его голос разносился по всему дому. Двери хлопали, запах теплого молока добрался до лестницы. Господи, как же она продержится целый день, ведь у нее вместо ног ледышки, да и желудок совсем пуст?! Уже сейчас вгорле подозрительно щипало, а напряженные окоченевшие конечности тряслись.

Софи ждала. Через полчаса все вышли из рефекториума и отправились на лекцию. Распахнулась дверь, послышался голос Ломбарди. Софи выбралась наружу. Теперь бы осторожноенько распрямиться — поясница совсем затекла. Ей обязательно нужно домой,

согреться. Но тогда она пропустит лекцию. Она выскользнула за дверь и оказалась на улице. Завтра придет новый день. Завтра будет видно.

— Ты провел в схоляриуме всю ночь?

Лаурьен смотрел на Иосифа, открыв рот. Всю ночь просидеть, скорчившись, и чуть не умереть от холода?!

— Вода, — сказала Софи, — где-то там должна быть вода.

Лаурьен кивнул. Они шли по сенному рынку, утонувшему в тающем снеге. Дальше мясной ряд, там наверняка сухо.

— Это остатки римского водопровода, так говорит надзиратель. Если вода стоит высоко, он наполняется. Вот и всё.

Софи была разочарована. Всего-навсего старый канал?

— Скажи, Иосиф, а что ты, собственно говоря, ищешь?

— Сам не знаю.

— А кого ты подозреваешь? Если у тебя есть какие-то подозрения, то почему бы не сказать об этом Штайнеру?

И правда, почему? Она и сама не знала. Ей не хотелось выдвигать обвинения, опираясь на досужие домыслы.

— Скажи, кого ты подозреваешь?

Она покачала головой и отвернулась. Запах мяса и свежей крови перебивал привычную вонь от экскрементов и мочи.

— Моими исходными пунктами являются тень, которую никто, кроме меня, не видел, и шаги, которых никто, кроме меня, не слышал. У меня нет свидетелей и нет доказательств.

Впереди показался Ломбарди в сопровождении нескольких студентов. Они встретились в проходе, и Софи приветливо поздоровалась. А потом оставила Лаурьена, который вступил в разговор с одним из студентов, и с трудом стала пробираться по грязи назад. Дома она положила в кровать горячий камень и легла. В горле вращалась тысяча ножей, казалось, они вот-вот распоросуют ей шею. Только бы уснуть, пропотеть и прогнать таким образом болезнь, а вечером сходить проверить, что же все-таки там, за домом. Но что она, собственно говоря, ищет? Убийцу? Не будет он ее ждать. И не предоставит в ее распоряжение неопровержимых улик. И вообще, у нее просто навязчивая идея. Иррациональная и абсолютно бессмысленная. Это даже не подозрение. Паутина. Квадривиум.

Она закуталась в одеяла и закрыла глаза. Как она устала!

Вечером Софи снова пробралась к схоляриуму. На это раз она подошла сзади, со стороны сада. Здесь было какое-то заброшенное строение и обнесенные забором луга конвента. Тихое, уединенное место, лишь с колокольни церкви Святого Герона доносился слабый звук колокола. Снег все таял и таял, превращаясь в огромные лужи. Софи попыталась заглянуть в окно пустующего дома. Разглядеть ничего не удалось, но зато она снова слышала шорох. Вполне возможно, что это водопровод, где-то глубоко под землей, в районе подвала. Никакой это не убийца, а просто вода. Софи нажала на ручку двери. Заперто. Она уже хотела уйти, но обратила внимание на трубу: из нее вырывались грязно-желтые облака, быстро растворяющиеся во влажном воздухе. Что же это, так быстро исчезающее, едва успев принять форму спирали? Софи принялась. Пахло тухлятиной, как будто рядом находится

курятник, хозяйка которого постоянно забывает собирать яйца. И вдруг Софи поняла, что именно вздымается в воздух подобно таинственному духу. Сера! Это наверняка сера, которой пользуются, чтобы изгонять чуму. Она испытала панический ужас, но тут же попыталась взять себя в руки. Чепуха! Чума далеко. Там просто проводит свои опыты алхимик. Эти алхимики варят в пузатых бутылках всякие непонятные вещества и пытаются выделить из навоза золото и серебро. Она поймала не того, она вовсе не собиралась ловить алхимика. Софи еще раз заглянула в грязные окна. Что это, вон там? Легкое движение, едва заметный свет, который описывает ровные круги. Да это кто-то ходит, держа в руках горящую свечу! Ей показалось странным, что этот кто-то держит свечу очень низко, чуть ли не под столом. Как будто ребенок. Головы не видно... А вдруг он обезглавлен? А может, там разгуливают кошки, вооружившиеся свечками, чтобы лучше видеть? Может, это заколдованный дом, в котором мертвецы оживают, берут под мышку свою голову и бродят по ночам? Чтобы не закричать от страха, Софи зажала себе рот рукой и тихо пробралась подальше от окна. С кровли ей за ворот упали холодные капли. Она еще раз подняла голову. Желтый дым исчез, над ней было ясное, беззвездное небо.

Ночью Софи снились поселившиеся в заброшенных домах чудовища. В каждой пустой комнате по чудовищу. В подвале притаились циклопы и семиглавые драконы, в кладовке — прозрачные, лишенные формы существа, привидения с пустыми глазницами и в развевающихся одеждах, ведьмы с помелом, которым они загоняют людей в печки. Софи проснулась мокрая от пота и тут же зажгла свечу. Нет ничего ужаснее, чем не подкрепленная действительностью фантазия. Но если ее предположения верны, можно еще раз сходить туда и посмотреть. Пусть какой-то алхимик в одиночестве варит свой бульон, это ее несколько не касается. Пусть там шляются вооруженные свечами кошки — это дело судьбы и палача, а если их не интересует, что происходит в этом доме, то это тоже правильно. В любом случае, похоже, это совсем другая история. Нужно еще раз остаться в сcholариуме, но только на этот раз одеться потеплее.

Но до этого студент Иосиф Генрих еще раз навестил магистра Штайнера. Тот был у себя в саду и очень удивился, узнав, что ночью Иосиф спрятался в сcholариуме. Дул холодный ветер, и Штайнер пригласил Иосифа в дом.

— Твоя затея опасна, — сказал он и с сомнением посмотрел студенту в глаза.

— Да, но не вам же этим заниматься, — с улыбкой возразил Иосиф Генрих. — Я доверюсь Лаурьену, и, если что-нибудь случится, он сможет прийти мне на помощь. Просто мне хотелось, чтобы вы были в курсе.

— Ты пытаешься заставить меня взять ответственность на себя, — недовольно пробурчал Штайнер, — но я не могу этого сделать. Если ты прав, то этот человек просто бессовестный пес, который не замедлит свернуть тебе шею. И потом, ты ведь сам понимаешь, как опасно доносительство, основанное лишь на подозрениях. Да и вообще, какие доказательства ты ищешь?

— Даже не представляю. Но он должен был оставить следы. Вы никогда не рассматривали его как преступника?

Штайнер молчал. Почему же, он думал об этом, но тут же отогнал подозрения. А потом он вспомнил книгу по алхимии и взволнованно заходил туда-сюда по комнате. Да, у него были предположения, но он проявил легкомыслие, потому что не видел мотива. Да и сейчас

вроде бы никакого мотива не было. А студент прямо указывает на его промах. Шаги, тень, и никого не видно. Студент лишь высказывает свои подозрения. Это мог быть ребенок. Или заблудшая душа, образ. Или же... карлик. Тогда все получается. Наконец-то. Образованный карлик, владеющий латынью и потихоньку подпитывающий свою, возможно необузданную, ненависть к Касаллу, который вечно развлекался, высмеивая не похожих на него людей. Все сходится. Но достаточный ли это мотив для убийства? Надо признать, мотав слабый, надуманный. Должно быть что-то еще. Но что именно?

Штайнер отправил студента домой, не забыв еще раз проявить настойчивость и предостеречь парня, задумавшего очень опасное мероприятие. Оставшись один, он сел перед камином на кухне. Он был озабочен и отчаянно пытался найти выход, более удобный, чем тот, который предложил ему Иосиф Генрих.

Лаурьен тоже был вне себя. Ни к чему Иосифу болтаться по ночам в схолариуме! Да еще и впутывать в свои дела его, Лаурьена. Парень требует, чтобы он раздобыл ключи. Но это же невыносимо!

— Что толку тут торчать, если все двери закрыты? Ты должен мне помочь. Если хочешь, потом можешь вернуться к себе, но достань мне связку ключей.

— Не раньше, чем ты скажешь, кто он. И вообще, сходи к Штайнеру, он знает, что делать.

Нет, вдруг это ошибка. Нужна определенность.

— Значит, кто-то из схолариума, — вслух рассуждал Лаурьен. — Ломбарди?.. Ты подозреваешь Ломбарди? Но ведь это ужасно!

— Ты достанешь мне ключи?

Лаурьен был юношей покладистым. Чем дольше его уговаривали, тем слабее становилось сопротивление. У надзирателя есть вторая связка. Но он не всегда ночует в схолариуме. Оставаясь на ночь, он спит в комнате для гостей. Лаурьен подождал, пока все разойдутся, и на ощупь пробрался к лестнице, где его ждал Иосиф. В окно светила луна, уже почти полная. Дурной знак. Любому известно, что в полнолуние опасные предприятия чаще всего заканчиваются плохо. В полнолуние не ходят даже к цирюльнику выдирать зубы. В это время созвездия устраивают заговор и посылают на землю ядовитые смеси. И тем не менее он на подгибающихся ногах прокрался к комнате для гостей, открыл дверь и проскользнул внутрь. Надзиратель фыркал и храпел, повернувшись к стене. На стуле висели его штаны, а сверху лежала связка ключей. Лаурьен схватил их и выбрался из комнаты. Побрел к Иосифу. «Теперь ложись спать», — сказал тот. Лаурьен кивнул.

При свете свечи Софи посмотрела ему вслед и пошла вверх по лестнице. Кабинет снова открыт, но искать там нечего. А вот в соседней комнате...

Внизу послышался скрип. Она замерла и прислушалась, но все стихло. На столе она нашла новые счета, на этот раз на вино из Эбербаха. Двенадцать бутылок лучшего вина по впечатляющей цене. Видимо, карлик попивает его вместе с Ломбарди, а студенты вынуждены довольствоваться пивом. В сундуке найдены тщательно перевязанные плащи, на консоли стоял массивный серебряный подсвечник. Рядом лежал лист бумаги Плата служанкам. Софи медлила. Ей нужно вниз, хорошо бы заглянуть в комнату к Ломбарди. И тут вдруг раздался звук шагов. Кто-то, шурша мягкими подошвами, поднимался по лестнице. В коридоре показался слабый луч света. «Лаурьен», — подумала Софи, но на всякий случай спряталась за дверь, буквально вжавшись в стену. Огонек приблизился. Широкая тень

втиснулась в комнату, неся перед собой свечу.

Это был не Лаурьен, а надзиратель. Луч света заметался. Кто это там, за дверью? Надзиратель подошел поближе. А потом протянул свободную руку, схватил Софи за плечо, вытащил ее из укрытия, сунул под нос свечу и прижал к стене.

— Так, кто это у нас тут? Что это ты здесь шляешься среди ночи?

— Я ищу книгу, — выдохнула она и заозиралась, прикидывая, нет ли возможности сбежать. Но он крепко держал ее.

— Книгу? Скорее уж ты вор. Здесь нет никаких книг, книги в библиотеке. Так, а теперь ты пойдешь со мной...

Надзиратель обладал медвежьей силой. Софи извивалась у него в руках, но он, не обращая на ее усилия никакого внимания, стащил ее по лестнице вниз и швырнул в кухню. Там запер, а чуть позже вернулся с заспанным де Сверте, который, услышав его рассказ, принялся дико размахивать руками:

— Вор? Что ты хотел украсть, ты, гнусь? Бросим его в карцер. А завтра посмотрим.

Софи была ни жива ни мертва от страха. Надзиратель затолкал ее в подвал, хотя она отбивалась и просила позвать Штайнера. Де Сверте только язвительно смеялся и велел запереть студента. Заскрипел замок.

Честно говоря, Штайнер бы не очень заинтересовался этим делом, если бы не рассказ Иосифа Генриха. Когда живущий в схоляриуме студент нарушает правила, дело приора позаботиться о восстановлении порядка и спокойствия. Если речь идет о факультете в целом, то можно подключить декана, канцлера или ректора. А из-за студента, пойманного при попытке украсть деньги или книги, канцлера не беспокоят. С ним можно посоветоваться насчет исключения, но ведь этот студент ничего не украл. Говорят, что у него бред и сильнейшая лихорадка. Он рассказывает об убийствах, о записках в коллегииуме, но настолько запутанно, что разобраться невозможно. Потом он стал звать Штайнера, и того охватил ужас. Почему он не помешал Иосифу Генриху прятаться в схоляриуме! Видимо, он попал в руки убийцы, а ответственность за совершенное злодеяние несет сам Штайнер. Он со всех ног помчался в схоляриум, вошел в карцер, но нары были пусты, на них лежало лишь одеяло. В помещении не было никого, кроме мышонка, испуганно метнувшегося к щели.

Открывший дверь надзиратель удивленно качал головой: узник только что был здесь, это невозможно, он должен быть здесь...

Но студент исчез.

— Это... этого не может быть, — пробормотал надзиратель и побежал сообщать о происшествии приору. Тот сидел в библиотеке и читал книгу.

— Студент пропал!

В дверях стоял Штайнер. Де Сверте поднял голову:

— Чуть! Как он мог сбежать из карцера?

Вскоре уже половина схоляриума толпилась у двери в подвал, но Иосиф исчез — карцер был пуст.

— Ну так ищите его, — проворчал Штайнер и вышел.

Он был очень зол. Оказавшись на улице, он попытался усмирить свой гнев и успокоиться. Что случилось? Похоже, что убийца воспользовался моментом и утащил студента. Но куда? Штайнер ругал самого себя. Как он мог допустить, чтобы Иосиф Генрих осуществил свой абсурдный план!

Иосиф Генрих пропал. Второго друга у Лаурьена тоже отняли, и он все больше и больше погружался в черную тоску. И постоянно задавал себе вопрос: кому выгодно убрать с дороги Иосифа? Ответ всегда оказывался одним и тем же: убийце. Иосиф, наверное, разговаривал со Штайнером, намекая, что ему кое-что известно о Касалле, поэтому убийца быстро составил план и весьма решительно привел его в исполнение. Но сколько бы Лаурьен ни ломал голову, толку все равно не было, потому что друг не проявил откровенности и не сказал, кого же он подозревает, так что постепенно Лаурьен пришел к выводу, что доверять нельзя никому, потому что виновным в схолариуме может оказаться любой: Ломбарди, бакалавр, сторож, надзиратель, даже приор или кто-то из студентов. Голова шла кругом. Мысль о том, чтобы довериться Штайнеру, он отменил сразу же. Как часто он обращался к людям за советом и потом испытывал горькое разочарование! Нет, он не проронит ни слова, и все пойдет своим чередом, но его друг сгинет где-то и превратится в прах, а тот, на чьей совести эта история, тот будет все так же радоваться жизни.

Она открыла глаза, вокруг было темно. Пахло сырым деревом — наверное, от стен. Она выпрямилась. Последнее, что ей запомнилось, это две руки, которые схватили ее и засунули в мешок. Видимо, ее ударили по голове, но точно она вспомнить не могла. Она ощупала дощатые стены — по всей видимости, ее бросили в чулан. Снаружи ревела буря, где-то журчала вода. Наверное, это римский канал. Или река? Где она? Окна нет, но дверь-то должна быть...

Глаза медленно привыкали к темноте. Вон щель в потолке, через нее светит луна. Софи посмотрела вверх, и ей стало легче. Она прислушалась. Ничего, кроме журчания воды.

Значит, ждать, ждать и ждать, пока он не придет. Наверняка он сейчас сидит в своем схолариуме. Но когда-нибудь же явится на нее посмотреть. Не бросит же ее здесь, чтобы она умерла от голода и жажды? Неужели он лишит ее жизни так же хладнокровно, как лишил жизни Касалла? Она была на правильном пути, но теперь он вывел ее из игры, чтобы спасти свою жалкую плоть...

Раздались приближающиеся шаги. Значит, он все-таки пришел. Решил посмотреть, жива ли она еще. Софи забилась в угол и сделала вид, что спит. На двери, которую в темноте она не заметила, загрохотала щеколда, потом заскрипели засовы, и в помещение проник свет.

Она приоткрыла глаза и разглядела факел, который ветер чуть не затушил, заметила она и странную фигуру, увидела, как дверь закрывают изнутри, и это заставило ее затаить дыхание. Ей с ним не справиться! Она видела его руки: сильные, крепкие. Такой человек может обладать медвежьей силой...

Свет передвинулся в ее сторону, она якобы с трудом открыла глаза. Нужно на него посмотреть. На его лице сияла улыбка, по-девичьи мягкая. Волосы он связал на затылке. Стройное тело с хорошими пропорциями, но словно принадлежащее ребенку. При определенных обстоятельствах этот карлик мог бы стать актером, жонглировал бы шариками или водил медведя. Но он какими-то неведомыми ей путями попал к клирикам и получил хорошее теологическое образование.

— Значит, ты не спишь... Давай решать, как же нам с тобой быть. Я мог бы тебя утопить, как котенка. Или убить одним ударом, как Касалла, а потом бы загадал магистру Штайнеру симпатиченькую загадку, как тебе это?

Она поплотнее закуталась в плащ. Если он понял, что она женщина, то теперь уже

ничего не исправишь. В противном случае можно изобразить раскаявшегося студента...

Похоже, он и сам не знал, как поступить, просто стоял с факелом в руке и смотрел на нее.

— Я не бессердечный убийца, — пробормотал он, — но от этого не легче. Тебе следовало держать рот на замке. Что тебе известно? Что ты наболтал Штайнеру?

Она решила вести себя помягче. Вдруг он обидчивый. Многие уродцы, как и другие униженные люди, легко обижаются, потому что не похожи на остальных. Может быть, ему нужно сочувствие, доброта и нежность... Возможно, ей удастся растопить лед, сковавший его сердце.

— Вы же сами сделали все возможное, чтобы вас узнали. Почему вы не молчали, а загадывали загадки? В глубине души вам хотелось, чтобы вас узнали, так ведь?

Он удивился. Он явно не был готов к тому, что его заставят взглянуть на себя со стороны. Да, следует признать, что студент прав. Он кивнул.

— Это долгая история. Но я до сих пор не получил ответа.

— На эту мысль меня натолкнуло упоминание о квадриуме. Намек на величины. Маленький убивает большого. А потом вы тайно пробирались по схолариуму, а мне ничего не было видно. Но ведь кто-то должен был там ходить, ведь шаги-то было слышно. В рефекториуме есть раздаточное отверстие, ведущее на кухню, которая была закрыта. Только маленький человек, ребенок или карлик, мог через него пролезть и таким образом исчезнуть. Это были вы, так ведь?

— Да, это был я. Я как раз собирался написать ответ магистру Штайнеру, но увидел, как ты крадешься. Ты разрушил мои планы. Что бы там ни было, все есть как оно есть, а мне нужно найти приемлемое решение. Решение, которое устроит нас обоих.

Он изучающе посмотрел на нее. Он не заметил, что она женщина? Наверное, вывалил ее из мешка, как кучу камней, и даже не прикоснулся. А надзиратель ему помогал? Сам он слишком для этого мелок, разве что у него сила великана.

— Вы не собираетесь меня убивать? — спросила она тихо. — Я ведь могу вас уничтожить.

Он улыбнулся ангельской улыбкой:

— В этом городе каждый может уничтожить каждого. Разве ты не знаешь, что Кёльн просто напшигован тайнами? Здесь каждый одной ногой уже на эшафоте, и сами держащие в руках топор ничуть не лучше обвиняемых. Только выдай меня, маленький студент, и тогда в мире станет одной проклятой душой меньше. Но и твоя душа немногого стоит. Души, они вообще всего-навсего маленькие звездочки на небе мечутся и не могут найти покоя. Что случится, если их погасить? Но давай рассуждать. В нашем мире существует всего один способ защититься. Нужно устроить так, чтобы другой стал участником твоей тайны, нужно сделать его сообщником, и тогда на нем окажется та же самая вина, что и на тебе. По-моему, это неплохое решение, тебе не кажется?

Он улыбался. Свет падал на его мягкие волосы и на красивое бледное лицо. Откуда у такого недомерка лицо ангела?

Он приблизился к ней и протянул руку:

— Вставай, давай-ка прямо сейчас и начнем посвящать тебя в тайны моего искусства.

Она встала. Он прошел вперед и открыл дверь, но если раньше она думала, что эта дверь ведет на улицу, то теперь увидела, что чулан выходит в еще одно помещение. Ей в нос сразу же ударил резкий запах каких-то смесей.

Теперь она знала, куда попала. Они в пустом доме позади схоляриума. Значит, именно сюда ходит карлик, когда студенты спят. Но чем он здесь занимается? На низком столике стояли разные приборы, дистиллятор, бутылки, тигель и кружки. Де Сверте сделал еще несколько шагов, вставил факел в держатель на стене и дополнительно зажег масляную лампу.

— Садись. Знаешь, что это такое?

— Вы алхимик? Вы ищете философский камень?

Де Сверте снова засмеялся:

— С помощью которого царь Мидас превращает в золото все подряд. Прекрасная идея.

Да, я занимаюсь алхимией, самой дерзкой из всех наук Ты честолюбив? Я имею в виду, ты хочешь добиться большего, чем просто магистр *artes liberales*? Может быть, ты мечтаешь стать профессором юриспруденции?

— Нет.

— Тогда твое место здесь. Будешь мне ассистировать и тем самым свяжешь себя по рукам и ногам. Днем можешь спокойно учиться дальше, изучая, что именно сказали про алхимию Альбертус Магнус, Бэкон или Аристотель, вдруг пригодится. А по ночам будешь помогать мне, станешь моим сообщником, тогда уж деваться тебе некуда. А поканими с бульона пену.

Софи подошла ближе и зажала нос. На одной из печей стоял горшок в котором бурлила гнойно-желтая слизь. Де Сверте протянул ей ложку, Софи подчерпнула серную пену и переложила ее в другой горшок Де Сверте стоял рядом и ухмылялся.

— Теперь пусть подсохнет. А пока возьми вон ту мандрагору, но осторожно, это очень ценный ингредиент... Если хочешь познать истину, то поможет тебе только алхимия, вот так-то, мой дорогой. Все, чему учат на факультете, это просто болтовня. Неужели можно серьезно рассуждать об отделении воли от познания? Разделить можно только материю, а не конструкт. Видишь, вот эти корни, это материя, и вот этот бульон, из которого мы изготовим миленький такой камешек. Семь свободных искусств... знаешь, чему они подчинены?

Софи покачала головой. По мере того как отвратительная пена во второй емкости подсыхала, вонь становилась просто нестерпимой. Софи почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Серебро соответствует Луне, железо — Марсу, ртуть — Меркурию, цинк — Юпитеру, медь — Венере, свинец — Сатурну и, наконец, золото — Солнцу. Семь металлов, семь планет и семь искусств. Как тебя учили на факультете, какое из искусств какому элементу соответствует и какому небесному телу?

Софи стало дурно, у нее закружилась голова. Она опустилась на скамью и закрыла глаза. Де Сверте засмеялся:

— Да, к этому нужно привыкнуть, здесь немножко попахивает. Но это перестанешь замечать, если знаешь, что идешь по пути истины. Все в этом деле построено на философских принципах, потому что я тоже изучал *artes liberales*, до того как стал приором в этом жалком схоляриуме. Как тебе известно, у Аристотеля написано, что вся материя восходит к четырем элементам: земля, воздух, огонь и вода, которые, в свою очередь, являются праматерией. Меняется только количество составляющих частей, вот почему существует возможность превращать плохие металлы в хорошие, понятно? О, фейерверк получится великолепный, вот только пена высохнет...

Перед глазами у Софи все поплыло, и она потеряла сознание.

— Итак, сегодня мы займемся магией, или, что нравится мне гораздо больше, оккультизмом, как называл это Фома Аквинский, потому что вещи нельзя объяснить, исходя из их элементов.

Охотнее всего Лаурьен слушал лекции о магии. Безусловно, это тема второстепенная, руководство факультета терпело ее, скрипя зубами, хотя научные интересы распространялись и на эту область, что не позволяло игнорировать ее полностью. В конце концов, об оккультизме писали и Аристотель, и Фома. Следовательно, читать об этом тоже нужно. Но если бы Лаурьен надеялся увидеть опыты с газами, ядами и волшебными формулами, то ему пришлось бы испытать разочарование. Тему изучали, опираясь на сухую теорию, в схоластической манере, не признающей практических экспериментов, считая инструментом опыта только и исключительно дух. Что такое оккультизм? Сила, скрывающаяся за вещами? Штайнер стоял за кафедрой и читал отрывок из Фомы. Как магнит притягивает железо? Как исцеляет ревеня? Не должна ли высшая сила увеличивать низшую? Более низкая сила зависит от высшей, подобно тому как растение зависит от солнца, дождя и ветра... Но что это за сила?

Штайнер поднял голову. Один из студентов предположил, что это звезды, то есть сила небесных тел, на что Штайнер благосклонно кивнул и отложил книгу в сторону. А потом прочитал кусочек из Сабита ибн Курры [\[55\]](#), дабы обогатить теоретические сведения практическим примером.

— Как очистить дом от скорпионов?

Те, кто уже знал этот *exemplum* [\[56\]](#), ухмылялись, остальные молча смотрели на магистра.

— Ну что ж, я вам расскажу. Следует изготовить из чистого металла — из меди, серебра или свинца — изображение скорпиона, причем в момент, когда Скорпион находится в точке восхода. А потом на изображении пишут имя знака и зарывают в доме, в котором находится скорпион. Затем нужно сказать: «Таким образом я закапываю и его, и весь его род», так что ему приходится покинуть это место. Можно также сделать четыре рисунка и закопать их во всех четырех углах.

— А можно так изгнать не понравившегося тебе человека? — спросил один студент, и аудитория тихонько засмеялась.

Штайнер пожал плечами. Сила небесных светил велика, она превышает все известные силы. Вероятно, таким образом можно освободиться от целой толпы неприятных людей, но ведь граница между наукой и суеверием очень тонка.

— Мы здесь не для того, чтобы заниматься оккультными опытами, — сказал он строго. — Наша задача — определить форму и выявить границу между серьезным и тем, что создали менее умные головы. Те, кто поклоняется планетам, кто использует мандрагору, лавр, мозг удода и кровь летучей мыши, безусловно относятся ко второй категории. Мы читаем «*De occultis operibus naturae*», чтобы сформировать картину силы небесных светил. Итак, звезды и планеты будут сопровождать вас до самой смерти и определяют вашу судьбу.

Лаурьен испугался. В мысли об этом было что-то чудовищное. Человек не свободен в своих решениях? Разве философы не говорят о свободе человеческой воли? Так где же его свобода, если судьбу навязывают ему Сатурн или Венера? Он поднял руку и задал свой вопрос. Штайнер кивнул. Да, так где же она, свобода? Это то же самое, что день и ночь, счастье и несчастье. Все тот же злосчастный дуализм, не дающий человеку покоя.

— Дело в том, что звезды дают тебе силу для действий, но действовать должен ты сам.

Первое — это принуждение, а второе способно дать тебе необходимую свободу.

Такой ответ не удовлетворил Лаурьена. Даже ссылка на собрание арабских текстов «Picatrix» не помогла.

Как заставить убийцу вернуть друга? Существует ли для этого какая-нибудь оккультная практика? Может быть, следует использовать *exemplum* Штайнера? Или его же, но с какими-то вариациями?

В этот вечер по дороге домой Лаурьену казалось, что его преследует человек с большим острым ножом. Неужели он опустится до подобных трюков? Но, с другой стороны, терять ему все равно нечего, так почему бы не попробовать? Металлическую пластину ему, к сожалению, не достать, хотя для его целей наверное, вполне хватит кусочка холста. Но как тайно, тихо и спокойно, чтобы никто не заметил, осуществить магическое действие? Он, студент *artes liberales*, намеревается экспериментировать, подчиняясь самому низменному человеческому импульсу! Просто смешно! Почему бы сразу не начать колоть иглками тряпчатых кукол! Но он уже не мог отказаться от своей идеи. Почему бы самому не испытать силу звездных тел, почему бы не попробовать изменить судьбу? Помогите мне. Господи! Лаурьен спешил по улицам, ничего не видя вокруг, дождь хлестал ему в лицо, сверкали молнии, как будто самой только мыслью он возмутил звезды. И вдруг перед ним оказалась лавка, где продавали всякие принадлежности для письма. Знак судьбы? Здесь наверняка есть холст, его покупают городские художники.

Внутри пахло пергаментом. За столом стоял мастер.

— А холст у вас есть? — спросил Лаурьен срывающимся голосом.

— Конечно, хороший холст, самый лучший холст. Вот...

Мастер выложил на стол кусок холста.

— Мне нужно совсем немного.

— Для одной картины?

— Нет, нет, — забормотал Лаурьен. — Совсем чуть-чуть, не больше, чем половинка книжной страницы.

Мастер отрезал ему кусочек ткани.

— Но из этого получится только очень маленькая картинка, — пробурчал он и покачал головой, глядя вслед явно смущенному пареньку.

Он сделал вид, что заболел. Резь в желудке, тошнота, головокружение — симптомы, которые могут означать все и ничего. В результате он остался один в больничной комнате. Расположение Венеры было как раз подходящее. Дождавшись темноты, Лаурьен расправил холст на полу. Открыл окно и положил на подоконник сосновую лучину. Аккуратно написал имя друга на холсте, поднес его к окну и зажег лучину. Разгоревшееся светлое пламя провело на холсте полосу, а потом охватило весь кусок, так что Лаурьену пришлось держать руки как можно дальше. В конце концов он выронил обгоревшую ткань, которая медленно опустилась на землю.

— Иосиф Генрих, приди, пожалуйста, в схоляриум на Гереонштрассе в Кёльне, — шептал он.

От огня ткань съежилась, развалилась на части и продолжала тлеть уже на улице.

«Тебя, видимо, покинули все добрые духи, — промелькнуло в голове у Лаурьена, когда он смотрел на тлеющий лоскут. — Что будет от такого колдовства?»

Он взглянул на небо. Оно нависло над ним, черное и тяжелое, звезды сияли, как будто

подмигивали. Успокоившись, поскольку он сделал все, что было в его силах и в силах звезд, Лаурьен лег в постель, надеясь, что его друг уже находится на пути к нему.

На следующее утро появился Иосиф Генрих, но совсем не тот, которого Лаурьен пытался призвать колдовством. Сына кухарки тоже звали Иосиф Генрих. В этот день он принес в схолариум мешок муки. Явно была допущена какая-то ошибка. Неужели на свете столько юношей с таким именем, что даже звезды не знают, кого он имел в виду? Или же это просто смешная случайность, помешавшая его сделке со звездами? Неужели элементарная схожесть имен способна повлиять на столь священный, тайный и магический сговор? Лаурьена охватило предчувствие несчастья. Но даже если это оказался не тот парень, все равно ведь сработало. Колдовство однозначно продемонстрировало свою эффективность, а на это Лаурьен рассчитывал меньше всего. В принципе он хотел только успокоить свою совесть, лишь юношеское любопытство заставило его проверить действенность колдовства. Теперь он считал, что сила звезд подтверждена, а это его весьма и весьма обеспокоило. А если он таким же образом вызовет в схолариум Папу Римского? Неужели тот вдруг появится в прекрасном городе Кёльне как *deus ex machina* ^[57] и соберет Вселенский собор?

Лаурьен потряс головой: осторожно, это принесет несчастье. Ведь все получилось не так, тут есть какая-то загвоздка. То, что можно вот так просто повлиять на судьбу, вовсе не радует. И все-таки этот Иосиф Генрих со своим мешком муки явился, хоть и внушив ему тем самым сильный ужас...

Ломбарди встретил Штайнера в рефекториуме коллегиума за обедом. Им срочно нужно поговорить, речь идет о пропавшем студенте.

Штайнер имел беседу с деканом факультета, который велел тут же обыскать схолариум на Гереонштрассе. Но не нашли ничего, ни малейшего намека на Иосифа Генриха. Постепенно Штайнер впал в беспокойство. Студенты исчезают один за другим. Эти чудеса не позволяли ему сосредоточиться на занятиях. Он боролся с собой и никак не мог решить, следует ли сказать канцлеру правду о приоре. Но все-таки молчал, опасаясь за жизнь студента, который, возможно, попал в руки де Сверте. Но и бездействовать тоже уже было нельзя. Ломбарди требовал перевернуть вверх дном Шпильмансгассе. Но Штайнер подлил масла в огонь, сообщив, что студент, видимо, лгал, потому что там уже опросили всех, кто сдает комнаты, и никто в глаза его не видел. Ломбарди не возразил, сказав, что, возможно, знает, где же на самом деле живет этот студент. Дело в том, что однажды он видел, как тот выходил из дома недалеко от сенного рынка, так что вполне имеет смысл поспрашивать там. Штайнер ухватился за соломинку и, несмотря на страшнейший мороз, вместе с Ломбарди поспешил к сенному рынку, куда как раз сгоняли скот. Небо в этот день было ярко-синим, чуть в стороне от торговой суеты стоял дом, в котором нашла пристанище Софи Касалл. Штайнер с сомнением посмотрел в лицо Ломбарди.

— Здесь? Но ведь тут живет вдова Касалла.

Ломбарди кивнул.

— Не так давно я видел, как Иосиф Генрих выходил через черный ход. Может быть, он тоже снимает здесь комнату...

— Эти люди не сдают комнат студентам, — резко ответил Штайнер.

Они позвонили. Дверь открыла служанка.

— Не сдают ли твои хозяйка комнату какому-нибудь студенту? — Штайнер не стал

ходить вокруг да около.

Девушка испуганно покачала головой:

— Хозяина дома нет, хозяйки тоже...

— Но ведь Софи Касалл живет здесь, правильно?

— Да, господин. Но... как бы вам сказать... она уже... ее уже несколько дней никто не видел.

Она явно смутилась. Видимо, у нее промелькнула какая-то мысль, но она не знала, стоит ли доверяться незнакомцам.

— Не бойся, я магистр Штайнер с факультета. Мы ищем одного пропавшего студента. Ты уверена, что здесь никаких студентов нет?

Она пожала плечами:

— Пару раз я видела, как какой-то студент пробирался в дом через сад... Он приходил к вдове Касалл. Но я никому ничего не сказала. Может быть, хозяевам бы не понравилось...

Штайнер быстро взглянул на Ломбарди. Что за странные встречи? Почему не имеющий средств студент, у которого якобы комната на пользующейся дурной славой Шпильмансгассе, ходит в гости к Софи Касалл?

— Мне бы хотелось осмотреть ее комнату.

Он принял твердое решение. Его не прельщала необходимость без приглашения врываться в чужую комнату, но зачем впутывать в это дело стражников, если у служанки наверняка имеется ключ. Опустив голову, она поднималась по лестнице впереди всех. Бедняжка явно боялась Штайнера. Наверху открыла дверь и отошла в сторону.

Ломбарди раздвинул занавески на окне. Комната озарилась ярким светом. Камин был холодным, похоже, в нем уже давно не разжигали огонь. Широкая кровать, стол с книгами, шкаф, скамья, таз для умывания. Ломбарди не осмеливался разглядывать личные вещи Софи. Ему не нравилось то, что они делают. Если у нее — только предположим, — если у нее что-то есть с этим желторотым птенцом, то какое отношение имеет к этому он, Ломбарди? Но Штайнер рыскал туда-сюда и, судя по всему, не отдавал себе отчета в неприличности происходящего. Или же старался за бурной деятельностью спрятать угрызения совести. Он листал книга и что-то бормотал себе под нос.

— Нам следует уйти, — не выдержал Ломбарди, уже пожалевший, что рассказал о своих наблюдениях.

Штайнер кивнул и положил книгу на место. Но тут же схватил лежащую рядом пачку бумаг и принялся читать:

— «Метафизика» Аристотеля. А здесь «De consolatione philosophiae» Боэция. Ломбарди это ведь записи лекций. Вот, вот ваша лекция, он законспектировал даже ваши комментарии. А здесь... — Он лихорадочно перебирал бумаги. — А вот моя. И Иордануса.

Он замер, держа в руках записи.

— Вы понимаете? Все это наверняка оставил здесь этот студент. Чем они тут занимаются? Он дает ей частные уроки?

Лицо Ломбарди запылало. Он распахнул окно. С рынка донесся крик торговцев и рев животных.

— Она всегда хотела знать всё, — пробормотал он. — Так почему бы студенту с ней не заниматься?

Штайнер задумался, потом вернул бумаги на стол.

— Да, это могло бы многое объяснить, хотя...

Он стал внимательно изучать почерк. Буквы мелкие, с легким наклоном влево. Где-то он уже видел такие... И тут же строчки буквально встали у него перед глазами, он вспомнил. Ломбарди снова закрыл окно.

— Теперь мы можем идти?

— Да, конечно.

Она прошла мимо служанки и попросила не рассказывать Софи Касалл об их визите. Выбравшись на улицу, они расстались: Ломбарди отправился обратно в схоляриум, а Штайнер двинулся в противоположном направлении, в сторону собора.

Канцлер с восковым, бескровным лицом велел придвинуть стул к самому огню. Колени его прикрывало мягкое одеяло из шкурки ягненка. Он смотрел на Штайнера, прислонившегося к двери и как будто не осмеливавшегося окончательно войти в комнату. Чуть ли не шепотом магистр рассказал про визит к Софи Касалл и про обнаруженные там записи, которые, без сомнения, сделаны рукой вдовы Касалла.

— Ну и что, — сказал канцлер слегка раздраженно, — она там живет. И, как нам всем известно, умеет писать.

— Но это записи лекций вместе с комментариями магистров.

Канцлер явно не понимал, к чему он клонит.

— Значит, она переписала конспект студента, — сказал он, крутя на правом пальце кольцо со сверкавшим на солнце сапфиром.

— А если нет?

Канцлер насторожился:

— Не соблаговолите ли вы наконец объяснить, на что вы все время намекаете?

— В общем... — Штайнер подошел ближе к огню, сел напротив канцлера на скамью и подался вперед. — Фигура та же самая, голос слегка изменен, цвет глаз, форма губ... только когда я узнал почерк, я понял, что они очень похожи...

— Похожи? Кто? — Канцлер вытянул руки над огнем.

— Боюсь, что студент и Софи Касалл — это один и тот же человек, — сказал Штайнер.

— Ерунда! — воскликнул канцлер.

— Женщина и студент пропали одновременно. Служанка не видела Софи Касалл с того самого дня, в который из схоляриума был похищен студент.

— Быть такого не может!

Канцлер вскочил со стула. Одеяло соскользнуло на пол. После кровопускания у него кружилась голова, он оперся рукой на стол.

— Вы шутите! Вы хоть отдаете себе отчет, что это значит? Женщина проникла на факультет под чужим именем!

Он разволновался, забегал по комнате.

— Овечка забирается в монастырскую школу и слушает там Боэция? Ужасно!

Штайнер встал:

— Я не знаю, что кроется за исчезновением этого... студента, но то, что он и Софи Касалл — одно и то же лицо, для меня совершенно очевидно, лично у меня нет никаких сомнений. Если она не найдется, тем лучше, а если вдруг объявится, что мы будем делать? В уставе ничего не сказано о том, как поступать в таком случае.

— Нет, — просопел канцлер, — об этом, конечно же, в уставе ничего не сказано, потому что это чушь и ерунда. Абсурд, совершеннейший абсурд. Такая идея может прийти в

голову только безумной женщине. Она ведь должна была пройти собеседование с магистром, а этот осел ничего не заметил. Это были вы?

Штайнер покачал головой:

— Нет, но это можно выяснить. Только какой в этом толк?

— Вы правы. Его ослепила наглость этой женщины. Его не в чем упрекнуть.

— Тут есть еще кое-что, — поколебавшись, сказал Штайнер. — Студент... студентка пришла ко мне и рассказала о подозрении, которое у него... у нее возникло относительно убийцы Касалла, именно поэтому она и хотела спрятаться ночью в схолариуме. Признаюсь, я не очень активно ее отговаривал, поэтому во всем, что произошло впоследствии, есть доля и моей вины...

Канцлер посмотрел на него:

— И вы это допустили?

— Да. То, что она рассказала мне об убийце, звучало вполне убедительно, потому что к тому моменту я и сам начал подозревать этого человека. К сожалению, я не потянул за эту веревочку...

— Она вам сказала, кого подозревает?

Штайнер кивнул:

— Да, но вы же прекрасно всё понимаете. Опасно выдвигать обвинения, если нет доказательств. Многие попадают к судье, а иногда и в лапы смерти только потому, что ходило слишком много пересудов. Потому я колебался, но боюсь, что чересчур затянул со своими колебаниями...

— Так назовите же имя предполагаемого преступника.

— Мариус де Сверте.

Канцлер открыл рот:

— Приор схолариума? Вы шутите...

— Боюсь, что не шучу. Мне бы хотелось, чтобы в схолариуме был произведен еще один обыск. Все крутится вокруг схолариума. Ведь должен он ее, в конце концов, где-то держать.

Канцлер долго молчал, тщательно складывая упавшее на пол одеяло и пристраивая его на спинку стула.

— Вы должны были поставить меня в известность раньше, — упрекнул он. — Если с ней что-то случится, разразится скандал. Хотя скандал разразится в любом случае, потому что это женщина...

Сказать Штайнеру было нечего. Канцлер кивнул, давая понять, что он может идти. Магистр попрощался.

Канцлер снова опустился на стул и укрыл ноги одеялом. Огонь в камине постепенно погас, и в комнате сразу же стало очень холодно. Если он посидит здесь еще немного, то превратится в сосульку. Можно позвонить, попросить снова разжечь огонь, но уж больно лень. Женщина в мужском платье на факультете! Скоро на кафедру начнут залезать кошки, вот уж они напроповедуют! О земном рае, где прямо в рот прыгают мыши, где текут молочные реки, а густые озера наполнены жирной сметаной. Берегите начало, иначе не сможете справиться с концом. А все оттого, что в монастырях женщинам дают книги, чтобы они могли читать. Зачем им знания?

Канцлер потер руки, которые замерзли все больше и сгибались все хуже. Все-таки ему придется встать... Он слышал о француженке, которая сочиняет книги о смысле женской жизни и о женских мечтах и чаяниях. Как там ее зовут?.. Ах да, Пизан или что-то в этом

роде. Особенно ему рассказывали про одну книгу, там описан женский город, в котором все устроено так, как нравится женщинам. А уж он-то хорошо себе представлял, чем там занимаются. Шляются и кутят, читают книги и зачинают детей. И дьявол знает что еще. От этих мыслей у него просто кровь стыла в жилах. В своих университетах они изучают труды философов. А может быть, сразу же и рвут эти самые книги, кто знает? А тут еще нате вам! Женщина, обманом проникшая на факультет и решившая, что может разгуливать по городу в мужском платье. Стоит представить себе это, и желудок выворачивается наизнанку. Но за размышлениями канцлера скрывалось еще одно чувство. Не начало ли это конца? Конечно, одна ослепленная грешница еще не толпа, но не начали ли женщины постепенно пролезать всюду, куда их не просят? В каждую щель, в каждый закуток общественной жизни? Не вселилась ли в них такая идея, не решили ли они штурмовать последние оплоты? А что, если однажды они и на самом деле ворвутся на факультеты? Подобно паразиту, который, как омела, виснет на деревьях, высасывая из них соки, пока наконец они, полностью обессиленные и больные, не рухнут во время первой же бури. Это их мир, мир мужчин. Бог создал его, чтобы мужчина его возделывал. Чтобы строил его по своим представлениям, словно собор. Женщинам не под силу возвести второй кельнский собор. Да и вообще, как должен выглядеть мир, обустроенный женщинами? Дети стали бы там императорами, бегали бы в горностаевых плащиках. Кошки спали бы в постелях, а философия, словно привидение, скрылась бы в сундуках. Ведь разве кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы женщина высказала хоть одну здравую мысль? А эта пробралась на лекции, да еще и записи вела! Наверняка это от высокомерия, потому что ни одна женщина не пошла бы на такое из-за жажды знаний.

Теперь канцлер вспомнил еще и о том, что Касалл все время жаловался на страсть жены к чтению. Ну конечно, вот и причина всех неприятностей. Только уже слишком поздно, женщинам давно позволили вкусить от плода духовной работы мужчин. И теперь они сидят по монастырям, читают, пишут и создают свои собственные труды. Творец Небесный!.. Канцлер медленно встал. Холод мучал больше, чем голод и жажда. Все равно уже поздно. Слишком поздно, теперь уже сие непотребное развитие вспять не повернуть. Даже сам Папа не воспротивился, позволил давать им книги, да еще и отмечать основные главы. Женщины подобны волку, пробравшемуся в стадо овец. Канцлер позвонил. Да, однажды они явятся на факультеты, а потом еще и полезут на кафедру, и больше того — это напугало его до смерти — станут магистрами, и мужчинам придется почтительно внимать их словам. Появившаяся служанка опустилась на колени перед камином, чтобы подложить дров и разжечь огонь.

Вытянув руки над скачущими искрами, он слегка успокоился. По комнате постепенно расходилось приятное тепло. Пока еще можно кое-что предпринять. Пока еще можно не позволить им читать и писать. Но он чувствовал, что это глас вопиющего в пустыне. Даже если епископы и сам Папа не имеют ничего против того, чтобы женщины изучали тривиум во славу Божию, то как же может воспрепятствовать этому он, в принципе бессильный канцлер одного из факультетов? Он напишет письма властям предержавшим и выступит за немедленное усмирение духовной активности женщин! Он устало опустился на стул. Они над ним посмеются. Они не видят опасности. С широко открытыми глазами несутся они навстречу своей гибели.

Но они не знают того, что знает он. Что на одном из факультетов сидела переодетая женщина. Поэтому следует задокументировать этот пример и сунуть им под нос, пусть сами увидят, какие последствия влечет за собой подобное попустительство. Но сначала нужно

заполучить эту женщину. И устроить над ней процесс. Громкий процесс, о котором заговорит весь мир. Который раскроет им глаза. Тогда они изменят свою политику и будут не только жечь на кострах ведьм, но и запретят подобные новшества. Эй, мужчины, уничтожьте город женщин! Разружьте женские монастыри, пока еще не поздно! Аминь.

Он и сам не заметил, что молитвенно сложил руки. А потом в изнеможении откинулся назад. Нет, так не получится. Исключения, когда женщины по ошибке попадали на факультет, были всегда, их терпели наивные магистры и добросердечные канцлеры, не принимающие никаких мер, потому что, естественно, женщины тоже вносят плату за обучение. Нет причины бояться. Вероятно, он видит все в чересчур мрачном свете, он неверно оценивает масштабы происходящего. Никто его не поблагодарит, если он организует травлю этой женщины. Над ней будет процесс, потому что, в конце концов, недопустимо приносить клятву под чужим именем, нельзя записываться на факультет под чужим именем, но решение навряд ли будет носить принципиальный характер. В конечном итоге он может остаться один, потому что никто не оценит занимаемую им позицию.

Он посмотрел на пляшущий огонь и поправил на ногах одеяло.

Она была не похожа на других шлюх этого города. Таких как она называли тайными развратницами. Несвободная, бездетная, муж постоянно в разъездах — занят важными делами и колесит по всей империи. Ломбарди набросил на плечи плащ, на голову натянул нелепую шляпу и быстрым шагом направился в сторону ее дома. Все равно когда-нибудь она попадется, и тогда ее дело плохо. Но ему-то какая разница — он просто мужчина, посещающий проститутку, на остальное ему плевать. Правда, на этот раз он шел не за этим, он должен был кое-что узнать. Ее тело было ему известно не хуже, чем учение о категориях Аристотеля: не осталось ни одного сантиметра, который бы он не изучил, тыркаясь в него, словно корова на пастбище.

Она уже ждала. Он ей нравился, потому что был симпатичным, умным и молодым. Она вообще принимала только молодых и умных мужчин. Когда он пришел, она сидела на кровати и смотрела на капли дождя за окном. Он скинул плащ, провел рукой по мокрым волосам.

— Где она?

— Кто?

— Софи.

Она посмотрела на него искоса. С чего он вдруг заговорил про Софи?

— Откуда мне знать?

— Она твоя подруга.

Гризельдис откинулась на мягкую, пахнущую лавандой ткань и протянула к нему руки.

— Иди ко мне, мой хороший.

— Сегодня мы были у нее в комнате. Видимо, она отсутствует уже несколько дней. И почему-то встречается со студентом. Что тебе известно?

Она тут же выпрямилась и насторожилась:

— Она встречается со студентом?

— Я думал, у него комната в том же доме, но эти люди не сдают комнат студентам. Значит, он приходит к ней; следовательно, они встречаются.

Постепенно до нее дошло, что он считает, будто Софи и студент — два разных человека. Это, конечно, лучше. И все-таки опасно.

— Я давно не видела Софи, — сказала она осторожно, хотя это вполне соответствовало действительности.

— Один из студентов разнохивал в схолариуме. Его поймали и посадили в карцер. А на следующий день он бесследно исчез. Именно тот студент, который ходил к Софи.

Гризельдис понадобилось время, чтобы уяснить, что к чему. В схолариуме была Софи, а никакой не студент, исчезла Софи, что объясняет, почему она не показывается вот уже несколько дней.

— Так что же случилось с этим студентом? — тихо спросила она.

— Понятия не имею. Сейчас я хочу узнать только одно: что у Софи общего с этим человеком?

«Да уж, история весьма забавная, — подумала Гризельдис. — Они ищут Софи и студента, но могут найти только одного из них, хотя им явно нужны оба. Они думают, что уронили две монеты, а на самом деле это только две стороны одной и той же монеты».

— Я ничего не знаю про студента, который якобы ходил к Софи. Поверь мне, я говорю правду. В отличие от тебя, ведь ты мне правды не говоришь. Ты в нее влюблен, или я ошибаюсь? Я заметила, когда мы с тобой развлекались в той вшивой каморке... Ах, мой дорогой, ты ужасно ревнив, тебе не нравится, что к ней ходит другой.

Да, об этом он тоже успел подумать, но еще он страшно беспокоился. Почему ее уже несколько дней нет дома? Камин остыл. Не сбежала ли она с этим недоноском? Не может быть, ведь он сидел в карцере и исчез уже оттуда. В голове у Ломбарди все перемешалось. Гризельдис права, его охватило до сих пор неизведанное чувство влюбленности, нежной и юной. Она понравилась ему с первого взгляда, как только Касалл их познакомил. Но мечтать о замужней женщине смысла не было, тем более о жене своего коллеги. В ней чувствовалась некая резвость, как у маленького щеночка, что-то бурное и веселое. Как будто она не воспринимает мир всерьез. А потом Касалл разрушил ее резвость, и он, Ломбарди, молча принял это изменение к сведению. Зато ведь теперь, когда она свободна, можно начать новую жизнь. Но беда в том, что он признался ей в грехах своей молодости поэтому лучше обо всем забыть. У него в голове крутилось воспоминание о той ночи в трактире у старого рва, похожее на перекатывающуюся на языке каплю хорошего вина.

— Ты волнуешься? — Гризельдис соскочила с кровати и ласково его обняла. — Она объявится, не переживай.

Он кивнул. Да, она когда-нибудь вернется, но для него это уже не играет роли, потому что он потерял ее навсегда.

Мариус де Сверте оказался очень талантливым алхимиком. И вообще природа наделила его большими духовными дарованиями. Язвительный и насмешливый, в конvente он отличался своим острым умом. Пока остальные пытались найти путь от материнского молока к женским губам, он уже занимался поиском возможности компенсировать свое телесное уродство. Он прилежно учился, как и положено карлику, но про себя смеялся, когда они пытались отделить от вещи ее цвет, который якобы должен быть идеей, способной существовать самостоятельно. Даже если это и так — кто его знает, — какое отношение это может иметь к бесконечности его страданий? Он воспринимал себя представителем всех, кто пришел в этот мир в буквальном смысле недомерком. Он воздвигнет им памятник, доведя абсурдное ad absurdum [\[58\]](#). А еще он был гениальным знатоком душ. В самых темных уголках человеческих ощущений он ориентировался так же хорошо, как в герменевтике [\[59\]](#).

Он сделает этого студента своим союзником, это оптимальный способ обеспечить собственную безопасность. Союзники связаны одной веревкой, они не могут разойтись, иначе эта веревка петель затянется на их шеях. Он заставит его работать, не разгибая спины, так что у него язык будет вываливаться наружу, и это лучше, чем самая прекрасная смерть. Де Сверте ненавидел насилие, которое ему частенько доводилось испытывать на собственной шкуре. С Касаллом было совсем иначе. Кому захочется переносить с места на место старое узловатое дерево... А вот нежный саженец, только что выбравшийся из семени и пустивший ростки, — его можно посадить куда угодно, он наверняка расцветет пышным цветом. Возможно, новая точка зрения окажется гораздо лучше. Они приступят к работе прямо сегодня вечером. Сера собрана, ртуть готова.

— Рассматривай это как продолжение занятий. Ведь Штайнер тоже обучает вас астрономии и оккультизму. Но собственно оккультизм — это то, как философы обходятся с человеком: разрывают его на куски, разрубая, режут. Я всегда относился к нему с ненавистью, а вот Касалл, тот являлся замечательным представителем подобных умонастроений.

Де Сверте стоял перед печью и толк в ступке сухую серу. Потом добавил туда несколько размолотых кусков мандрагоры и ссыпал все это в тигель. В помещении стояла страшная вонь, а так как занавески на окнах были задернуты, запах не выветривался. Софи, слегка подкрепившаяся супом, который налил ей карлик, устроилась рядом и следила за странной процедурой. В наблюдении за его работой было что-то притягательное, она не могла сдержать некоторого любопытства. Что же у него получится? Золото? Серебро? Мечта всех алхимиков. Ей пришлось заклинать семь планет и металлов. Сама она восприняла происходящее как дурацкий спектакль, но приор настоял. Он считал, что таким образом втянул ее в свою орбиту и в орбиту небесных тел.

Ночь близилась к концу, и тигель снова был поставлен на печь. Возвращенный на огонь бульон тихонько бурлил. Де Сверте наслаждался вином. Софи он тоже угостил и, казалось, был доволен собой и сложившейся ситуацией. И он был прав: сделав ее своей сообщницей, он возложил на нее часть своей вины, потому что в такие времена достаточно малейшего намека, да даже одного только подозрения, чтобы за дело взялось правосудие. Свободным не мог чувствовать себя никто, к тому же де Сверте работал в области, на которую инквизиция обращала свое пристальное внимание. Если в его занятиях будет обнаружена хоть крупица ереси и черной магии, хоть легчайший отголосок демонической природы — считай, он мертв.

В печи трещал яркий огонь, пахнувший серой. Неужели приор не боится, что кто-нибудь заметит поднимающийся из трубы желтый дым? Нет, похоже, этому карлику страх неведом. Ведь до сих пор никто, кроме нее, его не обнаружил, потому что дом расположен на отшибе, по ночам здесь никто не ходит.

Если бы не запах, ей было бы почти уютно сидеть и смотреть в блестящие глаза гнома, в которых отражался огонь, попить эбербахское вино и ждать, что получится из кипящего на печи бульона.

— Зачем вы убили Касалла? — Этот вопрос жег ей душу, но до сих пор она не видела возможности его задать. Может быть, подходящий момент наступил. Он чувствовал себя в безопасности, сделал ее своей сообщницей и восседал на своем собственноручно сработанном из самодовольства троне.

— А ты как думаешь? А? Ведь все очень просто. Он знал про мои опыты. Как-то, видимо случайно, Касалл наткнулся на ход из схоластики. И однажды ночью вдруг постучал в дверь. О, я ненавидел его еще и раньше, ведь он почитал свою схоластику, как другие почитают Пресвятую Деву. Всю свою жизнь он носился со своими никчемными мыслишками, выпячивая их, как это обычно делается на факультетах.

Карлик встал и склонился над сосудом. Видимо, у него абсолютно бесчувственный нос, потому что, судя по всему, ему нисколько не мешали пары, поднимающиеся у самого его лица, он их вдыхал, как вдыхают горячие пары ромашки.

А потом он повернулся к ней. Ее смущало его прекрасное, чуть ли не детское лицо.

— Я тебе всё объясню, Иосиф Генрих. Критические голоса, пытавшиеся сместить методику факультета в правильное русло, звучали всегда. Ты читал тексты Платона? Глубокие, как пропасть, беседы Сократа и Теэтета? Один умен, этот вопрошающий, который ничего не знает и знать ничего не хочет, потому что знать нечего, а второй — чистый теоретик. Если начинаешь потрошить человека, словно это корова, предназначенная тебе на обед, то разрушаешь его цельность. А ведь человек — это единое целое, Иосиф Генрих Разум, сердце и душа, познание и воля, он вещь и он же — идея. В нем собрано все. Только посмотри на врачей и цирюльников — трудно себе представить что-либо более беспомощное. У человека, например, непрекращающийся кашель, и, скажу я тебе, в том, что он хочет его сохранить, есть смысл, потому что он сердцем чувствует, что лучше жить с кашлем, чем с женщиной, которая его постоянно обманывает. Конечно, у него нет выбора, он не может самостоятельно решить, что ему лучше, первое или второе, кашель приходит, точно так же как жена уходит к любовнику, но что же делает — если вернуться к нашему исходному пункту, — что делает врач? Он советует принимать снадобье и ставит диагноз: больные легкие. Видишь ли, это все оттого, что он считает, будто легкие не входят в совокупность. Он бы с готовностью их вырезал, если бы при этом не развалилась грудная клетка, но подумай разве это нормальный способ рассмотрения вещей?

— Почему вы убили Касалла? — Софи не хотела быть втянутой в теоретический диспут. «Только не дать ему сбиться с мысли! Он не хочет откровенничать, но мне нужно знать, как это произошло. Тогда я смогу решить, что мне делать», — билось у нее в голове.

— Касалл был ярким противником этой философии и сводил на нет все усилия направить корабль науки в другую сторону. Он был безумцем, считал, что пониманию доступно все, потому что он все размалывал, растирал и разваливал с помощью своей логики, так же как это делаете вы, наученный вашими магистрами. Но в действительности проанализировать, понять и разделить можно только настоящую материю. Металлы, растения, элементы. В этом истина и возможность действительно разобраться хоть в чем-то. Не с помощью этих ваших диспутов, горюдя одну на другую тысячи конструкций, которых никто никогда не видел. Безусловно, официально я всегда рьяно отстаивал учение Фомы, чтобы не вызывать ненужных подозрений, но на самом деле для меня существует только магия. То, что меня обнаружил Касалл, было случайностью, просто не повезло. Да, он нашел этот дом, и я ни капли не сомневался, что заставить его молчать невозможно. Я не мог сделать его своим сообщником, потому что у него холодная, зачерствевшая душа. О да, он был пожирателем падали, питавшим свое высокомерие чужими слабостями, — так коршун насыщается только в том случае, когда другие животные находят свою смерть.

Я пылко просил его сохранить тайну, но он с презрением заявил, что донесет на меня, потому что я занимаюсь черной магией. Тогда я письмом заманил его на Марцелленштрассе,

положил в траву золотой самородок, а когда он наклонился, выскочил из-за дерева и стукнул его по черепу тяжелой глиняной кружкой. А потом спрятал его под бузину, подождал, пока пройдет золотарь, который в это время всегда ходит со своей тележкой по Марцелленштрассе, выволок труп и перетащил через дорогу к дому Штайнера, потому что, как мне было известно, тот все еще сидел вместе с остальными в пивной. Части одежды я разложил на дороге. Когда все было готово, я начал кричать, как будто за мной гнался сам дьявол, и сбежал. Вот так все это было...

На мгновение он закрыл глаза. Софи чувствовала бесконечное сострадание к этому измученному маленькому человеку, который пережил то же самое, что и она, ведь Касалл ее тоже обижал и тоже причинял ей боль. Родственная душа. Те же страдания, те же мечты, та же боль. И точно такая же радость оттого, что наконец-то сгинул с лица земли он, их мучитель.

— Я знаю, ты этого не поймешь, — пробормотал каноник и открыл глаза.

«Неправда, я тебя понимаю. Ты милый, доведенный до отчаяния карлик, я хорошо представляю, что ты испытал, со мной тоже так было. Но сейчас ты мой мучитель, а я твоя пленница. Как выбраться из этой западни?» — пронеслось в голове у Софи. Ей хотелось рассказать ему о своих чувствах, но это было абсолютно невозможно.

— Я вложил в книгу загадку, чтобы доказать им, что они совсем не так хитры, как им кажется. Да, я проявил высокомерие, неугодное Богу, но вот что я тебе скажу: так как в действительности существует только материя, то наше представление о Боге — это иллюзия. Если Бог есть, то он имеет конкретный образ. Может быть, он дерево или цветок, но узнать это нам не дано... А сейчас пора спать, — сказал он и указал на приготовленное для нее ложе. — Ты останешься у меня на неделю, за это время я дам тебе нужные навыки. Потом можешь возвращаться на факультет. А по вечерам будешь приходить сюда, мы займемся изучением элементов и заодно посмотрим, как их можно использовать.

Новый магистр, приземистый бородатый австриец из Венского университета, прибыл вовремя, как раз на многочисленное собрание капитула. Говорили, что по своим взглядам он близок к традиционалистам, но де Сверте этот факт был абсолютно безразличен, потому что ему не нравились ни те ни другие. Ему было важно, что теперь у него в схолариуме два магистра и библиотека с несколькими важными книгами, он подумывал о третьей спальне, которая даст возможность принимать еще больше студентов.

Собрание капитула проводилось в рефекториуме, который перед этим как следует протопили, чтобы поднять настроение присутствующим, потому что речь шла о выявлении ошибок и неудач года минувшего — их следовало выставить на всеобщее обозрение. Ломбарди ненавидел эти собрания, считая их примитивнейшим доношением, но де Сверте ежегодно получал от них огромное удовольствие. Венец с красивым именем Ангелиус Брозюс временно оставил свое мнение при себе, да и во всем остальном тоже был весьма сдержан и открывал рот только в том случае, когда к нему обращались. Оба магистра сидели во главе стола, на скамьях по обе стороны от них теснились студенты. Руководивший собранием де Сверте устроился напротив. Неожиданно распахнулась дверь и появился Штайнер. С извиняющейся улыбкой он сел возле Ломбарди, тем самым дав понять, что собирается присутствовать на собрании. Приор не смог скрыть некоторого удивления, потому что Штайнер не жил в схолариуме, но все-таки кивнул головой и снова повернулся к студентам.

Штайнер не собирался вмешиваться в разговор. Он только хотел понаблюдать за карликом. Если он действительно убил Касалла и похитил студента, то, возможно, это как-то проявится в его поведении. Что-нибудь обязательно его выдаст. У Штайнера оставалось не так много времени. Сегодня вечером канцлер пришлет своих людей, они снова обыщут схолариум, а до этого момента ему нужно раздобыть доказательства, подтверждающие его подозрения.

Что такое собрание капитула, Лаурьену, конечно, рассказали заранее, но об этом он почти не думал, потому что понятия не имел, какое это может иметь к нему отношение.

Когда все собрались, он сообразил, что пришел совершенно неподготовленным. Он все сильнее вжимался в скамью, ему очень хотелось закрыть глаза. Оказалось, что сие мероприятие не предназначено для нежных умов, скорее оно рассчитано на тех, кто давно обжегся и считает себя достаточно закаленным, чтобы участвовать в подобном ритуале.

Выступали все по очереди. Первый студент сообщил о ночных вылазках в дома разврата. Туда навевались тот-то и тот-то, де Сверте записал все имена. Обвиняемые понурили головы, но на их лицах мелькнула ухмылка. Посещение подобных заведений влекло за собой наказание, но зато придавало виновным совсем иной, солидный статус. Выведенные на чистую воду получили от приора два дня карцера, а явно довольный собой предатель — благодарный взгляд. Второй оратор поведал, что некий студент проигнорировал исповедь, вместо которой ходил в город и глазел на фокусников, актеров и укротителей диких зверей. Де Сверте задумался. Два дня карцера за самовольную прогулку по городу — это слишком много, а вот за пропуск исповеди, пожалуй, маловато. Решение о наказании пришлось временно отложить.

Ломбарди откинулся назад и смотрел на яркое пламя. Комната уже наполнилась дымом, который, поскольку ему некуда было деваться, ел глаза и раздражал легкие Ломбарди поймал добродушно-отеческий взгляд Брозиуса. Он согласен с таким способом воспитания? Хотя в Вене, как и в Кёльне, и в других университетских городах, такие собрания проводятся регулярно. Ломбарди перестал слушать. Ему было жалко только тех, кто не осмеливался заниматься доношением, хотя за это и полагалась награда. Перевернутый мир. Фразы пролетали мимо его ушей, как легкие порывы ветра, он переключился на треск поленьев и стоящее перед ним пиво.

Случайно его взгляд упал на испуганное лицо Лаурьена. Тот смотрел на него, как будто моля о прощении. На такое Ломбарди не рассчитывал. Да и с чего бы? Против теней духа ему все равно не вооружиться, а как раз они-то и собирались стать его злым гением.

Один из студентов, деливший спальню с Лаурьеном, неожиданно поднял вверх палец. Ему тоже бросилось в глаза кое-что, о чем он хотел бы поведать собравшимся. Возможно, он просто решил доставить удовольствие де Сверте, потому что чем больше имен оказывалось у того списке, тем с большим удовольствием он поглаживал свою маленькую бородку.

— Лаурьен разговаривает во сне, — заявил студент.

Де Сверте поднял глаза от своих бумаг, только что украшенных еще одним именем.

— Ага, значит, он разговаривает во сне? И что же он рассказывает? Есть что-то серьезное, о чем стоило бы поведать нашему собранию?

Ломбарди смотрел на Лаурьена, который, застыв от испуга, перестал понимать, на каком он свете.

— Он говорит про... про монахинь. Про монахинь на алтаре. О связанных монахинях. И о священнике...

Студент понизил голос, как будто не мог назвать словами то ужасное, о чем пытался сообщить:

— А еще он говорил про Ломбарди. Я не все разобрал, но он говорил про монахинь, которые связанными лежали на алтаре.

Де Сверте, окончательно взбодрившийся, наклонился вперед:

— А другие тоже это слышали? Я думаю, если он говорил громко и отчетливо, значит, остальные тоже не могли не услышать.

Робко поднялись три руки. Здесь полагалось проявлять солидарность с соседом. Да, они все слышали, как он бормочет во сне. Что он бормотал про связанных монахинь на алтаре? Чем они там занимались?

— Сны, — тихо произнес де Сверте, задумчиво крутя перо, — есть тени души. Кто посылает нам сны? Бог? Дьявол? В древние времена сны считались пророчествами, но сегодня?.. Не являются ли они ночным отражением нашей дневной жизни?

Его взгляд медленно переместился на Лаурьена, который теперь растерянно смотрел на него.

— Так откуда же у тебя такие сны? С чего это ты вдруг рассказываешь по ночам подобные ужасы?

— Не знаю, — выдавил из себя Лаурьен.

— С тобой такое было, так ведь?

— Нет!

Этот отчаянный вопль пронзил Ломбарди насквозь.

— А что думаете вы, господин магистр? — карлик повернулся к Брозиусу. — Как вы полагаете, в данном случае речь идет о видимости или о том, что было на самом деле? Как бы вы поступили на моем месте?

Брозиус добродушно посмотрел на карлика, он сохранял невозмутимость, как будто все только что рассказанное студентом не играет ровным счетом никакой роли. Ну, как если бы Лаурьену приснилась огромная бочка пива.

— О, однажды я видел во сне зверя с пятью ногами и хвостом длиной восемьдесят футов, он был покрыт шерстью и с удовольствием плавал в море. Как вы думаете, уважаемый приор, в данном случае речь тоже шла о том, что было на самом деле?

— Конечно нет, — презрительно проворчал каноник. — Но это совсем не значит, что такого зверя не может быть вообще. Скажем, теоретически.

— Безусловно, — с улыбкой возразил Брозиус. — Идея подобного зверя вполне возможна, так что мыслится, что такой зверь где-то в мире и существует. Но лично я никогда его не видел, он мне просто приснился. Мне кажется, у нашего юного друга множество диких фантазий, если вы понимаете, что я имею в виду. Молодой человек должен научиться держать их под контролем, и я полагаю, что сон как таковой — прекрасная для этого возможность.

Де Сверте скорчил кислую физиономию:

— Давайте на том и остановимся, — проворчал он и поспешил закончить собрание. Он почувствовал, что Лаурьен и Ломбарди обмениваются за его спиной взглядами, и резко обернулся. Да, они смотрели друг на друга с таким облегчением, что он убедился в своей правоте. Этот сон не являлся результатом диких фантазий, его основой послужила та ужасная история, о которой он уже давно знал.

Штайнер встал, вышел, не попрощавшись, и отправился к канцлеру.

Они решили сматывать удочки. Дом уже не казался им достаточно надежным. Хотя они и вели себя крайне осторожно, все равно в Кёльне про них ходило очень много слухов.

Ломбарди обрадовался этой новости. Он пришел рассказать, что студент тяжело заболел и уехал из города. Ему дали выпить. Сладкого вина, украденного в гавани или купленного у таможенника. Они праздновали свой отъезд; где-то возле Лимбурга найден заброшенный монастырь. Рядом с Найдхардом восседала Береника, его женщина, с которой Ломбарди познакомился еще в те времена. «Слишком высокородное имя для такой вшивой бабенки», — подумал он, хотя манеры Береники даже нравились мужчинам.

Этой безлунной ночью они отправятся в путь. Охраннику у восточных ворот обещана куча денег, чтобы он их выпустил. Но пока еще они были здесь, сидели у огня и получали чисто языческое удовольствие, накачивая Ломбарди хорошим вином. К нему на колени села рыжеволосая Береника с карими глазами, в обтягивающем бедра одеянии, которое трудно было назвать платьем. Теперь, когда он знал, что они уходят, и когда избежал неприятностей благодаря Брозиусу — пусть за это Бог обеспечит ему теплое местечко на небесах, — ему было хорошо. Он так возбудился, что даже не заметил, как вино развязало ему язык и руки, принявшиеся теревить пояс Береники. Они подсунули ему какое-то дьявольское зелье, имеющее привкус сладких ягод, оно проникало в кровь так же быстро, как дьявол в бедную душу. Через полчаса у него отяжелели ноги.

— Завтра меня здесь уже не будет, — проворковала ему в ухо Береника. — Через пару часов мы отправляемся в путь. Как ты думаешь...

Он хотел знать, что они сделали с Домицианом. Они могли сколько угодно уверять, что невиновны, он бы не поверил им никогда в жизни.

— Скажи мне, ты же знаешь. Вы все здесь знаете. Я ведь не могу вас выдать, вы же слуги дьявола, особенно ты... ты настоящая дьяволица.

В углу валялся соломенный тюфяк, покрытый шкурами; она затащила его туда и накрыла своим телом.

— Ты хочешь знать? На самом деле ничего интересного. Он подсматривал за нами, потом подошел, решив присоединиться. Он был пьян, боже, как он был пьян, Найдхарду не составило никакого труда...

«Меня вы тоже напоили, мне нужно домой. Вы все убийцы», — крутилось у него в голове. Его тело сдавили горы плоти — господи, до чего же она тяжелая! Она хихикала и стонала, пытаясь привести его в известное состояние. Он с трудом освободился.

— Я не хочу больше вас видеть, никогда в жизни, — с трудом выговорил он и, покачиваясь, встал. Они, хоть и с недовольными ухмылками, позволили ему уйти.

В схоляриум он шел мимо сеного рынка. В окне Софи было темно. Странно, к дому кралась какая-то фигура в развевающемся плаще. Остановилась и явно посмотрела на то же самое окно. Ломбарди не мог разглядеть как следует, но ему показалось, что под плащом он заметил сутану, а на голове — тонзуру, окруженную пучками непокорных волос. Он подошел ближе.

— Кто здесь живет?

Человек вздрогнул и уставился на него:

— Вы кто?

Ломбарди улыбнулся:

— Вы любовник вдовы? Ведь мы наверняка имеем в виду одно и то же окно.

— Упаси Боже, — пробормотал монах, изучая плащ Ломбарди. — Ведь вы магистр факультета. Значит, вам все известно?

— О чем?

— Неслыханная история. Случай для факультетского суда. Женщина проникла на факультет под чужим именем. Но ведь когда-нибудь должна же она вернуться, если, конечно, еще жива...

Сначала Ломбарди ничего не понял. Что он несет? Какая женщина проникла на факультет? И вдруг до него дошло. Он тут же вспомнил разговор с Софи. О чем она тогда спросила? Нет ли у женщины возможности учиться на факультете...

У него с глаз как пелена спала: Софи и студент — один и тот же человек! Именно ее лицо он постоянно видел перед собой во время лекций. Студент, выходявший через заднюю дверь, — это она сама и была!

— Вы из суда? Что вы с ней сделаете, если она вернется?

— Меня послал канцлер. Что он собирается делать, если она вернется, мне неизвестно. Знаю только, что это надругательство над Господом. Надо же, устроиться на факультет... в мужском платье... Нехорошее это дело.

Итак, человек оказался шпионом факультета, у которого везде свои глаза и уши. Этот шпион даже хуже, чем притаившаяся перед мышиной норой кошка. Он будет караулить здесь день и ночь, дрожа от холода, только чтобы заполучить для своего канцлера эту заслуживавшую проклятие женщину и заковать ее в цепи.

— Тогда желаю вам приятной ночи, брат, — пробормотал Ломбарди и оставил собеседника в одиночестве.

Де Сверте работал со всем, что щедро предоставила ему природа. Здесь были ртуть, сера, фосфор, калий, кремний плюс разные кислоты, соли и некоторые соединения, способные взаимодействовать с элементами. Для работы у него имелись тигли и горшки, некоторые уже насквозь прожженные, они лежали на небольшом возвышении в углу, потому что де Сверте не хотел ничего выкидывать, чтобы не подвергать себя опасности. Его могла выдать малейшая оплошность. От этого дома луга простирались чуть ли не до церкви Святого Гереона, рядом с которой была мрачная дыра, где собирались люди вроде него, когда судьи и церковные законники считали это целесообразным. Магия являлась чем-то двойственным даже для тех, кто должен был участвовать в связанных с нею судебных заседаниях. Потому что, с одной стороны, оккультизм считался чрезвычайно серьезной наукой, которой занимались именитые ученые, но, с другой стороны, он очень быстро подпадал под подозрение, потому что был сопряжен с черной магией. Границы были весьма зыбкими. Курия запретила своим овечкам заниматься алхимическим колдовством, но ее не больно-то послушали, хотя большинство алхимиков являлись детьми церкви.

Де Сверте учил Софи объединять противоположности, знакомил с учением о четырех элементах, о четырех темпераментах, о триаде философов-герметиков [\[60\]](#), ступенях преобразования и круге символов. Она узнала, что знакам зодиака подчинены части человеческого тела. Их, в свою очередь, можно сделать символами герметических процессов. Так, каждый знак зодиака связан с совершенно конкретным процессом, который должен осуществлять алхимик. Он превращал в золу, растворял, сублимировал, ферментировал, подвергал субстанцию воздействию тепла, разделял, увеличивал, заставлял замереть, дистиллировал, размягчал и в конце концов соединял. Он тем или иным способом

проверял каждую субстанцию и все равно никак не мог получить ни золота, ни серебра. Де Сверте был одержим идеей превратить материю в духовный питательный бульон, подобно тому как философа интересует один только разум. Его одержимость была совершенно непонятна для Софи, но тем не менее что-то притягивало ее к нему. Обычно, когда дело касалось алхимии речь шла, как правило, о превращении неблагородных металлов в благородные, в основе же труда де Сверте лежала еще одна, более глубокая мысль: стремление к человеческому совершенству.

Теперь Софи поняла подоплеку загадки, которую де Сверте в своей преступной надменности придумал для Штайнера. Он разделил материю: отделил рукава от плаща, башмаки от ног. Он верил, что стоит выше Штайнера и, по крайней мере частично, был прав, потому что вторую загадку магистр так и не решил. Наверное, он до сих пор ломает голову над квадриумом. А ведь ничего нет проще если посмотреть на вопрос карлика повнимательнее, сразу же возникает мысль о величинах. Но ведь именно этого философы и не умеют, объяснил карлик: внимательно смотреть. В принципе философ в своем мире слеп как крот, он верит только в то, во что хочет верить, но не в то, что видит, слышит или воспринимает другими органами чувств.

Софи подумала о Штайнере. Будет ли он искать Иосифа Генриха? Про этот дом ему ничего неизвестно, здесь он никогда ее не найдет.

В углу комнаты стоял блестящий щит со странными символами. В центре замкнутый треугольник, внутри которого — меч; справа и слева странные знаки: один из них похож на бидон с маслом, другой — на скипетр. По краям щита снова символы: знаки зодиака и еще что-то, неизвестное Софи.

— Ну, — де Сверте улыбнулся в ответ на ее вопросительный взгляд, — это магический круг, но он меня уже не интересует. Много лет назад я начал заниматься черной магией, заговариванием демонов, но очень быстро охладел к этому, потому что это просто колдовство, не имеющее никакого отношения к изучению природы. Щит — это единственное, что я сохранил с тех времен, потому что он имеет определенную ценность...

Он задумчиво повернулся к своему тиглю, в котором снова бурлила серная смесь.

— А вот философия, которую изучают на факультете, она никакой ценности не имеет, — мрачно произнес он несколько минут спустя, — поверь мне, на века сохранится только наука, которая занимается материей. А тебе известно, что Альбертус Магнус в своем «Libellus de alchimia» точно описывает, как именно следует обращаться с субстанциями? Видишь вот этот порошок? Я приобрел его у одного торговца. Он должен продемонстрировать магические свойства, для этого мы подержим в нем сосновую щепку. С помощью толченого угля и серы он приведет в движение волшебные силы, подобно пороху... — Он обернулся. — Видишь, все побелело. Если провести тройную очистку, смесь будет постепенно терять цвет. Ни в коем случае нельзя добавлять соль, хотя так написано в книгах, потому что эта смесь должна быть летучей. Подай мне щепку.

Софи подошла ближе. Она чуть ли не с благоговением сжимала в руке сосновую щепку.

— Вы же не собираетесь поджечь смесь? — спросила она, заглядывая в сосуд.

— Порошок должен соприкоснуться с огнем напрямую. Иначе он не станет летучим.

— А если он загорится?

Быстрый взгляд в ее сторону:

— Он ведь должен горсть. Отойди подальше, если боишься.

Она отошла в самый дальний угол. Не надумал ли карлик спалить дом? До сих пор

огонь горел только под его тиглями, но если он подожжет всю смесь?..

Он бросил в варево щепку. А потом она увидела его искаженное лицо. Он точно знал, что делает. И если бы эта смесь вызвала из преисподней черта — он бы все равно не отказался от своего замысла. Хотя смесь не горела, она просто шипела и тлела. И вдруг молнией взметнулась вверх. Карлик отлетел в сторону, прижав к телу почерневшую и дрожащую руку, ту, которая была обращена к плите. Он упал на пол, и Софи больше уже ничего не видела, потому что всю комнату заполнили дым и чад. Вокруг еще бурлило и булькало, а посреди комнаты в дыму вращался огненноцветный столп, подобный урагану; он сначала рос, а потом жадно и быстро принялся пожирать все вокруг. Теперь действительно загорелось все. «Мариус! Мариус!» — закричала Софи. Но к создателю этого ада было не пройти. Уже никто не мог помочь де Сверте. Она должна попытаться выбраться! Языки пламени подбирались к ней сзади, все ближе и ближе. Софи в страхе осмотрелась. На скамейке в углу должен быть топор. Она схватила его на ощупь, потому что от дыма и чада глаза у нее слезились, и начала ломать дверь. Жар становился все нестерпимее, запах все резче. Наверняка совсем скоро рухнет крыша. Матерь Божия, что натворил проклятый карлик! Наконец первые доски вывалились наружу. Образовалась щель, достаточно широкая, чтобы в нее протиснуться. Когда Софи вылезла, вокруг уже суетились разбуженные шумом соседи.

— Вон кто-то выбрался из дома! — закричал какой-то мужчина.

Все таращились на нее до тех пор, пока не сжалилась одна из женщин. Она подошла к грязной, всхлипывающей Софи и оттащила ее подальше.

— Есть там еще кто-нибудь?

Софи кивнула. Да, в доме был еще один человек, он еще там, но ему уже не поможешь. Карлик давно сгорел, обуглился, превратился в пепел и навеки покинул этот мир.

— В этом доме кто-то живет? Мы думали, он пустует.

Это вопрос задал один из стражников, опуская в колодец ведро.

— Его покинули, — пробормотала Софи. — Там больше никого нет.

— А ты? Что ты там делал? Ты ведь студент, не так ли?

Софи кивнула. Ей подали стакан воды, она с жадностью выпила.

— Где ты живешь?

— У сенного рынка.

— Мы тебя отведем.

Женщина, которая дала ей воды, потащила Софи за собой. Но далеко они не ушли. Напуганные грохотом, из схолариума выскочили студенты. Надзиратель, Ломбарди, Брозиус столкнулись с ней лицом к лицу.

— Но... это ведь Иосиф Генрих! — закричал надзиратель, схватив Софи за руку с явным намерением водворить ее обратно в карцер.

— Оставь его в покое, ты же видишь, он едва держится на ногах.

— Его ищет канцлер, ведь это тот студент, который бесследно исчез.

Теперь все металось вокруг нее, не зная, что делать: одни хотели отвести ее домой, другие — в схолариум. Студенты забросали ее вопросами, но она была слишком слаба, чтобы отвечать. Наконец сошлись на том, что для начала нужно отвести парня в схолариум и оповестить канцлера.

Судьи исследовали развалины сгоревшего дома и пришли к выводу, что там была

лаборатория. Значит, какой-то алхимик творил там по ночам непотребство. Отпираться совершенно бессмысленно; студент вышел из лаборатории, он связан с алхимиком, что объясняет также и его исчезновение. Но кто же этот алхимик? Сам студент? Или он был только учеником? А где приор схолариума? Как сквозь землю провалился.

Канцлер провел рукой по жидкому венчику волос. Он с нетерпением ждал Штайнера: может быть, тот поможет найти ответы на эти вопросы. Под обгоревшими обломками был найден также металлический щит, происхождение которого объяснить весьма непросто. Не занимался ли этот алхимик черной магией, призывая на помощь демонов? Может, он не только экспериментировал со своими тиглями и горшками? Не совершал ли он еще и демонические обряды? Канцлер колебался, ясности не было никакой. Он не знал, как действовать дальше. Был ли де Сверте убийцей Касалла, как утверждал Штайнер? А потом еще и дело со студентом, который вообще никакой не студент. Вдову Касалла только что привели. Хороший допрос все прояснит.

Штайнер тоже возился в сгоревшем доме. Ходил между развалинами и искал улику, доказательство, зацепку. И действительно, он нашел крест на цепочке, такой, какие носят на шее клирики. Крест де Сверте. Но больше от приора не осталось ничего, и это наводило на размышления. Софи Касалл показала, что де Сверте притащил ее в этот дом, где занимался алхимией, от чего и погиб. А Штайнер нашел только крест и щит со странными знаками. Но если приор все-таки сгорел во время опыта, то должны были остаться хотя бы кости Штайнер остановился и принялся. До сих пор пахло горелыми тряпками, деревом и серой.

Стражники оттащили все балки, отодвинули в сторону каждый камень, чтобы убедиться, что внизу никого нет. Но костей так и не нашли. Штайнер молча покачал головой. То ли Софи Касалл солгала, то ли карлик сбежал, непонятным образом покинул горящий дом, чего в общей суматохе никто не заметил.

— Вы должны тщательно осмотреть всё, каждый предмет, — приказал Штайнер стражникам. — Меня интересует любая деталь. Даже клочок бумаги, не успевший обуглиться полностью, может оказаться очень важной уликой.

Стражники удивились. Каждый предмет? Да на это уйдут недели.

— Ну и что, — пробормотал Штайнер.

Подделка документов, клятва под чужим именем, обвинение в колдовстве? Похоже, нет преступления, в котором нельзя было бы обвинить эту женщину. Судьей был настоятель монастыря Святого Мартина. Он всегда стоял на страже закона, защищал его, умел задавать нужные вопросы и терпеливо ждать честных ответов. Для него процесс над Софи Касалл был рядовым событием, и он слишком поздно понял, что в допрос вмещались эмоции. К этому он не был готов. Чувства смещают акценты, превращая главное во второстепенное и наоборот. Его поразило, что потоком эмоций были захвачены сами магистры. Хотя чего еще следовало ожидать? Он прекрасно знал, что обсуждать предстоящий процесс, который должен был начаться в январе, стали задолго до назначенного срока. Куда ни зайди, везде споры между номиналистами и реалистами, присутствующие взвешивают все за и против; казалось, старая вражда, подобно эпидемии, вспыхнула с новой силой. Он ничего не хотел об этом слышать. Правда, все они будут присутствовать в зале и вполне смогут взять слово. До него доносились отголоски этих споров, так что постепенно он смог осознать масштабы

происходящего. Дебаты шли везде. Перемалывание одних и тех же аргументов. Так какую же позицию займет он сам? Этот вопрос читался в глазах у каждого, но никто не осмеливался его задать. Перед ним расступались, а он шел своей дорогой. Пусть дерут глотки и разбиваются на лагерь. Он подождет.

Штайнер смотрел ему в спину. Он прав, до поры скрывая свое мнение.

Настроение на факультете переменилось. Все знали, что вдову Касалл ждет судебный процесс. Не открытый, нет, упаси Боже. Только не вызвать общественного скандала, ведь факультет и без того не может считать себя любимым чадом города. Нет, зачем выносить сор из избы. До нижних судейских чинов факультета постепенно доходила суть происшедшего. А потом даже студенты поняли, что к чему. А уж епископ и Папа Римский наверняка давно в курсе.

Стоял страшный холод. В конвенте, где ему предстояло читать лекцию, у него от холода зуб на зуб не попадал. Сначала казалось, что яркое солнце, с манящей улыбкой заглядывающее в окно, быстро прогонит ледяную стужу, но нет, мороз крепчал, и уже поговаривали, что на улочках Кёльна от холода погибло много нищих. В гавани прочно застряли лодки, на складах каменела рыба.

Штайнер повернулся к заиндевавшему окну и смотрел, как закутанные люди торопливо пробираются по наледи. Во всех углах снова кипели дискуссии. Конечно, магистры тоже соберутся в судебном зале и смогут защищать свое мнение, но почему все должно крутиться исключительно вокруг одного и того же? Неужели они использовали затмение Солнца как предлог для очередной свары?

— А какое мнение будете поддерживать вы, Штайнер? Мы уже много дней только об этом и толкуем, а вы всё молчите.

Он медленно повернул голову. Сзади стоял Рюдегер, один из самых пылких зачинщиков всех словесных поединков. Он-то их и начал. И этого Штайнер никогда ему не простит.

— А почему у меня должно быть мнение? Вы ведь говорите совсем не о процессе. Вы всё о старом спорите. Идея или вещь. Какой смысл? Разве это не одно и то же?

Худой, аскетичного вида магистр Рюдегер, перебравшийся в Кёльн из Гамбурга, внешне напоминал пребывающего в келье доброго святого, которому сквозь решетку протягивают миску с похлебкой.

— Как вы можете утверждать, что это бессмысленно, — прошипел он, — ведь речь идет об основах нашей науки.

— Вы как раз и собираетесь разрушить эти самые основы, — спокойно возразил Штайнер. — Вы снова начали позиционную войну. Какое отношение спор между реалистами и номиналистами может иметь к процессу против этой женщины?

— Какое отношение?! — Рюдегер едва сдерживался, чтобы не плюнуть Штайнеру в лицо. Ведь его спокойная невозмутимость даже хуже, чем яростное отстаивание противоположного мнения. Не должно уклоняться от дискуссии, это неслыханно.

— Я вам объясню, какое отношение этот спор имеет к процессу, — проговорил он, все больше оттесняя Штайнера к окну. — Один из магистров — я не хочу называть здесь никаких имен — считает, что следует, с учетом определенных позиций, обсудить аргументы, почему женщина не может учиться.

— Вам не кажется, что формулировка несколько туманна?

Рюдегер все больше напирал на Штайнера, как будто собирался открыть окно за его

спиной и выкинуть его наружу.

— Но мне почему-то кажется, что это оправдание вашего поведения. Вы так не думаете?

Только теперь Штайнер понял. Значит, один из магистров высказался в том смысле, что, возможно, следует обсудить позицию факультета, не желающего позволить этой женщине учиться дальше. Кто это был, догадаться нетрудно. Это мог быть только один из *moderni*, потому что традиционалисты прилипли к своему Фоме Аквинскому, как мухи к паутине. Только теперь до него наконец дошло, почему разгорелся такой спор. Дело не в женщине, а в позиции, которую займет каждый из них. Софи Касалл была просто символом, и не больше.

— Ну, — произнес Штайнер, глядя в окно. Он чувствовал дыхание Рюдегера и прикидывал, как бы выбраться из ниши. — Вы совершенно правы. Пока она только одна, и пока еще можно загнать ситуацию в традиционные рамки. А потом их будет все больше и больше, и в конце концов всех их нельзя будет вышвырнуть с факультета. Может быть, поэтому их лучше сжечь на костре. Пока не останется ни одной. Ведь в этом и заключается ваша позиция?

Ответить Рюдегер не рискнул. Он просто молча смотрел на Штайнера. Он ратовал за духовную свободу факультетов, где бы они ни находились — в империи, в Англии или в Италии. Сам он приветствовал любую поправку, делающую факультеты независимыми от клира, чтобы можно было свободно учить и учиться. Штайнер загнал его в угол, картина получилась очень неприглядная.

— Это не так, — пробормотал он наконец. — И вы прекрасно знаете, что это неправда. Почему вы так говорите? Я защищаю одну из позиций, все верно, но я бы поостерегся посылать кого бы то ни было на смерть только потому, что он думает не так, как я. И тем не менее существуют якобы прогрессивные явления, которые все же следует сдерживать. Спор должен заставить нас критически пересмотреть сложившиеся взгляды.

Штайнер улыбнулся и слегка отодвинулся от окна.

— Если вы рассматриваете ситуацию так, то я приветствую ваше желание дискутировать. Но будьте внимательны, берегитесь обратной реакции, чтобы в конечном итоге вам не пришлось отвечать за вещи, о которых придется сожалеть.

Штайнер сделал шаг вперед Рюдегер отошел в сторону и дал ему пройти. Наконец-то он освободился!

— А какую позицию займете вы, Штайнер?

Штайнер не ответил. *Moderni* находятся в безнадежном меньшинстве. Ломбарди, Иорданус и новенький, Брозиус, который ведет себя как явный номиналист. Трое против восемнадцати, слишком мало. А он, Штайнер, своей тягой к гармонии вызовет только недовольство. Они ждут от него однозначной позиции. Никаких компромиссов. С кем ты, Штайнер? Он поднял голову. И вдруг заметил, что остальные все это время прислушивались к их разговору и теперь смотрят на него. Они ждали. С кем ты, Штайнер? Он сделал несколько глубоких вдохов.

— Я на стороне тех, кто находится в поиске, кто действительно задает себе вопрос, почему женщина должна учиться, — что, как вы знаете, в других местах уже бывало и вызвало гораздо меньший переполох.

Более осторожно сформулировать свою позицию он не мог, и все-таки теперь все они в курсе. Четверо против девятнадцати, этого все еще мало, но у него сильный, добрый и

приятный голос, так что, посмотрев на всех по очереди, он ни в чьих глазах не заметил ни презрения, ни разочарования. Да, они могли предполагать, что он поспешит на помощь тем, кто слабее. Некоторые безмолвно отвернулись, но и они тоже приняли к сведению то, что предполагали заранее. Штайнер не будет представлять для них опасности, потому что они намного сильнее. Они с уважением расступались перед ним, когда он шел по коридору, как будто, высказав свою позицию, он заставил их заключить перемирие. Расстановка сил ясна, теперь можно отправляться на битву.

Для начала принялись выяснять, как был допущен подобный случай. Де Сверте так и сгинул. Но найденный крест однозначно принадлежал ему, его узнало большинство проживающих в схолариуме студентов. Наверное, приор сорвал его с шеи и швырнул на пол, — крест слегка оплавился, но в остальном сохранился хорошо. Значит, алхимиком был де Сверте? Преступница утверждала, что каноник держал ее в плену и собирался посвятить в свои алхимические тайны. Также она уверяла, что приор убил Касалла, но никаких доказательств не было. Затем настала очередь Штайнера. Он сообщил, что студент Иосиф Генрих, то есть Софи Касалл, обратился к нему и высказал подозрение, что убийцей мог быть приор. Он также признался, что нашел в доме матери де Сверте «*Libellus de alchimia*», и это, в общем-то, подтверждает предположение относительно алхимических увлечений малорослого каноника. Софи Касалл вменялись в вину совсем другие нарушения: подделка документов, клятва под чужим именем. Хотя ее пребывание у де Сверте так и остается неясным. Он действительно вынудил ее силой?

Потом был допрошен надзиратель, который показал, что по приказу приора засунул студента в мешок. Но он клялся и божился, что понятия не имел об алхимических опытах де Сверте.

Собравшимся необходимо было посоветоваться. В последнюю очередь им хотелось, чтобы дело дошло до обвинений по поводу алхимической ереси. Лучше начать с менее опасных фактов.

— Известно ли присутствующим, что совсем недавно в прекрасном городе Болонье в университете училась дочь одного магистра? — начал Иорданус, слова которого вызвали всеобщее замешательство. А потом он еще и добавил, что дама слушала лекции, сидя за занавеской, чтобы ее красота не отвлекала и не смущала других студентов.

— Это исключение, — возразил Рюдегер. — И вообще, магистр из Болоньи сам отправил свою дочь на факультет, она не пробиралась туда, как лиса в стадо овец.

— А если бы она попросила разрешения, мы бы ее приняли? — спросил Штайнер.

Собрание отреагировало на вопрос упрямым молчанием. Ведь это дело проводящего собеседование магистра, именно он в каждом конкретном случае взвешивает все за и против. И принимает решение. Кто знает, может быть, оно бы было в пользу Софи Касалл.

— Давайте будем справедливы, — сказал Штайнер. — Проведем честный процесс. Зададим ей три вопроса, и, если она сможет на них ответить, ограничимся порицанием.

Снова молчание. Среди собравшихся были и такие, кто с огромным удовольствием лишил бы женщину всех гражданских прав и выгнал бы ее из города. Другим хотелось бросить ее в тюрьму, где бы с ней обходились мягко, но никогда бы не выпустили.

— Три вопроса? — повторил Хунгерланд, старейший среди них. Ему очень хотелось уйти на покой, потому что из-за старческого слабоумия он все чаще попадал в неловкие ситуации, когда отчаянно пытался припомнить нужные имена и даты. Он забывал самые

простые вещи и путал Аристотеля с Юлием Цезарем.

— Да, три вопроса. Какие именно, решим прямо на месте, если вы согласны.

— Своеобразный Божий приговор? — спросил Брозиус.

— Если хотите, рассматривайте их так, я не могу вам препятствовать. Но лично я думаю, что это более справедливо, чем швырнуть человека в воду и наблюдать, утонет он или нет.

— Ну, — встрял Рюдегер, — если речь идет о вопросах, ответить на которые трудно, то я согласен. Давайте, например, спросим, как можно выстрелить пулей за угол?

Штайнер пристально посмотрел на него.

— Это вопрос, на который вообще невозможно ответить, потому что он лишен смысла, выстрелить пулей за угол нельзя. Мы с вами не на празднике шутов, уважаемый коллега.

Рюдегер тихонько засмеялся. Ничего подобного, мы как раз на празднике шутов. До чего забавно задавать женщине вопросы, на которые она чего доброго еще и ответить сможет. Но говори не говори — при голосовании останешься с носом...

— Так какие же это должны быть вопросы, Штайнер? — проявил любознательность Хунгерланд, который сначала задремал, но потом вполне своевременно включился в разговор.

Штайнер пожал плечами. Они собираются переложить это дело на его плечи, а потом еще и проголосовать против?

— Вспомните пять вопросов, которые Боэцию задала Philosophia, — сказал он.

Иорданус кивнул:

— Да, но ответы можно прочитать у самого Боэция. Это нецелесообразно, потому что в лучшем случае докажет, что она читала «Утешение философией». Получается слишком просто.

— Ах! — воскликнул Хунгерланд, и лицо его просияло. — Пять вопросов Боэция! Да, пусть она на них ответит. Боэция она наверняка читала, и когда мы ее выпустим, она будет читать на этом факультете о герменевтике... — Он хихикнул себе под нос, явно обрадовавшись, что женщина побьет господ магистров их же оружием.

— Этот человек становится непригодным для факультета, — пробормотал Рюдегер одному из коллег. — Он теряет остатки рассудка.

В этот момент Хунгерланд повернулся к нему и пронзил его своим острым взглядом.

— Я не теряю остатки рассудка, — проворчал он. — Устроили тут представление, прямо смешно. Зачем вы мучаете бедную женщину, виновную только в том, что она хочет чему-то научиться? Вы все еще боитесь женщин, как тот пророк, который опасался за свою душу? Всю жизнь у меня было две любви: к женщинам и к науке, и честно вам скажу, мне это несколько не повредило.

— Давайте вернемся к нашей непосредственной теме. Или мы будем заниматься славной биографией коллеги Хунгерланда? — раздался злой окрик.

— Тогда придумайте вопросы, которые мы зададим преступнице, — предложил Штайнер.

Все задумались. А потом стали забрасывать Штайнера вариантами, крича наперебой, так что он не мог понять ни слова и попросил соблюдать тишину.

— По очереди, пожалуйста, — призвал он и повернулся прямо к Ломбарди, который до сих пор сидел молча.

— У вас есть идеи?

Ломбарди усмехнулся:

— Нет, уважаемый коллега. Идей у меня нет, но, кажется, есть вопрос. Он должен касаться учебного материала? Вы хотите проверить, как много читала эта женщина?

— Какая глупость! — закричал Рюдегер. — У нас здесь не экзамен! Было бы гораздо лучше...

— Тогда предложение есть у меня. — Штайнер был явно сердит и раздражен. — Вы знаете «Метафизику» Аристотеля. Там он высказывается по поводу отношения материи и формы, проводя параллель с отношениями между мужчиной и женщиной. Из этого может получиться неплохой вопрос, как вы считаете?

Снова наступила тишина. Все старались вспомнить нужный отрывок Хунгерланд, страдающий провалами памяти, которые, как глубокое темное озеро, заливали островки его знаний, покачал головой:

— Это он должен мне перечитать, — пробормотал он, после чего Штайнер потянулся за книгой.

...В то время как, помысли платоников, материя создает многое, а форма создает только один раз; как показывает опыт, из данной материи возникает только один стол, тем не менее тот, кто добавляет форму, изготавливает многое. Такое же отношение обнаруживается между мужским и женским началом: женское начало оплодотворяется один раз, а мужское оплодотворяет многожды: и все же это отношение полов есть воспроизведение отношения тех же самых принципов.

— Это не доказывает, что женщина не должна учиться! — закричал Рюдегер.

— К этому я и не стремлюсь, — покачав головой, возразил Штайнер. — Давайте спросим у нее, кто это сказал и где можно найти данную цитату. И спросим ее об отношении материи и формы, потому что, если материя создает многое, а форма — только одно, тогда и мужской принцип создает многое, а женский — только одно.

Так где же вопрос? Все смотрели на него с сомнением. Это цитирование текста и ничего более.

— Я не вижу здесь вопроса, — недовольно произнес Хунгерланд.

— Так превратите в него эту цитату, — возразил Штайнер.

— Как получается, что женский принцип создает только одно?

— Например. Вариантов много.

Штайнер отошел в сторону, давая им возможность для обсуждения. Когда наконец подошло время голосовать, те, кто оставался в меньшинстве, обрели еще одного союзника: Хунгерланд, за это время уже успевший забыть, о чем, собственно, идет речь, радовался при мысли о том, что женщина будет читать о герменевтике. Со всех сторон на него кидали гневные взгляды, но он только хихикал.

А потом поступило другое предложение никаких вопросов, разбор совершенных деяний, а потом лишение гражданских прав. Уже были случаи, когда людей изгоняли из города и за меньшие преступления. Здесь не нужны лжецы и обманщики. А что этой самой вдове Касалл понадобилось у де Сверте, это нужно выяснить немедленно, потому что по тяжести это преступление несравнимо ни с каким другим. А вдруг она врет, и на самом деле они обдeldывали свои делишки сообща? Найденный в развалинах щит — это магическое зеркало,

предмет явно демонического происхождения, и давно пора было догадаться, что де Сверте находился в контакте с антипапой Бенедиктом XIII, а что касается последнего, особо говорить тут нечего...

Задним числом уже никто не мог вспомнить, кто именно выступил с этой речью. Все замерли от ужаса. Похоже, дискуссия приняла опасный оборот. «Смерть души». До всех дошли слухи об этой пользующейся дурной славой книге, которую Папа якобы прятал под своей кроватью, хотя никто никогда так и не смог уличить его в колдовстве. Эти предположения подпитывались все новыми и новыми слухами. Говорили, будто францисканцы и бенедиктинцы из его окружения колдовали и заклинали демонов.

— Мы должны быть крайне осторожны, нельзя ни на шаг преступить границу доказуемого, — предупредил Иорданус. — Даже если де Сверте один раз общался с Папой, это совсем не дает нам право высказывать столь гнусные подозрения. А Софи Касалл он держал в плену, не забываете об этом.

— Так утверждает она! — возмущенно закричал Рюдегер. — Естественно, чтобы выгородить себя. А что, если они сообщники? Вдруг это фатальное зачисление на факультет имело только одну цель — оказать помощь де Сверте? Может быть, именно здесь и кроется мотив столь нелепого переодевания. Оба они хороши — и она, и этот приор-богохульник. Она ведьма, попирающая все, что почетно и прилично.

Ведьма. Это зловещее слово витало в воздухе. Дочь профессора из Болоньи тоже ведьма? Нет, конечно нет, ведь она попала на факультет совершенно честным путем. И ее не видели удирающей из дома алхимика...

— Это же абсурд! — возмутился Штайнер. Если они дошли до подобных заявлений, значит, им уже недоступны аргументы разума.

Он покинул конвент и вышел на улицу. Его встретил мороз, и он понял, как ему надоел этот постоянный озноб, этот холод в костях, которые не становились моложе и жаждали только покоя. Когда он, подняв воротник, спустился к реке, его охватила меланхолическая скорбь. Да, он по горло сыт стужей, стужей в сердцах людей, которые ищут то, что называют справедливостью, а на самом-то деле это не что иное, как болезненное самолюбие. На коньках уже никто не катался, да и продавцы вина тоже исчезли. Бледное солнце выглядывало из-за облаков. Белое, холодное солнце.

— Господин Штайнер...

Он обернулся. В своих размышлениях он не заметил, что к нему подошла мать Софи.

— Вам что-нибудь известно про мою дочь?

— С ней всё в порядке. Ее содержат в хороших условиях, — ответил он устало.

— Но что с ней будет? Мне ничего не рассказывают...

— Наверное, будет процесс, но это не точно. Положитесь на Господа.

И тут он почувствовал, что она сует ему в руки кучку монет.

— Мой муж умер. Он был очень богат. Если эти деньги смогут ей помочь, значит, они пойдут на доброе дело...

Его первым порывом было вернуть ей монеты — какой из него взяточник! — но потом он передумал.

— Если мне не удастся их передать, то верну вам.

Она кивнула. Да, он обязательно поможет ее дочери. Он единственный, кто может помочь, кроме Бога, конечно. Но тому деньги не нужны.

На первое заседание пригласили надзирателя из схоляриума. Он утверждал, что ничего не знал о занятиях де Сверте. Де Сверте велел ему засунуть студента в мешок, что он и сделал. Кто он такой, чтобы задавать вопросы. Но у него в голове не укладывается, что де Сверте убил Касалла. Потом у него попытались выяснить, был ли де Сверте в тот вечер в схоляриуме, на что надзиратель просто повторил, что де Сверте навещал свою мать. Допросить женщину не представлялось возможным, потому что полгода назад она упала с лестницы и с тех пор неспособна рассуждать здраво, что подтвердил Штайнер, сообщив о происшествии с метлой.

Надзирателя отпустили.

Софи Касалл заперли в одной из комнат главного прихода. Здесь ей предстояло дожидаться разбирательства. Три раза в день приходил монах, приносил еду, а потом уносил пустые миски. Кормили отлично, потому что кто-то передал деньги на ее содержание. Ей дали Библию, чтобы она имела возможность насладиться еще и духовной пищей. Время шло, солнце и луна проплывали мимо окна, уходили в прошлое бесценные минуты жизни, наполненные надеждами, страхами и мрачным одиночеством. Но однажды все-таки появился Ломбарди. Он окинул взглядом комнату. Чисто, на кровати лежит Библия. Софи усталая и потерявшая всякую надежду, стоит у окна.

— Как вы себя чувствуете?

Она молчала. Видимо, даже его появление больше уже не могло ее обрадовать.

— Ваша матушка дала Штайнеру кучу денег, с помощью которых мне удалось убедить бранию пропустить меня к вам.

Она просто кивнула. Так они и стояли — она у окна, он у двери. Довольно долго ни один из них не произносил ни звука.

— Возможно, вам предложат ответить на три вопроса, — наконец сорвалось с его губ.

Она улыбнулась. «Как это мудро, задать мне всего три вопроса», — подумала она с горечью.

— А что они хотят выяснить? Достаточное ли количество знаний я у них получила?

— Отнеситесь к этому как к экзамену. Это была идея Штайнера, а вы ведь знаете, что он вам очень симпатизирует.

— Ах, Штайнер, — пробормотала она. Добрый старый Штайнер. Постоянно, даже сейчас, алчущий справедливости. Он бы защищал даже старую клячу, место которой на живодерне. — И какую же позицию мне следует занять? — спросила она цинично. — Традиционную или наоборот?

— А какой вы отдаете предпочтение?

— Никакой. Знаете, у меня было достаточно времени для размышлений. И когда я уже успела подумать обо всем на свете, мне вдруг пришло в голову, что лично мне ни та ни другая позиция не представляется разумной. Да, почему-то показалось, что спор наш не имеет значения вообще. Гризельдис была права. Что толку, если я узнаю, что предпочтительнее — вещь или образ? Я словно порожний сосуд, который наполняют знаниями, но где-то в этом сосуде оказалась дырка, так что на самом деле он так и останется пустым. Я хотела вам что-то доказать, но придется обойтись без доказательств, потому что я уже не верю в великий смысл этой проблемы.

— Вы хотели что-то доказать Касаллу.

— Да. Но это был не мой, а его способ мышления, или ваш, или Штайнера, или же этс

мужской принцип вообще. Когда я увидела, как де Сверте возится со своими тиглями, то подумала: вот оно, наблюдение за природой, которому нас учит Бэкон. Но потом мне стало ясно, что и это не так. Потому что если человек начинает наблюдать природу, он верит в свою способность изменить ее к лучшему. Нет, Ломбарди, это не является ни познанием духа, как проповедуют философы, ни познанием, выведенным у природы, потому что в результате в любом случае получается что-то нездоровое. Ведь как использовал свое познание де Сверте? Он искал золото. Более примитивный мотив для исследования природы трудно себе представить. О да, он заполнял алхимическое здание всякими фокусами, но движущая причина все равно оставалась той же: одна только жадность, стремление к материальному богатству.

Ломбарди хотел возразить. Если на допросе она начнет высказывать подобные взгляды, то ей конец. Эта позиция еще хуже, чем желание выведать у мужчин их тайны, потому что за ней скрывается желание заглянуть в закрытые двери. Стоит ей только повторить там все, что она сейчас сказала, и она скомпрометирует мужчин. Нет ничего хуже, чем продемонстрировать им никчемность их духовного здания, которое основано просто на воображении.

— Видите ли, ваши воззрения весьма опасны. Об этом лучше молчите. Скажите то, что им понравится, упирайте на то, что хотели воспользоваться их поразительным интеллектом. Если вы только попытаетесь усомниться в их компетенции, они разорвут вас на тысячи кусков.

— Да, — пробормотала Софи, — они меня разорвут. Но ведь они в любом случае собираются это сделать, так какая разница, что я скажу?

— Если вы будете вести себя умно, у вас появится шанс. Смажьте им уста медом, изобразите восхищение, это им очень понравится, потому что в глубине души они, наверное, подозревают, что их занятия направлены исключительно на то, чтобы убить время.

Софи засмеялась. Впервые за несколько дней. Она отошла от окна и села на край кровати.

— Это вы очень хорошо сказали. Я еще подумаю. Может быть, примусь уверять, что пыталась понять Аристотеля, но в конце концов до меня дошло, что для столь глупой женщины, как я, это абсолютно невозможно, потому что у меня не хватит ума проникнуть в тайну.

— Это вариант, но неужели вы и на самом деле хотите скрыть свой ум? Лучше постарайтесь ответить на их вопросы, но не скупитесь на выражение глубочайшей почтительности и прежде всего расхвалите выбранные ими вопросы. Вы же знаете, умение задавать хорошие вопросы ценится у них гораздо выше, чем способность давать хорошие ответы.

Она кивнула. Постепенно ее напряжение спало. Он пытается ее утешить и указать правильный путь. Они со Штайнером ей помогут. Так чего же бояться?

Но Ломбарди скрыл, что голосования еще вообще не было и ей до сих пор угрожает обвинение в занятиях черной магией. Вместо этого он просто подошел ближе, наклонился и нежно провел рукой по ее щеке. Софи покраснела.

— Надзиратель дал показания в вашу пользу. Вы видели щит?

Софи снова кивнула.

— Да. Де Сверте рассказывал, что когда-то занимался колдовством, но потом бросил, посчитав его детской забавой. А почему вы спрашиваете?

Он не ответил. Когда-нибудь она сама поймет, а сейчас ему не хотелось пугать ее еще больше.

— Берегите себя, Софи. Встретимся на процессе. А пока репетируйте свое восхищение силой мужского духа.

Он постучал в дверь, чтобы ему открыли. Она смотрела ему вслед и тут вдруг поняла, почему он спросил про щит.

Процесс начался рано утром в небольшом зале конвента, где горел лишь один камин. Именно здесь и разбирались обычно судебные дела факультета. Солидный зал с деревянными панелями и с призванной вызывать радостные эмоции росписью на потолке: Sapientia в воздушном одеянии, окруженная Справедливостью, Честностью и Разумом. Они парили в небе подобно ангелам, обратив к зрителям свои лица.

Во главе массивного стола сидел настоятель, следом в ряд устроились канцлер, ректор и магистры факультета. За отдельным столиком замер писарь. Слуга привел Софи, которой велели сесть на скамью. Она осунулась и была очень бледна, губы поблекли, светлые волосы ее потускнели. Она стояла ровно, опустив руки и повернув голову к судье, в ожидании, что же будет дальше. Настоятель открыл заседание, огласив пункты обвинения, в том числе и участие в алхимических опытах. Софи признала всё, кроме добровольного сотрудничества с де Сверте к этому он вынудил ее силой, следовательно упрекнуть ее не в чем.

Настоятель слушал с неподвижным лицом. Его резкие черты казались высеченными из камня, руки лежали на столе абсолютно спокойно. Когда обвиняемая закончила, он слегка кивнул головой. Вперед выступил Штайнер. Он рассказал о своей беседе с Софи, признался, что недостаточно активно ее отговаривал и не запретил прятаться в схолариуме. Все смотрели на него с недовольными лицами.

— Да, — сказал он серьезным голосом, — я знаю, что на мне лежит ответственность, но возможность получить таким образом важные сведения показалась весьма заманчивой. А спрятаться там самому мне было бы довольно трудно...

— Но разве обвиняемая обнаружила доказательства виновности приора? — наморщив лоб, спросил настоятель.

— Ну, испугавшись, он запер ее в своей лаборатории и признался, что убил Касалла.

Настоятель покачал головой:

— Это не доказательство, а голословное утверждение. Кто подтвердит, что она говорит правду?

— Все верно, она могла солгать. Но зачем?

— Возможно, чтобы выгородить себя. А вдруг это сделала она?

— Но ведь надзиратель признал, что затащил ее в лабораторию, значит, туда она попала не добровольно. Зачем этому человеку давать показания против себя, если этого не было? Я не вижу в этом смысла.

Настоятель помолчал, потом слегка наклонил голову:

— Хорошо, предположим, что приор убил Касалла.

Он снова повернулся к Софи Касалл:

— Но ведь вы признаёте, что поступили на факультет и учились под чужим именем и в чужом облики. Следовательно, вы дали под чужим именем три клятвы.

Софи кивнула.

— Тогда скажите нам, какого рода... — Он помедлил, а потом продолжил: — Какого

рода резоны заставили вас принять подобное решение?

— Я думала, что никому не будет вреда, если я начну учиться.

— Но ведь вы могли посещать факультет и как женщина. Это, конечно, необычно, но не невозможно.

— Да, наверное. Но я бы не встретила одобрения.

— А откуда вы взяли деньги, чтобы заплатить за учебу?

Она молчала. Настоятель объявил перерыв. Кивнул писарю и велел открыть двери. Магистры высыпали наружу, Софи увели.

— Мне пора уехать из Кёльна. Вот уже целый год я вижу только этот город, только его дома, его церкви и его жителей. Как будто весь мир состоит из одного Кёльна.

Напротив жил торговец лошадьми. Уехать на лошади, сесть на корабль или уйти пешком — все равно.

— Вы собираетесь умыть руки, — с подозрением в голосе сказал Штайнер. — Вам не хочется присутствовать на заседании, так ведь? Но почему?

Ломбарди и сам не знал. Он вряд ли сможет вступить за женщину, которая настолько слабее своих противников. Ситуация представлялась ему безнадежной. Ему было неприятно заходить в этот зал.

— Вы магистр. Вы должны быть там.

— Да, но не сегодня. Я ее предупредил. Но она меня не слушается. Я знаю. Штайнер у меня есть хороший друг в Каленберге. Поеду к нему. Может быть, послезавтра я вернусь, а может, и нет. Скажите, что я заболел или что-нибудь еще. У меня такое чувство, что я попал в трясины и никак не могу выбраться. В Каленберге есть высокая гора, туда можно залезть и посмотреть вниз. Иногда это помогает восстановить зрение и взглянуть на ситуацию со стороны.

Штайнер молча кивнул. Если человеку кажется, что он сходит с ума, это еще полбеды. Ну, так заберись на гору, Ломбарди, и осмотрись, вдруг найдешь выход. Да, поезжай, я тем временем останусь здесь и буду защищать довольно шаткие позиции. Штайнер тряхнул головой. Иногда он переставал понимать, с какой стороны находится противник и как его зовут. Может быть, он сам и есть свой главный враг.

— Давайте не будем ничего загадывать. Мы действительно заинтересованы в том, чтобы ей помочь? Мы хотим дать женщинам возможность учиться, занимая наши места? Я знаю, о чем ее спросит настоятель. Составила ли хоть одна женщина научное положение? Может быть, они просто повторяют за нами наши слова, как это делают маленькие дети, которые только еще учатся говорить?

— Это не так, — с пылом возразил Ломбарди. — Безусловно, есть женщины, имеющие собственные мысли. И даже пишущие собственные книги. Они легко могли бы составить научный тезис.

Штайнер тихонько засмеялся.

— И все-таки я постоянно себя спрашиваю, чего же я хочу на самом деле. Если быть до конца честным, я хочу, чтобы все осталось по-прежнему. И если до конца честным будете вы, то признаетесь, что чувствуете то же самое. Просто эмоции смещают акценты и мешают обзору.

— Тогда присоединяйтесь к тем, кому больше всего хочется обвинить Софи в колдовстве и увидеть ее горящей на костре. Если они начнут задавать вопросы насчет гостии

[61] и тела Христова и тому подобных вещей — вы же знаете, о чем я говорю, — то я уйду с факультета. Я думал, что мы уже отказались от подобных методов.

Штайнер не ответил. Появился слуга, пригласивший их вернуться на заседание, но Ломбарди развернулся и вышел из конвента.

Для поездки в Каленберг он выбрал не очень удачное время. Первый весенний ветер, еще очень холодный, швырял ему в лицо снег, перемешанный с дождем. Над головой нависли серые облака, по краям дороги клонились вниз ветви деревьев. Со стоическим спокойствием вороной конь рысью продвигался вперед. Стемнело рано, поэтому уже вскоре Ломбарди свернул к одинокому ветхому постоялому двору, где лошадь получила корм и место в конюшне, а всадник — комнату и яичницу с салом. Ночью продолжала бушевать буря. Хозяин только посмеивался и говорил, что, возможно, лучше вообще не ложиться спать, иначе во сне можно оказаться погребенным под развалинами, поэтому Ломбарди лежал на жестком тюфяке, прислушивался к шуму и ждал, когда начнет сыпаться потолок. Но все обошлось. Утром он, совершенно не выспавшийся, оседлал коня.

— Куда держите путь? — спросил его хозяин.

— В Каленберг. К Господину на Башне.

Хозяин поднял голову и посмотрел на пытающееся выбраться из-за туч солнце.

— Будьте осторожны. Уже несколько недель здесь орудует банда: убивают, мучают и грабят. У вас есть при себе надежный нож?

Ломбарди кивнул. Расплатился, поблагодарил и вскочил в седло.

Сначала день обещал быть спокойным. Первые несколько часов небо оставалось голубым, но потом на западе снова начали собираться тучи. Да, самая подходящая погода для того сброда, который прячется в лесах. Здесь проходят направляющиеся в Кёльн обозы с ценными товарами, на продаже которых можно неплохо поживиться. Еще три-четыре часа, и он доберется до Каленберга. Плащ уже давно перестал защищать его от холода, а конь из последних сил продвигался вперед, как будто догадывался, что осталось совсем немного. Темный лес выглядел мрачно, стена туч приближалась. Ветер так и свистел в ушах. Ломбарди ни разу не остановился на отдых, так что ему удалось добраться до города засветло. Ворота еще не закрыли. Только он въехал в город, разверзлись небесные хляби. В гору он поднимался уже под проливным дождем.

Господину на Башне одна судебная тяжба обошлась в половину его владений. Их разграбили и сожгли, так что теперь у него осталась только башня, которая считалась неприступной. Нежеланным гостям сюда хода не было. Когда Ломбарди постучал, через маленькое отверстие в мощных воротах выглянул оруженосец. Ломбарди объяснил, кто он и зачем. Открыли ему далеко не сразу. «Господин вас ждет», — сообщил оруженосец. Ломбарди проехал вперед. В свете факелов он различал лишь нижнюю часть здания: крошечные окна, очень узкие амбразуры, потемневшие от дыма и пороха. Оруженосец взял лошадь под уздцы и повел в сарай, так как конюшен у Господина на Башне не осталось. Со скрипом открылась дверь, наружу вырвались сажа и чад. Дым ел глаза и мешал разглядеть хоть что-нибудь, но Ломбарди услышал доносившийся из большого зала голос хозяина, громкий и довольный:

— Смотрите-ка, господин магистр! Иди же сюда, Зигер!

В огромном камине горел гигантский огонь, как будто хозяин решил зажарить для своих гостей целого быка.

— Проходи, сын бернского крестьянина и бретонской ведьмы.

— Мой отец не был крестьянином, — возразил Ломбарди.

— Нет, конечно нет. Он был аптекарем, но в чем разница? Все бернцы — сумасшедшие.

— А все бретонки ведьмы, так?

— Да, у меня очень простая картина мира, сын мой, в ней все весьма однозначно.

Делен засмеялся. Его хохот заглушал ужасный треск в камине, огонь из которого вырывался вверх на добрые десять метров. За длинным столом кроме Делена сидели еще десяток мужчин и три дамы, которые тотчас же поднялись, чтобы поставить для Ломбарди стул. Все три молоденькие, вдвое моложе хозяина, как раз в этот момент швырнувшего через стол кружку с пивом.

— За твоих родителей, сын мой, которых ты наверняка уже давно не видел.

Ломбарди ловко подхватил кружку и сел. Делен приходился ему дядей. Он тоже был родом из Берна, сюда его привела судьба, потому что бернцы, которым надоели его судебные склоки, недолго думая, выставили его за ворота своего города. Тогда он увлекся путешествиями, бродил то к югу от Альп, то к северу от них, пока, женившись, не осел здесь. Жители Каленберга тоже были бы весьма рады, если бы он после смерти супруги убрался отсюда, но ему здесь нравилось. Черной как ночь была его борода, черными — всклокоченные волосы, которые сделали бы честь любому барану. Его тело не помещалось ни в одни доспехи, но с появлением пороха надобность в них все равно отпала. Его башня стояла на настоящем пороховом арсенале, который мог в любой момент показать себя в действии. Но пока Делен такой команды не давал, наоборот, казался совершенно спокойным и настроенным на шутки, до коих был большой охотник — конечно, в соответствующих обстоятельствах.

— Что тебе здесь нужно? Неужели он тебе надоел, этот город городов?

— Не исключено.

— Ты ведь приехал не потому, что безумно по мне соскучился. Тебе нужна женщина? Выбирай.

Делен потянулся к стоящей на столе тарелке:

— Вот, ешь. Такого тебе в твоём студенческом приюте не подадут.

— Мне понадобилось кое на что посмотреть со стороны. Я подумал, что на башне у меня появится необходимая дистанция.

— Чудесно! Тогда оставайся. Завтра поедем на охоту. Ты еще не разучился стрелять?

Ломбарди засмеялся. Конечно не разучился, но приехал он совсем за другим.

«А что, — подумал он, — было бы неплохо вообще больше не возвращаться в Кёльн. У Делена можно стать забиякой и задирой. Ему этого хочется? Сменить башню духа на Господина на Башне?»

Делен выделил ему на ночь одну из своих метресс, совсем молоденькую, — наверное, ей не было еще и семнадцати. Они вместе прислушивались к реву бури, крутившейся вокруг башни.

— В лесу поселился дракон, — сообщила девушка, теснее прижимаясь к нему. Она очень боялась и бури, и чудовища.

— Драконов не бывает, малышка, — сказал Ломбарди, но девушка только упрямо потрянула головой.

— А его кто-нибудь видел? — спросил Ломбарди, и девушка быстро закивала. Конечно,

люди его видели, он ужасный, ходит, круша деревья, а из пасти у него вырывается огонь.

— Это был просто образ, — объяснил Ломбарди, — образ, не имеющий ничего общего с реальной действительностью.

Но девушка не согласилась:

— Значит, все, кто его видел, сумасшедшие?

— Да, сумасшедшие, — ответил Ломбарди, смотря на дрожащее оконное стекло. Комната находилась наверху, выше остался только парапет башни. Окно было таким узким, что в него не протиснулся бы и ребенок.

— Он такой огромный, что если выпрямится, то может даже заглянуть в окно, — пролепетала девушка и замерла, услышав раскаты грома.

Казалось, башня раскачивается, как ольха на ветру. Ломбарди встал и подошел к окну. Снаружи не было ничего, кроме смоляной черноты, ни пятнышка света, даже на небе. Теплые руки легли ему на бедра:

— Ты его видишь?

Он засмеялся:

— Нет, его не существует, глупышка.

— А что существует?

— Я не знаю.

Утром он один пошел в лес. Буря прорубила широкую брешь. Поваленные деревья перегородили узкую тропинку. Совершенно случайно Ломбарди наткнулся на отшельника, который уже несколько лет жил здесь, питаясь грибами, ягодами и тем, что иногда приносили люди. Перед его пещерой журчал прозрачный ручей. Как раз в этот момент старец мылся в ручье, опустившись на колени. «Жалкое убежище», — подумал Ломбарди, бросив взгляд в пещеру: одеяла, лежащие на голой земле, решетка для защиты от волков и других зверей, горшок, кострище. Больше ничего.

Отшельник был бос и носил простую накидку. Борода его доставала до бедер. Он приветливо поздоровался с Ломбарди, улыбаясь ясными голубыми глазами — ясными и голубыми, как вода в ручье.

Ломбарди протянул ему кусок хлеба, взятый с собой на прогулку, и старик засиял. Нечасто у него бывали гости, и совсем редко — такой хороший хлеб. Он развел огонь, вскипятил в своем котелке воду, бросил в нее щепотку травы и пригласил Ломбарди в пещеру.

— Садитесь. Вы пришли от хозяина башни?

Ломбарди опустился на одеяла и прислонился к холодной стене. Вид из пещеры открывался безрадостный: сухие остовы деревьев в легком утреннем тумане. Все еще тоскливо шумел ветер.

— Вам бы лучше поскорее вернуться обратно. В такую погоду легко заплутать. Когда появляется туман и меняется погода, из леса приходит дракон — так говорят люди. Вы человек науки и, возможно, в это не верите, но все-таки будьте осторожны.

Ломбарди смотрел на лес. Смешно верить в дракона, которого не существует. Ночью девушка все уши ему прожужжала, и он спал беспокойно, ему снился дракон, огромный, толстый, во сне он преградил Ломбарди дорогу.

— А вы в него верите? — спросил он старика, который достал острый нож и принялся резать хлеб.

— Какая разница? Я его ни разу не видел, вот и не верю. Но ведь бывают вещи, которые нельзя увидеть, и тем не менее они существуют. Крестьяне из деревни уверяют, что видели, как он разорвал теленка. Вы можете возразить, что крестьяне — люди необразованные, хотя даже весьма образованные люди, бывало, отпраплялись в путь, чтобы убить дракона.

«Сплошные иллюзии», — сердито подумал Ломбарди, но стоило ему взглянуть на сгущающийся туман, и настроение его сразу переменялось: ему стало жутко. Вон там какой-то блеск — не пара ли это ярких глаз? «Это кошка», — успокаивал он себя. Старик принес ему кружку отвара шиповника, который он подсластил остатками меда.

— Вышейте, вам станет теплее.

Ломбарди осушил кружку и встал.

— Да, наверное, мне все-таки лучше вернуться назад.

Отшельник кивнул.

— Все время держитесь правой тропинки, она ведет к башне. Лес здесь мрачный, ему нет ни конца ни края...

— А вы не боитесь вот так, совершенно один?

Старик засмеялся:

— О, если придут грабители или разбойники с большой дороги, то у меня им поживиться нечем. Гораздо хуже не подкрепленные действительностью фантазии, но до сих пор еще дракон не дал себе труда заглянуть ко мне в гости.

Ломбарди попрощался и нырнул в оцепенелую сырость. Казалось, туман гладит его по лицу своими влажными пальцами; вокруг мертвая тишина, тяжелая и холодная, ни звука, ни шороха. Не видно ни одной птицы, не слышно пробирающегося под темными кустами зайца. Неожиданно он потерял дорогу и остановился. Куда он забрел? Неужели заблудился? С какой стороны пещера отшельника? Ломбарди развернулся, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь туман. Он потерял направление и даже не понимал, пришел он слева или справа. Посмотрел вверх: не проглянет ли сквозь туман бледное солнце. Нет. Сердце застучало как бешеное, рука потянулась к спрятанному за голенищем ножу. Ломбарди продирался сквозь кусты и вдруг услышал странный треск, как будто сук оторвался от дерева и упал. А потом еще и крик сипухи: Ломбарди заметил над головой ее широкие светлые крылья. Он изо всех сил старался сохранять спокойствие ведь и у этого леса тоже есть конец, когда-нибудь он все равно наткнется на человеческое жилье. И вдруг сзади он услышал какое-то движение, с грохотом, стонами и фырканием. Похоже на дракона. Ломбарди снова остановился. Драконов не бывает, это все фантазии, которым мы можем давать имена, но ведь ты, Зигер, знаешь, что не все имеющее имя состоит из плоти и крови или из другой материи. Теперь он совершенно отчетливо слышал фыркание, далеко за спиной, там, где туман был таким густым, что проникнуть за него взгляд уже не мог. Тебя решили наказать за ложь, Ломбарди? Они правы, он существует, этот дракон, и ты был глупым мальчишкой, думая, что знаешь все, а на самом деле ничего ты не знаешь. Он повернулся и побежал. Побежал в противоположном направлении, но как будто попал в лабиринт. Он несся куда глаза глядят, как корабль, оказавшийся в море без компаса. Вдруг он почувствовал запах дыма и замедлил шаги. По спине градом катился пот. Где-то здесь дом, в котором развели огонь. Или это огонь из пасти дракона? Яркие языки пламени, которое он изрыгает, прежде чем проглотить добычу? Или он просто растаптывает свою жертву? Теперь Ломбарди услышал впереди журчание воды. По просеке вился ручей, сверху упал луч света, солнце повернулось к западу, и теперь Ломбарди понял, куда ему двигаться. Он почувствовал безграничное облегчение.

Нужно немного пройти на запад, а там уже и башню будет видно.

— У вас есть выбор. Решайте.

Неужели в правилах записано, что женщине следует задать вопрос, чтобы таким образом устроить ей подвох? И тем не менее она должна быть благодарна Штайнеру за предоставленную возможность, потому что это мудрый ход. Ее вполне могли бросить в воду, дабы посмотреть, утонет она или нет.

— Задавайте ваш вопрос, — сказала она.

Его сформулировал Иорданус, поэтому и зачитывать его тоже будет он. Иорданус поднялся и, зажав в руке кусок пергамента, вышел вперед, сохраняя на лице мрачную серьезность.

— Это из Аристотеля. Скажите, где и в какой связи написано, что женщина создает только одно, а мужчина многое. И на каком принципе это положение основано?

Софи кивнула, Иорданус вернулся на скамью. В зале царила тишина. Если она не знает это место, она пропала. Если она понятия не имеет, в каком из многочисленных трудов вышеупомянутого автора и где именно следует искать, то ей обрежут волосы и выставят у позорного столба. День и ночь ее будет мучить жуткая стужа, а кельнцы, проходя мимо, будут над ней смеяться, забрасывая мусором и нечистотами. Ее достоинство втопчут в грязь, и ей придется уйти из города. Она присоединится к отбросам этого мира, отбросам, лишенным и чести, и средств к существованию.

Софи, казалось, задумалась. Вопрос был на самом деле не простым, с подвохом. Конечно, указание на Аристотеля совершенно справедливо, но вообще-то он приводит не свое собственное мнение, а мысль Платона, о чем Иорданус, естественно, не упомянул. И даже если она вспомнит нужный отрывок, это все равно еще только полдела. Штайнер опустил глаза. Он поступил справедливо, предложив дать ей шанс, но вместе с тем он прекрасно знал, что не хочет выступать в роли защитника тех изменений, которых ему мечталось избежать. Он смотрел под стол, на носки своих башмаков, и слушал тишину, нарушаемую только треском поленьев.

— Это написано в «Метафизике», — прозвенел голос Софи.

Штайнер поднял глаза. Настоятель сохранял каменное лицо. Иорданус сложил руки на пергаменте.

— Да, это правильно.

— В шестой главе. Аристотель говорит там о платониках, превративших двойственность в вещественный принцип. Материя предполагает множественность, а вот форма — единственность. Но Аристотель утверждает, что из материи следует только одно, а из формы — многое. Так женщина оплодотворяется единожды, а мужчина оплодотворяет множество раз.

Это было общеизвестно. Некоторые из присутствовавших могли цитировать «Метафизику» наизусть, все девять глав. Факт, что какая-то женщина способна сделать то же самое, причинял им боль, но все-таки они ощущали власть, которая была в их руках и с помощью которой они могли определить исход этого процесса. Она знает, где об этом написано, — и что ж тут удивительного? Обезьяна тоже могла бы цитировать великие труды наизусть, если бы умела говорить. Это ни о чем не свидетельствует. Они бросили ее в воду, а она один раз вынырнула на поверхность. Но это только начало. Теперь они будут удерживать ее под водой с помощью палки, и каждый раз, когда ее голова покажется на поверхности,

будут пихать ее вниз, и когда-нибудь, в конце концов, она уже не сможет получить ни глотка воздуха.

— Вы с этим согласны? Или вы хотите сказать, что требуется со всех сторон рассмотреть это положение, чтобы решить, признать его или нет?

— Я бы согласилась с подобной формулировкой.

— Значит, женщина создает только одно?

— Женское начало получает только один раз, но разве получить и создать — это одно и то же? По-моему, создать — это гораздо больше. Разве женщина не способна, как и мужчина, создавать многое?

Иорданус снова поднялся и подошел прямо к ней.

— Что же материя и что — форма?

— Женщина — это первое, а мужчина — второе.

— Что материя без формы?

— А что форма без материи?

Иорданус сделал еще один шаг вперед.

— Конечно, они взаимосвязаны. Но что же есть образующий элемент? Вы же наверняка согласитесь, что это форма, разве нет?

Софи молчала. Постепенно до нее дошло, к чему он клонит. Материя всего лишь наличествует и ждет, чтобы ей придали форму. Таким образом, форма облагораживает материю, вдыхает в нее жизнь. Именно это они хотят услышать.

— Что такое форма без материи? Без нее она лишена смысла, — тихо сказала она. — Что это за принцип, который всего лишь идея? Это все равно что отделять вещи от образов, как поступаете вы.

Все подались вперед, чтобы лучше слышать. Что сказала эта женщина? Она снова возвращает их к старому диспуту? К их собственному молчаливому спору? Иорданус замер. На такое он не рассчитывал.

— Хорошо. Тогда скажите мне, какова ваша точка зрения.

Софи вот-вот угодит в свою собственную ловушку. Она, хоть и слишком поздно, заметила, что пропадет, если только ответит на этот вопрос. Но ей не терпелось выплеснуть свой гнев. Зачем ее выставили на всеобщее обозрение и задают дурацкие вопросы? Из-за того, что она без разрешения проникла на их лекции? Она колебалась. Что советовал ей Ломбарди? Быть тихой и покорной, господам магистрам это понравится, и тогда они позволят ей выпутаться без особого ущерба. А вопрос о деньгах они пока отложили, значит, ситуация не так уж и плоха. Она скажет, что отчим одолжил ей денег...

Господа ждали, но она словно лишилась голоса. Традиционалисты в большинстве — значит, было бы неплохо подольститься к ним, заявить, что они, как всегда, правы, даже если она простая женщина, мнение которой ничего не значит...

Но верх взяла ненависть Софи чувствовала, как та подступает к самому горлу. Позже, гораздо позже она осознает, что это отвращение к Касаллу, запоздалый триумф, битва, которую она вела с ним, хотя он давно уже был мертв. Она словно увидела перед собой его лицо, его глаза, руки, которые мучили ее тело и ломали волю. Это Касалла она ненавидела и ненавидит до сих пор, а вовсе не тех, кто сидел сейчас перед ней, но она больше уже не хотела отделять одно от другого. Перед ней сидело двадцать Касаллов, они налетали на нее с кулаками, издевались над ней, пытали и унижали. Не изменилось ничего. Она почти чувствовала, как по спине уже бежит теплая кровь...

— Я не стою ни на чьей стороне, — сказала она громко и отчетливо. — Это не мой способ мышления. Он только ваш. Цепляйтесь за него, если считаете, что он имеет смысл.

Штайнер глубоко вздохнул. Больше всего ему хотелось встать и выйти из зала. Он опустил глаза. Магистры начали перешептываться, прокатился недовольный гул, в зале росло возмущение. Что несет эта женщина?

— Я правильно вас понял? Вы ни к кому не примыкаете? Да, конечно, а как же иначе, ведь вы женщина. Вы наверняка ничего не поняли. Значит, все-таки овца забралась в латинскую школу и делает вид, что умеет держать в копытах перо.

Иорданус был в гневе. Он принял сторону Штайнера и, соответственно, тех, кто хотел проявить мягкость к обвиняемой. Но ее ответы расставили все по своим местам.

— Оставьте свою философию при себе, — продолжала она. — Я больше знать о ней не хочу. Заниматься этим глупо. Все свершается только у вас в головах и не имеет никакого отношения к реальности.

Все одновременно вскочили и одновременно подлетели к столу, чуть не сбив ее с ног. Служителю пришлось приложить немало усилий, чтобы помешать им наброситься на Софи. Настоятель и канцлер были единственными, кто остался сидеть, они только молча качали головами.

— Откуда она взяла деньги, чтобы заплатить за учебу?! — вопил Рюдегер. — Что она скрывала, записываясь под чужим именем? Чем она занималась с де Сверте? Она лжет, уверяя, что он ее принудил. Это необходимо расследовать.

Он стащил бы женщину со скамьи, если бы служитель не удержал его за руку. Ситуация угрожала выйти из-под контроля. Судья тоже поднялся и попросил всех успокоиться, но это не помогло.

— У де Сверте были найдены странные символы и знаки, нацарапанные на железном щите, с ними еще предстоит разобраться. Символы подозрительного толка, если вам интересно мое мнение. Де Сверте был не только алхимиком, но еще и занимался черной магией! — вопил Рюдегер. Его было не остановить.

Брозиус, Иорданус и Хунгерланд сидели как пригвожденные. Бросали отчаянные взгляды на Штайнера, но тот махнул рукой. Она сама виновата. Немного дипломатии, немного униженности и покорности — и они могли бы спасти ее от ужасной участи. Но теперь, когда она выразила сомнение в их компетентности и угрожала выставить их в смешном свете, помочь ей не мог уже никто. Она сама вымостила себе дорогу в ад.

— Спокойствие, — голос настоятеля проник во все уголки зала. — Если вы немедленно не успокоитесь, я велю очистить помещение.

Все снова сели.

— Вранье это, что де Сверте захватил ее в плен. Она сама в союзе с демоническими силами, — сказал один из магистров, дав таким образом сигнал, которого все ждали.

— Но это совсем другое обвинение, — сказал настоятель.

— Да, мы выдвигаем новое обвинение. В демоническом колдовстве.

— Это обвинение не поддержат, — пробормотал Штайнер Иорданусу, тот кивнул:

— Да, если надзиратель, свидетель, не струсит. А вдруг он переметнется? Если он откажется от показаний в пользу Софи Касалл и примется утверждать обратное, потому что здесь полно людей заинтересованных?

Штайнер молчал. Куда подевался Ломбарди? Почему он лазает по каким-то горам, бросив их тут одних?

Было уже поздно, он устроился в своей комнате с бокалом вина и книгой. Но вскоре раздался стук в дверь. Служанка пошла открывать. Он услышал шаги. Потом дверь распахнулась, и появился Ломбарди. Снял плащ, бросил его на спинку стула и без приглашения подсел за стол к Штайнеру.

— Я смотрю, у вас хорошее вино. Ну, чем закончилось заседание?

Штайнер захлопнул книгу.

— Вы были правы. Она глупее, чем я предполагал. Заявила, что заниматься философией смешно. Об остальном можно не рассказывать.

Ломбарди растерянно кивнул. Да, можно не рассказывать.

— А поскольку она настроила их против себя, теперь будет рассматриваться обвинение в колдовстве. Эта женщина утратила разум. Она легко могла выпутаться, с ее-то знанием Аристотеля... — Он взял бутылку и налил Ломбарди вина. — Она нисколько не раскаивалась, как будто у нее в кармане давно лежит ключ, которым она в любой момент может открыть двери тюрьмы. Вы что-нибудь понимаете?

Ломбарди молчал. Попробовал вино, хорошее сухое рейнское вино с легким привкусом смородины. Подумал. Она действительно утратила разум? Или ненависть ее столь велика, что лишила ее способности рассуждать здраво?

— А откуда у нее деньги на учебу? — наконец спросил он. — Я имею в виду, где-то ведь она должна была взять эти деньги.

— Она отказывается об этом говорить... Как провели время в Каленберге?

Ломбарди рассказал о своем дяде и о драконе, в которого люди верят, хотя до сих пор ни разу его не видели.

— Вы думаете, что любовь тоже только образ? — Этот вопрос прозвучал совсем тихо.

Штайнер засмеялся.

— Образ? Подобно дракону? А почему бы и нет? Люди боятся дракона, хотя ни разу его не видели. И чего только они не боятся, когда испытывают любовь, которой тоже никто никогда не видел. Она, как и дракон, есть продукт нашей фантазии или дурных соков, присутствующих в нашей крови и несущих ответственность за странности поведения. Но скажите, у своего дяди вы размышляли только о любви?

Ломбарди молчал. Он вернулся, осознав, что он безнадежный трус.

— Слушайте, Штайнер, мне нужно с ней поговорить. Я могу вам довериться?

Штайнер устало кивнул головой. Как долго еще он проработает на этом факультете? Сколько сможет продержаться, если канцлер, ректор и магистры повернут время вспять и изгонят из города *moderni*?

— Оставьте свои планы при себе, Зигер, что бы вы ни собирались сделать. Если хотите ей помочь, то постарайтесь успеть, пока она еще в конvente. Стоит ей попасть в руки доминиканцев, и выкупить ее нельзя будет ни за какие деньги.

Ломбарди встал. Кивнул Штайнеру и вышел из дома. Улица встретила его прохладным дождем. Башмаки месили жидкую грязь. А вот и маленький домик матери Софи на углу Лунгенгассе. За окном мигала свеча. Он позвонил. Дверь открыла одна из сестер.

— Я могу поговорить с вашей матушкой?

Девушка молча смотрела на него. Стоявшая в прихожей мать спросила, что ему угодно. Денег, ответил он, ему нужны деньги, чтобы подкупить охранника и получить возможность поговорить с ее дочерью. Вдова сходила за мешком покойного супруга и высыпала золотые

монеты на стол. Десять, двадцать? У нее их много. Он без слов сунул в карман пятнадцать монет — такой суммы ему не доводилось видеть ни разу в жизни. Быстро попрощался и ушел.

На следующее утро он пришел к старшему пастору и был удивлен царившей во дворе суетой. Монахи взволнованно метались туда-сюда. Неужели Софи уже увезли? Может быть, бросили в одну из башен, где ее уже записали в тюремную книгу как ведьму? Не направляется ли прямехонько сюда сам Папа? Что так всполошило всех? Он решительно обратился к одному из мужчин. Тот посмотрел на него внимательно, а потом ткнул пальцем в здание конвента:

— Вдова Касалл исчезла. Она ведьма, вот и улетела из камеры. Представляете?!

Ломбарди стоял как громом пораженный. Значит, ведьма? Сбежала, несмотря на сильнейшую охрану. Кто-то сзади мягко коснулся его плеча:

— У нее был сообщник. Что вы здесь делаете, Иорданус.

— Я случайно шел мимо и заметил суету. Она действительно исчезла?

— Да. Кто-то пришел ей на помощь, но братия уверяет, что ночью здесь никого не было.

— Может быть, им заплатили.

— Братьям?! Ради Бога! Они ведь все спали у себя в кельях. Но откуда этот самый помощник узнал, где спрятан ключ от камеры вдовы?

В этот момент появился канцлер, он пересек площадь и скрылся в здании.

Ломбарди тихо спросил:

— А кто мог быть заинтересован в том, чтобы освободить ее и не дать участвовать в этом процессе?

Иорданус посмотрел ему в глаза:

— Да, кто? По-моему, под подозрение попадают совсем немногие. Как насчет вас? Говорят, что вы хорошо к ней относились...

— Я не меньше вашего поражен тем, что она исчезла. Ночь я провел в схолариуме, у меня есть свидетели.

Иорданус, наморщив лоб, продолжал наблюдать за суетой, царившей перед зданием.

— Значит, она исчезла, маленькая птичка, — пробормотал он. — Улетела, словно ангел. Что теперь будет?

Если раньше Софи хотели навязать процесс по поводу колдовства, основываясь только на предположениях, то теперь подтвердились самые худшие опасения. У нее явно не было возможности исчезнуть из камеры самостоятельно. Опросили всех, но монахи уверяли, что крепко спали, да и вообще было абсурдным предполагать, что кто-то из них стремился ее освободить. Охранник, которому вменили в обязанность приносить ей еду и заботиться о душевном утешении, был в полной растерянности. После вечерней молитвы он принес ей ужин и еще раз проверил замок. Дверь была закрыта, он готов в этом поклясться, а ключ он забрал с собой в келью, как делал всегда. Ночью к нему никто не заходил, ключи были на месте. У него чуткий сон, он бы услышал, если бы кто-то попытался их выкрасть.

Все собрались в галерее, обсуждая, что предпринять дальше. Канцлер, сев на скамью, впери взгляд в пустоту.

— Мы ее недооценили, — пробурчал он. — У нее были сообщники... Или у вас есть другое объяснение?

Иорданус был в полной растерянности. В дьявола он не верил, мысль о сообщниках

представлялась ему просто абсурдной, потому как взяться таковым было неоткуда. Так что же произошло на самом деле?

Он решил отправиться в схоляриум, чтобы получить подтверждение относительно Ломбарди.

После того как карлик сгинул в огне, во главе схоляриума встал Ломбарди. Но это, конечно, только временно, пока подбирают нового приора, потому что Ломбарди не является клириком.

Иорданус нашел Ломбарди в рефекториуме, где как раз обедали. Он без слов сел за стол, служанка поставила перед ним тарелку и кружку. Студенты молча жевали, а когда вознамерились встать, чтобы идти в часовню на молитву, Иорданус попросил их задержаться.

— Софи Касалл исчезла... — начал он, хотя все уже об этом и так знали.

Он хотел выяснить, у всех ли есть алиби на прошлую ночь. Студенты растерянно переглядывались. Надзиратель объяснил, что он закрыл двери и хранил ключ за пазухой. Ночью никто не мог выйти.

— И Ломбарди тоже? — поинтересовался Иорданус.

— И Ломбарди тоже, — ответил надзиратель.

Иорданус встал, поблагодарил и вышел.

— В городе рассказывают, что ночью над конвентом летал огненный столп. Это наверняка была она, — сказал один из студентов.

— Значит, она все-таки ведьма, — пробормотал другой. — А мы и не заметили. Она сидела на лекциях рядом с нами и могла натворить бог знает что...

— Чушь! — крикнул третий. — Это все досужие разговоры. Не бывает так, чтобы человек просто растворился в воздухе и исчез. Конечно, у нее был помощник. Возможно, любовник...

— Нет сомнений, один из монахов, — усмехнулся первый. — Вместе с ней возлежал на ложе. А когда утомился, отпустил ее на все четыре стороны.

Все засмеялись. Но смех их был натянутым. Не может человек вот так просто взять и исчезнуть. Они, воспринимающие мир через просветленный дух, не хотели ничего знать ни про ведьм, ни про демонов. А сейчас их пытались убедить в обратном, и они видели, как возведенное ими здание шатается, словно трухлявое дерево.

Взгляд Ломбарди остановился на Лаурьене.

В последнее время он вел себя тихо и незаметно и был очень подавлен, как будто изнутри его грызла тяжелая, мрачная тайна. Лаурьен? У Ломбарди перехватило дыхание. Нет, наверняка не он. Лаурьену бы вообще не удалось выбраться из схоляриума. Как и никому другому, включая его самого.

— Ну и как вы съездили к дяде? — неожиданно спросил Брозиус.

Ломбарди тихо засмеялся:

— О, я занимался тем, что пытался овеществить дракона.

— Дракона?

— Да, крестьяне верят, что у них в лесу поселился дракон. А заблудившись в тумане, даже я на несколько минут в него уверовал. Да, уважаемый коллега, все сходится на одном, вам не кажется? Дракон в деревне, ведьма в городе...

— Обман зрения, — пробормотал Брозиус. — К нему мы еще вернемся, когда всех

совокупных сил нашего духа окажется недостаточно для объяснения мира. Там, откуда я родом, в маленькой альпийской деревушке, люди верят в Белую Женщину и в духов, прячущихся в горах. Эти духи бывают добрыми и злыми, как и сами горы, в которых они живут.

Ломбарди кивнул. Да, и там, откуда родом он сам, а это не очень далеко от родины Брозиуса, живут всемогущие духи. Альпы буквально кишат гномами, троллями, феями, нимфами, колдунами, белыми и черными предводительницами ведьм, обитающими в воздухе, на доступной человеческому взгляду высоте.

— Видения, — сказал он презрительно.

Брозиус улыбнулся:

— Да, видения. Ничего кроме видений, но у нас для познания мира всего три возможности: дух, создающий себя из себя же, наблюдение за природой, как учит Бэкон, и в последнюю очередь мифы. Иногда я не знаю, что из них ближе к истине, если, конечно, таковая существует...

Они поднялись и вместе отправились на молитву.

Ночью он услышал, что кто-то скребется в зарешеченное окно. Заспанными глазами он уставился в темноту и прислушался. Кто-то его опередил, спасибо ему. Ради этой женщины он чуть было не поставил на карту свою жизнь — почему? Только чтобы наконец поразвлечься с ней в постели? Во имя часа наслаждений, которые он может получить где угодно? Нет, за этим скрывается нечто большее, но, сколько бы он ни думал, другого объяснения не находил. Что он почувствует, как только удовлетворит свое желание? Неужели его сердце снова заполнит смертельная тоска? Женщины всегда интересовали его только до тех пор, пока он не получал желаемое. Никогда ему не приходила в голову мысль ждать от них большего, чем плотские утехи. Но с Софи ему хотелось разговаривать, он мог бы дискутировать с ней целыми ночами. А теперь появился другой, и этот другой ведет с ней беседы. В окно снова тихо поскреблись. Он встал и попытался что-нибудь разглядеть в темноте. Неужели пролетавшая мимо ведьма постучалась к нему? По спине потек горячий щекочущий пот. За стеклом не было ничего кроме ветра, со свистом облетающего схолариум.

У всех кельнцев на устах было одно и то же. Наконец-то появилась по-настоящему пугающая тема, которую можно обсудить с соседкой, услышавшей от кого-то что-то еще, а тот, в свою очередь, узнал и другую любопытную подробность. Если господа теологи рассуждают об ангелах, тогда не исключено и существование женщины, освободившейся за счет волшебной силы. Любое понятие должно один раз получить свой образ, неважно какой и из каких источников, и тогда его можно лицезреть. Да, это дошло даже до самых тупых из горожан. Бога ведь тоже никто не видел, и все-таки он существует. Ангелов никто не видел, и все-таки они существуют. Дьявола тоже, наверное, не видел никто, но любому известно, что он имеет обыкновение принимать различные образы. Он может вселиться в кого угодно, даже в человека, и свести его с ума или превратить в шута. А вот в Папе заключена частичка божественного дыхания! То, что имеет имя, должно существовать. Точка. Все остальное нелогично. В магов и дьявола, в демонов и драконов они верили так же, как в Страшный суд, а ведь на нем, в конце концов, тоже пока еще никто из них не побывал.

Брызги попадали Штайнеру на лицо. Он выбрал себе самое неудобное место на корабле. Волосы намокли, плащ отсырел. Погода была подходящая для прогулки, холодная, зато ясная. Под бледно-голубым небом по берегам раскинулись поля и деревеньки. Картина наводила на определенные мысли. Штайнер развернулся и принялся искать глазами бакалавра. Ганс фон Штехемессер был восходящей звездой кёльнского университета; считалось, что однажды он достигнет больших высот. Но в данный момент у Штехемессера были другие заботы, не связанные с карьерой: свесив голову через борт, он прочищал свой желудок, недостаточно крепкий для такой качки. Когда первые спазмы прошли, бакалавр выпрямился и повернул голову к Штайнеру.

— Мне очень жаль, но речные путешествия еще никогда меня не...

Штайнер улыбнулся:

— Может быть, вам спуститься вниз?

Штехемессер махнул рукой. Каюты меньше мышинных нор, а скрип корабельного остова выводит его из себя. Уж лучше смотреть вдаль, подставляя лицо брызгам. Можно видеть проплывающие мимо замки, возвышающиеся на покрытых нежной зеленью холмах. Прежде чем они почувствуют под ногами твердую почву, пройдет добрых два часа, а за это время его желудок еще раз сто перевернется, словно крылья ветряной мельницы. Во время их краткого путешествия по реке ему мало что доведется увидеть собственными глазами.

— Вы знаете, что в городе ни о чем другом не говорят? — спросил он Штайнера и посмотрел на корабельщиков, которые перекидывали через релинг тяжелые тросы.

— Да. Они уже сейчас считают ее ведьмой только потому, что она исчезла. Шельма тот, кто позволил ей бежать.

— Значит, вы не верите в эту чушь насчет колдовства?

— Нет, конечно не верю. Но вам же знаком принцип...

— Безусловно.

Штехемессер попытался сосредоточиться на разговоре. Но желудок бунтовал. Он плотно сжал губы.

— Если следовать логике, то правы те, кто утверждает, что каждому понятию соответствует некий образ, — сказал он наконец, стараясь сдержать тошноту.

— Это всё игры, — презрительно возразил Штайнер. — Игры в слова, в идеи. За ними ничего не стоит. Изобрести новое слово, составить его из уже имеющихся понятий. Что было раньше? Вещь или ее имя?

— Вещь, — удивленно ответил Штехемессер. — Бог создал мир, то есть вещи. И только потом человека. Так как же имя могло появиться раньше?

— В начале было Слово, — пробормотал Штайнер, — а не вещь.

Штехемессер постарался отвлечься от своего состояния, сочиняя слова. Свечеконь. Маслодрево. Куротуч. Уткоангел. Кто такой уткоангел? Где он живет?

Еще до Нессе он успел сочинить пятьдесят таких слов, одно абсурднее другого. Зато сие странное творчество помогало утихомирить желудок. Да, в определенной степени он держал его в узде, подпитывая новой пищей из составленных им бессмысленных слов. Кораблерусло. Бузиноволос. Мышекус.

— Вам плохо? — забеспокоился Штайнер, потому что коллега уж больно по-идиотски таращился на воду.

— Вы хоть раз в жизни видели уткоангела?

Штайнер открыл рот:

— А это что такое?

— Он должен существовать, ведь я придумал для него имя. Может быть, это ангел, имеющий форму утки, вы как считаете?

Штайнер встал и отправился к капитану за бутылкой вина: может быть, качественный выдержанный напиток поможет избавить Штехемессера от наваждения.

— Кто был заинтересован в том, чтобы освободить девушку? — пробормотал Штайнер, вернувшись.

Штехемессер открыл бутылку и сделал изрядный глоток.

— Да, кто? — спросил, ухмыляясь, бакалавр. — Если серьезно, то мне в голову не приходит ни один кандидат, разве что у нее был любовник.

Штайнер покачал головой:

— Ему бы пришлось каким-то образом проникнуть в главный приход Кому это по силам? Нет, речь идет явно о человеке, который там живет. Который мог взять ключ, открыть дверь и сделать так, чтобы Софи Касалл выбралась оттуда незамеченной.

Штехемессер засмеялся. Вино пошло ему на пользу. Теперь ему было еще хуже, чем раньше, зато он перестал обращать на это внимание. Резкий крен суденышка заставил его захохотать, а когда он посмотрел на Штайнера, ему показалось, что тот тоже принял наклонное положение.

— Старший пастор, — сказал он, довольно улыбаясь.

— Магистра Штайнера нет. Зачем он тебе понадобился?

Лаурьен колебался. Разговаривать с Ломбарди он не будет. Иорданус? Брозиус? Хунгерланд? Им он не доверяет. Надеется только на Штайнера.

— Да так, ерунда, — пробормотал он и вышел на улицу.

Служанка Штайнера смотрела ему вслед, качая головой. Перед собором просили милостыню приютские дети, сборщики костей ковырялись в отбросах.

«Вылетела в зарешеченное окно, настолько маленькое, что в него не протиснется и ребенок». Он обернулся. Об этом говорят уже даже старые шлюхи на улицах.

Лаурьен чувствовал, что его загнали в угол, что его преследуют. Он зашел в церковь прислонился к колонне и посмотрел вверх, прямо в каменную пасть крылатого чудовища, украшающего капитель. Повсюду духи и демоны, даже в самом святом месте, там, где живет Бог. Неужели Брозиус все-таки прав и вера в колдовство возвышается над всем? Даже над силой духа? Над исследованием природы? Больше уже не за что зацепиться, если правит бал эта вера, затягивающая в темный, мрачный подземный мир.

«...Скажу вам вот что: если ведьмы начнут вот так просто проходить сквозь стены, то наша задача — избавить мир от подобного зла. Кто-нибудь ее видел? Разве она не была почтенной вдовой? И обратилась ко злу, ею завладели магические силы...» Священник на кафедре. Лаурьен заткнул уши. Софи не ведьма. Любая женщина больше ведьма, чем это чудесное создание. Софи была его другом, хотя, Господи, что за чушь! У него никогда не было этого друга, ведь она женщина. Измученный осознанием того, что лучший друг его обманывал, выдавая себя за другого, Лаурьен снова вернулся в сулящую утешение меланхолию, которая заставила его воспринимать мир исключительно как обман и иллюзию. И все равно он не мог не восхищаться этой женщиной. И надо же было такому случиться! Заранее было ясно, что над ней устроят процесс, но то, что ее заподозрят в занятиях черной магией, и даже выдвинут соответствующее обвинение, он воспринял как

чистейшей воды издевку. Весь город разыскивает беглянку. Неужели он единственный, кому удалось сохранить разум? Не могут же люди всерьез думать, что она летает сквозь стены! А ведь разгадка очень проста: у нее был союзник. Вот только кто же именно? Этот вопрос заводил его в тупик. Сам он, конечно бы, ей помог, если бы у него была такая возможность, но ведь это был не он. И не Ломбарди. Штайнер? Нет, это чересчур уж смелое предположение. Сей почтенный человек никогда бы не нарушил устав тайно, он всегда ищет разумное решение и действует открыто. Так кто же?

На город опустели сумерки. В высоких окнах мелькали отблески, красные, как кровь. Церковь совсем опустела, все стихло. Только пара верующих еще внимала предостережениям священника. Снаружи, на площади, одно развлечение сменялось другим, ведь люди с гораздо большей охотой ходят смотреть на танцующих медведей и фокусников или отправляются к цирюльнику, который, конечно, вырывает зубы не даром, зато, поскольку родом он из Аравии, продает новое снадобье, которое делает процедуру почти безболезненной. На рыночной площади что-то кричали актеры, но здесь, в церкви, их было еле-еле слышно. Какой-то человек поднялся с колен и пошел в южный неф. Маленькая фигурка с очень знакомой походкой. Из-под капюшона выбиваются волосы пшеничного цвета, в руках книга, видимо Библия. Но походка! В ней была удивительная легкость, как ее не узнать! Но так не бывает, этого просто не может быть, потому что сей человек умер.

— Эй! — закричал Лаурьен и страшно перепугался, когда его голос, как будто подхваченный тысячекратным эхом, отозвался под сводами. — Держите его!

Стоящие у алтаря удивленно повернули головы. В этот момент человек бросился к выходу. И только тут до Лаурьена дошло, что его необходимо догнать. На улице было полно народу. Он протискивался сквозь толпу, расталкивал людей, стараясь не потерять из виду эту маленькую фигурку. Лаурьен нагнал его на старой рыночной площади, недалеко от мясных рядов, где тот остановился, считая, что ушел от погони. Лаурьен схватил его за рукав, карлик обернулся, вскрикнул, ловко увернулся и выскользнул из плаща. И исчез. Лаурьен растерялся настолько, что не смог отреагировать сразу, а долго таращился на раскачивающуюся в его пальцах добычу и только потом бросился в погоню. Карлик как сквозь землю провалился. Лаурьен еще какое-то время поискал меж лотков, но безрезультатно. У него остался лишь плащ Его единственное доказательство.

— Ты поедешь домой, пару месяцев отдохнешь, а потом вернешься, ладно, Лаурьен?

Новый приор, еще совсем молодой человек, уже три дня руководивший схолариумом и старавшийся поближе познакомиться со студентами, покачал головой. Неужели все они здесь в таком же напряжении, как этот мальчик? Лаурьен лежал в комнате для больных и не говорил ни слова. Все необходимое он сказал в тот вечер, когда, вне себя от волнения, вернулся в схолариум, положил на стол плащ и, совершенно измотанный, тут же направился сюда. С тех пор он лежал в кровати и молчал. Старый приор умер, об этом знали все. Так кто же был тот человек, плащ которого он принес? Наверное, ему просто показалось. Плащ принадлежал карлику, это верно, но совсем не доказывает, что этим карликом был де Сверте.

Брозиус сидел на скамейке рядом с кроватью.

— В этом городе много карликов. Бог не наделил их ростом и статной фигурой, но наградил другими достоинствами: силой духа, добрым сердцем, милостью небесной. Ты наверняка обознался.

Лаурьен кивнул. Он вернется домой, в маленький городок на Нижнем Рейне. Там нет факультета, нет братьев свободного духа, нет там убийц и карликов, которые сначала умирают, а потом оживают снова.

Там царит провинциальный покой, там тихая природа. Хватит с него учебы. Он провел в этом городе почти год, все мечты кончились. Чтобы стать писарем, как отец, совсем не нужно учиться на факультете. Сюда он больше не вернется.

Брозиус встал, и они с приором вышли из комнаты. Войдя в кабинет приора, они сели, и какое-то время каждый молча смотрел перед собой. Они оба ощущали дыхание зла, хотя верить в это им не хотелось. Окно было открыто, занавеска развевалась на ветру. Птички пели, теплый воздух пах весной.

— Слабые нервы, — сделал заключение Брозиус. — Он совсем еще ребенок. Дома он придет в себя.

Приор молчал. Ему уже успели поведать о странных событиях на факультете, рассказали про убийство магистра, про философские загадки и смерть студента. И, конечно, не забыли рассказать про женщину, которая самым необъяснимым образом исчезла из камеры. А теперь еще и это! В Кёльне действительно нет ничего невозможного.

— А это точно, что де Сверте сгорел в том доме? — тихо спросил он и тут же встал, чтобы закрыть окно.

— Не было найдено ни одной косточки. Штайнер не исключает возможности, что приор мог спастись. Он велел стражникам составить список всех найденных на пожарище вещей. Они злятся, но вот уже несколько дней исправно роются на пепелище. Де Сверте использовал порох и некую неизвестную мне смесь из серы, угля и какого-то алхимического соединения. Дом буквально взлетел на воздух.

Приор остановился у окна.

— Значит, не осталось никаких следов этого человека?

— Нет, ничего.

— А может, студент не так уж и ошибается? Алхимик, который, насколько я слышал, владел еще и черной магией, имеет в своем распоряжении самые различные средства, чтобы вводить в заблуждение других...

— Ерунда! — вырвалось у Брозиуса. — В городе и без того беспокойно, так не стоит подливать масла в огонь, высказывая предположение, что де Сверте не умер. Какое нам дело? Пусть таскается по церквам. Пусть ночует под городскими воротами. Если Лаурьен завтра или послезавтра уедет домой, то никто ничего не узнает. Давайте скроем неприятную историю под покровом молчания и вернемся к своим занятиям. К чему ломать голову, разбираясь с призраками!

Приор кивнул. Да, наверное, это правильно. Ничего не видеть, ничего не слышать. Молчать.

День еще только клонился к вечеру, когда старый стражник со списком появился у Штайнера. Поскольку сам он писать не умел, то обратился за помощью к факультетскому копиисту и теперь гордо демонстрировал лист бумаги, на котором были отмечены каждая балка и каждый камень. Штайнер поблагодарил, и стражник из мешка высыпал на стол находки: обрывки обугленной бумаги, тигли, кастрюли, дистиллятор, чернильницу, пару почерневших башмаков, наполовину сгоревшую шляпу, кольцо...

Штайнер замер. Почему-то это кольцо показалось ему знакомым. Где-то он его уже

видел. Золотое кольцо с гербом. Правда, из-за жара изображение наполовину расплавилось, но зверя видно совершенно отчетливо. Барсук.

— С этим кольцом что-то не так? — спросил стражник. — Мы нашли его в железном ящичке... подождите, вот он... — Стражник вытащил из кучи железную шкатулку с расплавившейся крышкой. — Кольцо лежало здесь.

Штайнер не сводил глаз с находки. А потом поблагодарил стражника, накинул плащ, сунул кольцо в карман и вышел из дома.

К юго-востоку от собора находилось кладбище. А чуть дальше возвышалась колокольная церковь Пречистой Девы Марии. Было еще достаточно светло, и Штайнер наслаждался царившим вокруг покоем. На этом кладбище погребен близкий друг канцлера. Теплый мартовский ветер скидывал листья с могил, на которых проклюнулись первые медуницы. Канцлер стоял у могилы, молитвенно сложив руки, и не пошевелился даже тогда, коша услышал шорох листьев под ногами Штайнера. Магистр остановился, чтобы не нарушить его сосредоточения, но канцлер, не оборачиваясь, поманил его к себе.

Он подошел ближе и произнес:

— Люди хотят крови. Народ в своей жажде крови отвратителен, и я все время задаю себе вопрос, как воспитать в нем милосердие. — Он усмехнулся. — В древности людей задабривали хлебом и зрелищами.

Канцлер кивнул:

— Да, какой-то выход находится всегда.

Они молча смотрели на могилу, над которой гулял легкий ветер, поднимающий в воздух старые листья. Солнце садилось, совсем скоро на кладбище воцарится тьма.

— Я решил узнать, нет ли чего нового относительно исчезновения Софи Касалл.

— А почему вы пришли с этим ко мне?

— Никто из братии не выпустил бы ее. Это никому не нужно. А теперь жители Кёльна, не закрывая рта, твердят, что она ведьма, которая закончит свои дни в пламени преисподней. И мне вдруг подумалось, что вам не захочется устраивать грандиозный процесс и привлекать еще большее внимание.

Канцлер тихо засмеялся:

— И что мне вам ответить, Штайнер? Что я ее отпустил, потому что являюсь единственным, кто имел такую возможность? Мне не терпелось устроить над ней процесс, я чувствую нездоровые тенденции и на самом деле стоял перед дилеммой. Вы же знаете, что этот город с незапамятных времен пытается избавиться от чрезмерной опеки епископа. Что бы произошло, если бы начался процесс, на котором эту женщину обвинили бы в колдовстве? Народ жаждет развлечений...

Он повернулся к Штайнеру и положил руку ему на плечо:

— Оставьте все как есть. Не задавайте больше вопросов, тем более мне.

— Да, — пробормотал Штайнер, — больше никаких вопросов.

Он медлил. Тем временем на Божью пашню опустились сумерки. Собор светился слабым рассеянным светом. У Штайнера на языке вертелся вопрос насчет де Сверте. Не вставая с постели Лаурьен все-таки доверился Штайнеру и рассказал ему о встрече с призраком. Потом Штайнер осмотрел плащ, который вполне мог принадлежать любому низкорослому канонику, а таковых в городе не так уж и мало.

— Де Сверте... — тихо произнес он, плотнее закутываясь в плащ, потому что

приближающаяся ночь принесла с собой холод.

— Это не имеет значения, — раздраженно перебил его канцлер. — Лаурьен слишком перевозбудился, он так и не смог здесь прижиться. Не каждому дано стать студентом. Де Сверте мертв. Людям, вне всякого сомнения, очень бы понравилось, если бы среди них разгуливал восставший из гроба мертвец. Это фантазии, Штайнер, которые никак не хотят оставить нас в покое, видения, которые мы не можем закрепить в вещах, поэтому они будоражат наши головы.

Он вознамерился было уйти, но еще раз остановился и указал на могилу своего друга:

— Только там мы перестаем фантазировать и подстраивать мир под себя. Но это утешает, вы не находите?

Штайнеру стало холодно. Он вынул из кармана кольцо и протянул его канцлеру:

— Вы знаете, чье это кольцо?

— Понятия не имею. А я должен знать?

— Нет, конечно, не должны. Но я уже видел это изображение, только никак не могу вспомнить где. Это кольцо нашли в лаборатории де Сверте.

За рваной чередой туч появилась луна, она залила кладбище своим мертвенно-бледным светом. Ветер уже свистел и выл.

— И что это значит? — резко спросил канцлер.

— Я не знаю. Мне бы вспомнить, где я видел это животное... Кольцо довольно дорогое, массивное. Это золото, а вместо глаз у барсука два больших рубина. Посмотрите.

Перед канцлером блеснули темно-красные барсучьи глаза. Действительно, дорогая вещица. Канцлер повернулся и исчез в темноте.

Стоял первый по-настоящему теплый и солнечный мартовский день. Уже несколько недель назад кельнцы с танцами и гуляниями прогнали зиму, и, похоже, она ушла окончательно. Пора собирать вещи.

Ломбарди сидел на изгороди у реки и размышлял о будущем. Недавно магистры и студенты привезли из Парижа учение Оккама, но Кельн сейчас для него не самое подходящее место, здесь неспокойно. Говорят, что принято решение вернуться к реализму, и номиналисты задумались, куда же податься. Неплохо бы попасть в Хайдельберг, рассуждал Ломбарди, там реалисты под запретом, и это заставляет их подыскивать другие университеты. Так что сторонники двух направлений встречаются где-то в центре империи и расходятся в разные стороны, как два каравана, пути которых постоянно пересекаются.

Ломбарди пошел обратно в город. Остановившись у дома матери Софи, позвонил. Она сама открыла и испуганно посмотрела ему в глаза:

— У вас есть новости?

Он покачал головой. Ее то ли убили, то ли перевезли в другое место. Нет никакой надежды, что она вернется, но об этом он не сказал. Просто попрощался и пошел дальше, к схолариуму. Там собрал в мешок все свои немногочисленные пожитки. А потом стопкой выложил на стол книги. Когда в дверь постучали, он рассеянно листал работу Оккама. Штайнер вошел с нерешительным видом и бросил взгляд на открытую книгу и на собранный мешок.

— Значит, вы на самом деле хотите уехать.

— А вы нет?

Штайнер засмеялся:

— Я слишком стар. Старое дерево нельзя пересадить, оно погибнет. И я никогда не скрывал, что согласен учить хоть одному, хоть другому. Может быть, оба подхода правильные, в каждом что-то есть.

— Даже если они взаимно друг друга исключают?

— А это так? Вы не думаете, что истин бывает сразу несколько?

Ломбарди покачал головой и захлопнул книгу.

— Разве дело только в содержании? А не во власти ли? Знаете, почему Оккам неудобен церкви? Он обвиняет ее в том, что ее политика основана на власти. А мы прицепились к этому спору как червяк к удочке. Да, мы ничего не значим, мы просто как наживка для рыбака...

Штайнер сделал несколько шагов и опустился на скамью.

— Речь идет не о политике или власти, Зигер, — пробормотал он. — Речь идет о том, допускают ли вера и знание наличие двух различных истин. Вера и знание всегда шли рука об руку, а сейчас их тысячелетняя связь рвется. Это движение вперед, но оно фатально, о чем вы, молодежь, конечно же, слышать не хотите. Как вы думаете, какими будут последствия наших попыток превратить веру и знание в две различные науки? Мы разорвем этот мир. Одни пойдут по теологическому пути, а другие — по пути учения, которое верит только в то, что, как ему кажется, оно на самом деле знает. Пока еще всех нас объединяет вера в Бога, но это закончится, потому что однажды философу уже будет недостаточно одной веры в Бога, он захочет конкретных доказательств и поэтому отречется от учения Фомы. В этом развитии, Зигер, таится зло, но вы, молодежь, не хотите это осознать...

Ломбарди молчал. Наверное, Штайнер прав в своих предположениях, но не в своем к ним отношении. Они предвидели подобное развитие и даже его приветствовали. Отделение церкви от светской жизни — это то, чего они, *moderni*, хотели, к чему стремились. Но говорить об этом человеку, который вместе с ним наблюдал агонию науки, основанной на вере, он не стал. У того и так кровоточит сердце. Поэтому он просто сказал:

— Оставьте, Штайнер, — и демонстративно сунул книгу в мешок.

Но мешок простоял в углу гораздо дольше, чем планировалось. Хотя он и послал письмо в Хайдельберг, все-таки лучше отправиться туда самому.

Но за два дня до отъезда на улице его остановил нищий, который сунул ему в руку записку. Ломбарди решил, что в город вернулся Найдхард, поэтому торопливо положил бумажку в карман плаща. День прошел в обычных делах, и только к вечеру Ломбарди собрался с духом и решил прочитать послание. Развернув скомканный листок, он сразу же узнал мелкий, аккуратный почерк.

Прежде чем уехать из города, пожалуйста, навестите меня еще раз. Вы меня найдете у святых ангелов-защитников.

Софи

Ломбарди уставился на лист.

День, в который он решил окончательно покинуть Кёльн, выдался пасмурным. Над городом нависли тучи. Самое подходящее время для тоски. И все-таки он был рад, что

отправляется к другим берегам. Пока здесь будут пытаться пустить часы на церковной башне в обратную сторону, он пойдет навстречу новому времени. На рынке он заметил Штайнера, но решил не подходить. А Штайнер как будто почувствовал: повернул голову. Ломбарди только улыбнулся.

Он направился к Марсовым воротам на Шильдергассе. Над церковью Святой Клариссы висели мрачные тучи. Когда он остановился, чтобы оглянуться еще раз, к нему подошли три молодых человека и спросили про факультет. Он объяснил, как пройти к коллегии, и поинтересовался, откуда они.

— Из Хайдельберга, — ответил один. — Там уже три года не жалуют реалистов, испугались гуситской ереси.

Ломбарди засмеялся. «Вы пришли по адресу, здесь боятся совсем другой ереси», — промелькнуло у него в голове.

— Ну что ж, вперед, — сказал он ухмыляясь. — И внимательно слушайте, что вам будут говорить старики.

Он пошел к монастырю. У ворот монахиня спросила, что ему нужно. Он заколебался.

— Софи Касалл у вас?

Она покачала головой.

Он вытащил из кармана записку.

— Я знаю, что она здесь. Вот что она мне передала.

Монахиня посмотрела на него испытующе.

— Кто вы?

— Магистр *artes liberales*.

Она взглянула на записку Софи, потом велела ему подождать и исчезла в доме. Чуть позже вернулась и пригласила его войти. В помещении, освещенном только масляной лампой, в простой одежде послушницы перед ним стояла Софи Монахиня тихо закрыла дверь.

— Это сделал канцлер. Это он отправил меня сюда.

— В монастырь? Он хочет, чтобы вы закончили свои дни в монастыре?

— Монастырь или обвинение в ереси. Что бы выбрали вы?

— Неужели все было так плохо?

Софи кивнула.

— Да, огонь разжигали не только клирики, но и магистры. Вас поэтому не было? Чтобы не пришлось пачкать руки?

Он опустил глаза. Она была права и знала об этом.

— А если кто-нибудь когда-нибудь догадается?

Она горько рассмеялась:

— О, я ношу другое имя, все повторяется. Постепенно начинаешь привыкать.

Он ощутил возникшее между ними отчуждение. Он исчез, а она лицом к лицу столкнулась с самой ужасной из всех возможностей. Быть заживо похороненной в монастыре — наверное, это последнее, к чему она могла бы стремиться.

— Отсюда наверняка можно сбежать, — сказал он тихо, потому что никак не мог осознать, что потерял ее навсегда.

Она протянула руку, коснулась его темных волос и глубоким взглядом посмотрела в его васильковые глаза, которые так любила.

— Сегодня вечером меня увезут из города. Канцлер сказал, что вчера вернулся муж

Гризельдис. Вы же знаете, он торгует пряностями. Завтра его корабль отплывает в Нидерланды, а оттуда в Египет. У нас с канцлером был очень долгий разговор. Может быть, я обязана ему жизнью, кто знает... И он совсем не невежественный упрямый старый клирик, у которого в голове нет ничего, кроме пунктов устава. Нет, он правильно понял причины, которые мною двигали. Иногда мне даже казалось, что я разговариваю со Штайнером. Я поеду в монастырь сестры Гризельдис, которая, добрая душа, за меня похлопотала.

— Я не хочу... — тихим голосом перебил ее Ломбарди, — я не хочу, чтобы ты жила пленницей.

— Может быть, в Сицилии, куда они собираются меня отправить, я и стану пленницей, но сестра Гризельдис якобы пишет книги, так что моя ссылка может оказаться достаточно приятной.

— Значит, они уже всё подготовили, — пробормотал Ломбарди. Канцлер отошлет Софи, кошмар его беспокойных ночей, на корабль, как будто это бочонок с вином, и отправит прочь. Чтобы наконец от нее избавиться.

Открылась дверь, и вошла монахиня.

— Вам пора идти, господин магистр.

Времени на прощание не осталось. Ломбарди развернулся и вышел.

Вернувшись в схолариум, он столкнулся в дверях с Лаурьеном, который тоже собрался в дорогу.

— Мы могли бы путешествовать вместе, — сказал юноша, и Ломбарди кивнул. Им было по пути, потому что он, прежде чем отправиться в Хайдельберг, собирался навесить сестру в Нойссе. Так что они вместе покинули город, не догадываясь, что вернутся обратно гораздо раньше, чем рассчитывали.

На постоялом дворе «У колокола» останавливались в основном паломники, направляющиеся на юг. Немощные, старые и больные за небольшую плату получали здесь спальное место в просторной комнате, еда была хорошей, а вино — дешевым. Здание располагалось на бойкой улице. Оно чем-то напоминало убежище бандитов. Конечно, паломников никто не трогал, но уже не один богатый простофиля расстался здесь с жизнью. У разбойников был наметанный глаз, они легко определяли тех, кто на первый взгляд был беден как церковная мышь, а под плащом прятал набитый золотом мешок.

До постоялого двора Ломбарди с Лаурьеном добрались ближе к вечеру. Они шли всего два часа, но мысль о еде заставила их зайти на огонек. В переполненном помещении на скамьях сидели паломники, давая отдых своим усталым ногам. Две женщины внесли полные миски. Паломники сдвинулись и освободили место вновь прибывшим. Ломбарди с Лаурьеном заказали пиво и хлеб, а потом каждый углубился в свои мысли. Вокруг было шумно: люди болтали и делились впечатлениями о святых для каждого христианина местах.

— Через несколько месяцев ты снова вернешься в Кёльн? — наконец спросил Ломбарди, с удовольствием поглощая свежий, еще теплый хлеб, который служанка положила на стол.

Лаурьен покачал головой:

— Не думаю. Наверное, лучше, как и отец, стану писарем.

Ломбарди ничего не ответил. Он думал о Софи и о том, что потерял ее навсегда. Его не отпускало возникшее еще во время поездки в Каленберг горькое чувство. Оно мучило его с тех самых пор, как он сбежал с этого процесса, не очень хорошо понимая почему.

Представлявшаяся величественной наука вдруг показалась ему шутовской пляской. Как на карнавале. Что ею движет, что развивает ее? Ведь ученые ведут лишь бесполезные споры. Разве Софи не была права, утверждая, что магистры просто-напросто глупцы?

В этот момент Лаурьен вдруг схватил его за рукав:

— Посмотрите, посмотрите же...

Он повернулся. В зал вошли трое. Они скинули капюшоны, осмотрелись и направились в самый дальний угол. Ломбарди почувствовал, что кровь бросилась ему в голову. Пальцы Лаурьена больно вцепились ему в руку.

— Это они, убийцы Домициана, я их точно узнал, вон, один...

Лаурьен не усидел на месте. Вскочил и уставился на вошедших, а они опустились в темном закутке на скамейку и во все горло заорали, требуя пива.

— Заткнись! — прошипел Ломбарди и попытался вырвать руку.

Но Лаурьена было не удержать.

— Но я уверен! Я их видел! Это они...

Вдобавок ко всем несчастьям взгляд Найдхарда заскользил по залу. Он узнал Ломбарди и послал ему легкую улыбку, что окончательно вывело Лаурьена из себя. Этот человек улыбается. Почему он улыбается? И кому? Лицо Ломбарди окаменело, и все-таки улыбка предназначалась ему, потому что его, Лаурьена, они не знают. Найдхард приветственно поднял руку, намереваясь встать и подойти. Лаурьен упал на скамейку.

Найдхард приблизился, наклонился к Ломбарди и спросил: «Вы покинули факультет?» А потом засмеялся и обратился к одной из служанок с вопросом о ночлеге.

— Вы с ним знакомы? Откуда вы его знаете? — Лаурьен слегка отодвинулся от Ломбарди, как будто возле него сидел дьявол, который только теперь показал свое истинное лицо.

— Нам следует уйти, — пробормотал Ломбарди и сделал попытку встать, но Лаурьен снова схватил его за руку.

— Уйти? Теперь, когда я их нашел? У них на совести Домициан, а вы хотите уйти?

Ломбарди недовольно отпихнул его руку и поднялся. Если он считал, что Лаурьен оставит его в покое, то ошибся. Юноша молнией метнулся за ним, выскочил на улицу и преградил ему дорогу.

— Если вы этого не сделаете, то сделаю я. А если я побегу в Кёльн и сообщу, где их искать...

Ломбарди сверху вниз посмотрел на мальчишку. Нелепая мысль промелькнула у него в голове не лучше ли просто затащить его в ближайшие кусты и свернуть шею.

— Ну так иди, — только и ответил он.

— Откуда вы их знаете? Вам было известно, что они убили Домициана, теперь мне все ясно. Поэтому вы молчали и заставили Штайнера и судей обыскать весь Кёльн, хотя он давно мертвый лежал в Вайлерсфельде. А может быть, вы даже заодно с ними.

Для Лаурьена больше уже не было пути назад. Наконец-то он нашел объяснение странному поведению Ломбарди, в голове его распутались тысячи переплетенных нитей. Он приплясывал на дороге как человек, готовящийся к нападению.

— Тихо, — цыкнул на него Ломбарди.

— Это правда! — закричал Лаурьен. — И вы все время это знали!

— И ты твердо решил вытащить на свет эту, как ты говоришь, правду? — тихо пробормотал Ломбарди.

Лаурьен кивнул:

— Да. Я возвращаюсь в город. Они останутся здесь на ночь, так что у стражников будет достаточно времени, чтобы их арестовать.

«Наверное, мне угрожает опасность, — подумал Ломбарди, — и положение можно исправить только решительными действиями. А что, если оглушить его и где-нибудь спрятать? Или даже убить и заткнуть ему рот навсегда».

— Если ты все расскажешь, они и над тобой устроят процесс, потому что ты преступно долго скрывал известные тебе сведения.

— Ну и что, подумаешь. Учиться я все равно больше не собираюсь. Но что будет с вами? Какое вы имеете к ним отношение?

Ломбарди, пока стоял на дороге и смотрел, как вокруг него скачет Лаурьен, почувствовал бесконечную усталость. И сам себе вдруг показался чрезвычайно глупым. Построить всю свою жизнь на абсурдных предположениях философов. На сплошной теории. Где нет ничего настоящего, доступного органам чувств. Из посеянного зерна вырастает зерно, его можно увидеть и потрогать. Именно чувство нереальности уже много дней, нет, недель, преследовало его по пятам, словно дикий зверь. Незаметно, как отражение в зеркале. Смерть души. Да, это похоже на смерть души.

— Ну хорошо, — сказал он. — Пошли обратно.

Лаурьен уставился на него:

— Вы пойдете со мной?

— Да, я пойду с тобой.

— Я понятия не имею, какие у вас с ними дела, но ведь для вас это может иметь более неприятные последствия, чем для меня.

— Верно. А вдруг это к лучшему? Тебе этого не понять.

Лаурьен кивнул. Ломбарди видел, что он успокоился. Преступники ничего не подозревают, наверняка набили себе брюхо и ночью будут спать без задних ног. И это хорошо.

— Пошли, — сказал Ломбарди.

С наступлением ночи ее собирались отправить вниз, к гавани, где ждал корабль, готовящийся отплыть на следующее утро. Лошадь уже здесь, в провожатые Софи дали монаха-францисканца. Кроме него, канцлера и монахинь монастыря Святой Клариссы, никто не знал, что она собирается покинуть город. Они поехали к старому рынку. Вечер был теплым, безветренным. На рынке царил деловая суеда, люди собирались кучками и болтали, подводя итог прошедшему дню. Никто не обращал внимания на монаха и монахиню, пересекающих рыночную площадь. И вдруг лошадь монахини встала на дыбы. На лицо всадницы упал свет факела, и стоящая возле дороги в ожидании мужа крутильщица нити тут же узнала ее, поскольку раньше жила по соседству.

— Смотрите, вон едет Софи Касалл, ведьма!

Сотни глаз обратились к монахине. На этой лошади с таким же успехом могла сидеть коза или ангел — им было все равно. Это была ведьма, и тут же все поверили, что знают ее лицо, даже если до сих пор они разу не видели Софи Касалл. По толпе пронесся крик, и народ бросился к лошади, чтобы стащить ведьму вниз. Софи вскрикнула, монах сделал попытку схватить поводья, но толпа оттеснила его. Он попытался пробиться к своей подопечной, но добраться до нее было уже невозможно. Софи подхватили за руки и за ноги

и потащили по улице к рыночной площади Монах в отчаянии бросился за ними, а они все громче и громче вопили: «Казнить ее, сжечь на костре эту ведьму!..»

Францисканец в растерянности озирался. А потом заспешил туда, где жил канцлер, и вдруг с налету наткнулся прямо на Штайнера, который с удивлением схватил его за руку:

— Что случилось? О чем кричат эти люди?

Монах, смертельно бледный и с дрожащими ногами, показал в сторону рынка:

— Они стащили ее с лошади и сейчас разорвут на куски.

— Кого?

— Софи Касалл. Сегодня она должна была из города...

Штайнер впился в него глазами. А потом велел немедленно известить канцлера и заспешил к рынку. Тем временем толпа успела оттащить свою жертву довольно далеко. Появились стражники, решившие посмотреть, что там за восстание. У них в руках были палки, предназначенные для разгона толпы. Штайнер протискивался сквозь бушующее человеческое море. Он увидел Софи, которую мужчины держали, вцепившись ей в руки и ноги. Одежда свисала с нее клочьями бедра и грудь были обнажены.

«Что здесь происходит?» — прокричал один из стражников, и вся толпа одновременно взревела: «Ведьма, ведьма, мы поймали ведьму!»

Охваченный ужасом Штайнер озирался. Вокруг были только перекошенные физиономии, страшные, похотливые морды, каждый старался протиснуться вперед, стремясь ухватить кусочек от одежды ведьмы. Эти люди изливали свою затаенную многолетнюю ярость. Их глотки раздирал оглушительный крик, они стремились вперед туда, где уже рвали ведьму на части Софи дотащили до позорного столба, и толпа завопила; «Привязывайте ее, привязывайте!» Софи подняли, просунули ей руки и ноги в колодки. Кто-то вспомнил про повозку — ведь тащить ее в Мелатен было слишком далеко, но толпа и так получала удовольствие, ведь теперь можно было плевать в страдальцу, забрасывать ее грязью и нечистотами. Откуда ни возьмись появился факел, его поднесли к разодранному платью ведьмы.

— Этого ни в коем случае нельзя допустить! — закричал Штайнер стражникам, которые, размахивая палками, наконец сумели проложить себе дорогу к столбу. Послышался конский топот, Штайнер обернулся: наверняка это люди главы города.

И вдруг его взгляд наткнулся на маленького, сдавленного толпой человека. Сил на сопротивление у него не было. Его просто толкали перед собой. Так бурный прилив гонит к берегу грязь и камни. Подоспевшие всадники топтали копытами своих лошадей тех, кто не успевал увернуться в сторону. Это еще больше разгорячило толпу, а многие в панике сами давили упавших. Штайнер потерял карлика из виду, толпа просто подмяла его под себя. Схватив за плечо оказавшегося поблизости стражника, Штайнер прокричал ему прямо в ухо, что там, впереди, лежит убийца Касалла. «Да как его найти в этой безумной давке?!» — заорал стражник. Но все-таки они пробились к тому месту, где на земле валялся де Сверте. Толпа буквально расплющила его, а он, поскольку был очень мал, защититься не мог. Он уже не двигался. Ноги его были раздроблены, кровь сочилась сквозь темное сукно, текла из страшной раны на голове — видимо, лошадь задела его копытом. Люди перелезали через него, некоторые наступали прямо на тело. Стражник подхватил карлика на руки, утащил подальше, в маленький переулок, где было чуть спокойнее, и крикнул Штайнеру, чтобы тот сам о нем позаботился, потому что ему нужно назад, посмотреть, что там с ведьмой. Де Сверте не шевелился, лежа в луже крови. В его светлых волосах застряла грязь. Штайнер

постучал в ближайшую дверь. Никто не отозвался. Тогда он нажал на ручку и вошел.

В конце Зеверинштрассе, там, где в городские ворота вошли Ломбарди и Лаурьен, еще царил покой. До рыночной площади было довольно далеко, а дом судьи находился на Ульренгассе, в стороне от беснующейся толпы. Судья выслушал их, записал название постоянного двора и обещал принять меры прямо сегодня, прежде чем убийцы успеют скрыться. Ломбарди был немногословен, возможность говорить он предоставил Лаурьену, который признался, что однажды наблюдал за их непотребством, но считает себя обязанным сделать это заявление, чтобы гибель Домициана была наконец отомщена. Потом наступила очередь Ломбарди. Да, он знает, кто они такие, когда-то он имел с ними дело, — зачем увливать, если Найдхард и его люди все равно его уличат, потому что будут уверены, что выдал их именно он. Так что он выложил все, что многие годы хранил как страшный клад. Лицо судьи было серьезно, а в конце беседы он дал понять, что им обоим следует оставаться в Кельне.

Штайнер обнаружил, что в доме никого нет, и втащил де Сверте на кухню. Он взял воды из стоящего на плите ведра и обтер ему кровь с лица и ног. Веки карлика дрогнули, и небесно-голубые глаза встретились с глазами Штайнера.

— Штайнер, — вырвались из его горла тихие каркающие звуки, и он провел рукой по ране на голове.

— Не засыпать, — сказал Штайнер, — постарайтесь не спать.

Но веки де Сверте уже снова опустились.

— Софи, — пробормотал он, — они ее нашли...

— Да, они ее нашли, — повторил Штайнер.

Карлик молчал.

— Вы убили Касалла, — сказал Штайнер.

Карлик открыл глаза.

— Мои дела плохи, не так ли?

Штайнер кивнул.

— Вы могли бы облегчить душу, рассказав мне правду.

— Вы что, считаете, что тогда Бог смилостивится и не отправит меня в ад? О, так просто Бога не обманешь. Он знает, на что я способен. Но разве он меня не покинул? Разве не отдал в руки дьяволу? Кто вам сказал? Студент?

— Да.

Де Сверте снова закрыл глаза. Тут Штайнер вытащил из кармана кольцо.

— Это нашли у вас в лаборатории, и я слишком поздно догадался, чье оно. Ведь это были вы, не так ли? Вы стащили кольцо у него с пальца?

Из раны снова полилась кровь, теперь она покрывала лоб приора как тонкая вуаль. И снова Штайнер стер кровь, а карлик открыл глаза и посмотрел на кольцо.

— Вы знаете, кому оно принадлежало? — тихо спросил он.

— На гербовое животное я обратил внимание во время похорон, но потом никак не мог вспомнить точно. Он изображен на гербе фон Земперов, на карете, но я об этом забыл. И только пару дней назад в голове у меня словно вспыхнула та картина. Я думал, это ласка, а это барсук. И теперь, естественно, я задаю себе вопрос а как кольцо попало к вам?

Де Сверте закрыл глаза.

— Все думают, что Домициана шнуром задушили сектанты... Да, это недалеко от истины: он за ними подглядывал — следовательно, должен был расплатиться. — Его глаза превратились в узенькие щелочки, на губах появилась улыбка. — Вы подозревали, что Домициан шел по Марцелленштрассе и убил Касалла. По Марцелленштрассе он и на самом деле шел, но, когда он появился, Касалл был уже мертв. Он видел, как я тащу к колодцу труп, и ждал, пока я закончу. Я сунул в книгу загадку, разложил одежду и заорал. Я сбежал через стену, и, когда пришел в схолариум, он уже меня поджидал. Я был у него в руках. Да, мой план с треском провалился. Скажу вам, он был страшный человек, дьявол в облики ангела. Он дергал меня за ниточки, говорил, что примет решение относительно платы за молчание. Так одна тайна повлекла за собой другую. Но еще до того как он успел назначить цену, я последовал за ним к руинам. Я подслушал разговор Ломбарди и Лаурьена, которому не терпелось поделиться с кем-нибудь своей тайной насчет сектантов. В общем, я отправился за Домицианом в Вайлерсфельд и видел, как те его ударили и сбежали. Столь удачной возможностью нельзя было не воспользоваться. Я задушил его и послал судье анонимное письмо... Ах да, наверное, вам еще интересно, как я выбрался из горящего дома. Очень просто, там была вторая дверь. Крест я оставил, чтобы вы поверили, будто я сгинул в пламени. Но ведь вы так и не поверили, правда?

— Не поверил. Ваших костей не нашли — значит, вы остались живы. Но почему дом взлетел на воздух? Вы намеревались лишиться себя жизни?

Де Сверте покачал головой:

— Взрыв мог случиться в любой момент. В отличие от занятий пустыми умопостроениями работа с настоящей материей таит в себе опасность.

Голос де Сверте слабел, так что Штайнеру пришлось приложить ухо к его губам, чтобы разобрать всё. А потом он встал, принес еще одно полотенце и воду, потому что кровь уже заливала карлику глаза. «Искать сейчас врача бессмысленно», — подумал Штайнер. И все-таки подошел к двери. С рынка доносились вой и крики, как будто Софи уже давно горит у столба, но он не видел клубов дыма и не чувствовал запаха горелого мяса. Закрыв дверь и вернулся к карлику.

— А все думали, что смерть Домициана на совести братьев свободного духа, — пробормотал он и посмотрел на де Сверте. Но тот уже ничего не слышал.

Тем временем на площади собралось большое количество стражников, они старались сдержать кровожадную толпу. Они окружили привязанную к столбу женщину и пытались ее освободить. Софи Касалл казалась скорее мертвой, чем живой. Голова у нее свесилась на грудь, а конечности стали похожи на жидкий воск, — стражники с трудом вытащили ее руки и ноги из отверстий. Потом стражники взвалили полумертвую женщину на плечи и под возмущенные крики толпы внесли ее в один из домов, расположенных прямо на площади. Тело положили на широкое бревно возле двери и в окно наблюдали, как народ постепенно расходится, страшной руганью выражая свое недовольство. К ложу Софи Касалл приблизилась темная фигура — канцлер. Пожилая женщина, хлопотавшая над ней, попросила его выйти:

— Мне нужно снять с нее рваную одежду, вы же видите, она почти голая...

Канцлер кивнул и направился было к выходу, но тут в дверь решительно постучали. Стражник осторожно открыл. Это был Штайнер, взволнованный и очень усталый.

— Де Сверте при смерти, — сказал он, бросив взгляд на Софи, и добавил, что у него на

совести убийство не только Касалла, но и Домициана.

Канцлер изумленно воззрился на Штайнера:

— Де Сверте? Как так де Сверте? Я считал, что это были сектанты! Час назад Ломбарди сделал заявление, которое будет стоить ему карьеры, если не произойдет чуда...

Заявление Ломбарди и его явка с повинной были лишены всякого смысла. Ради истины или того, что он считал таковой, он поставил на карту свою карьеру и теперь понял, что сделал это напрасно, ведь Найдхард и его приспешники только избили Домициана. На процессе они признаются, что убили студента Маринуса и закопали его труп у ворот города, но Ломбарди об этом так никогда и не узнает.

Теперь он, близкий к отчаянию, сидел в доме судьи и размышлял о бессмысленности своего поступка и о горькой иронии жизни. Возвращение домой придется отложить, потому что ему предстоит выступить на процессе в качестве свидетеля и давать показания против секты. Софи для ее же безопасности снова отправили в главный приход; в гавань ее отвезут только завтра утром, когда улягутся страсти. В дверь постучали, и вошла Гризельдис.

— Пойдем, — сказала она.

Корабль, который должен был забрать Софи, отправится в Нидерланды, а там товар перегрузят на другое судно, которое направится к берегам Сицилии. Муж Гризельдис занимался торговлей, и взять с собой женщину ему ничего не стоило. Он уже возил паломников, художников и знаменитых врачей, выразивших желание посетить факультет в Салерно.

Чтобы в целостности и сохранности добраться до гавани, Софи получила от канцлера платье паломницы. На этот раз проводить ее вызвалась Гризельдис.

— Если тебя спросят, говори, что направляешься в Сантьяго-де-Компостела. На борту есть и другие паломники, они уже не в состоянии проделать пешком столь дальний путь, к ним и присоединишься. А теперь прощайся...

Гризельдис встала и открыла дверь. Прислонившись к стене, в коридоре стоял человек. Он нерешительно вошел в комнату. Это был Ломбарди.

— Гризельдис обещала дать мне твой адрес, — робко заговорил он, — и если после процесса они меня отпустят, может быть, я смогу...

— А они это сделают?

— Предположительно. Они же не могут отправлять на костер каждого, кто имел дело с еретиками.

— Но на что вы будете жить, если лишитесь работы?

— О, я могу поселиться у дяди, он рыцарь-разбойник.

Ломбарди подошел ближе и схватил Софи за руку.

— Я напишу тебе. Мы сможем обмениваться идеями или беседовать о червяках, которые висят на удочке. Как ты считаешь?

Софи засмеялась. А потом попросила Гризельдис принести ей нож, отрезала прядь своих волос и обменяла ее на локон Ломбарди. Время поджимало. Она ушла, не взяв с собой ничего, кроме зажатого в руке локона.

Канцлер задумчиво сидел за столом и размышлял о происшедшем. До сих пор в Кельне дело редко доходило до погромов, да и ведьм сжигали не слишком часто. Но времена

меняются, подумал он озабоченно, и то, что вот-вот начнется по всей империи, а именно охота за инакомыслящими, не минует и Кёльна.

Где-то рядом по деревянному полу процокали сандалии монаха. Пришла весна, но канцлер чувствовал лишь отвращение и омерзение. Когда начинали петь птицы и расцветали цветы, которые он раньше так любил, когда небо становилось голубым и приветливым, настроение у него резко портилось. Появлялось ощущение нереальности. Как будто в этой жизни он всего лишь сторонний наблюдатель. Он устал.

В дверь постучали. Вошел Штайнер, следом за ним Ломбарди. Они спросили, не помешали ли, канцлер лишь покачал головой. Они сели за стол. Ломбарди хочет сделать официальное заявление, но то, что предстояло зафиксировать на бумаге, и так уже знали все, по крайней мере на факультете. Слепленный студент, которому теперь придется расплачиваться за грехи молодости своей карьерой, если не найдется факультета, который все-таки его примет.

Сейчас все они думали об одном и том же.

— Его следует простить, — тихо сказал Штайнер.

Канцлер кивнул. Что ему ошибки Ломбарди? Скоро его канцлерский пост займет другой.

— Вы ведь тоже разводите розы, Штайнер, — сказал он, улыбаясь так, как будто розы — это самое важное, что есть в жизни. Только бы освободиться от этого ощущения нереальности.

— Пусть теперь другие заботятся о познании и воле, — ответил Штайнер, — а мы будем заботиться о розах.

Канцлер рассмеялся:

— Вы правы. А как насчет вас, Ломбарди?

На черные волосы Ломбарди упал отблеск заглянувшего в окно солнца.

— Мой отец — аптекарь в Берне. Может быть, я научусь смешивать порошки. Он никогда не хотел, чтобы я изучал *artes liberales*, и все время твердил, что этим на хлеб не заработаешь. В общем-то, я не очень расстраиваюсь, по крайней мере не так, как должен бы. Вот только случившееся не дает мне покоя... Как же это получилось... вы наверняка меня понимаете... Зачем было признаваться, какой смысл!

Канцлер молча кивнул.

— А де Сверте?

— Де Сверте мертв. Все загадки разгаданы, мертвые отомщены. А я скоро удалюсь на покой и попробую размышлять исключительно о цветах.

— С софистикой покончено?

— Да, — пробормотал канцлер, — покончено. Наконец-то я начну изучать реальность, только и исключительно реальность.

Ломбарди ничего не ответил. Он тоже думал именно об этом.

— Итак, призрак нереальности исчезнет, как только окончательно будут изгнаны пустые конструкции, — наконец произнес он тихо.

— Но только не повторяйте этого при других кёльнских магистрах, — с улыбкой заметил канцлер.

Но Штайнер, поднявшийся и подошедший к окну, покачал головой:

— Знаете, Ломбарди, это не две разные вещи, они нераздельны, не забывайте об этом, даже если сейчас философия кажется вам призраком. Призраки тоже реальны, пусть только

и в нашем представлении.

Ломбарди встал. Он попрощался с канцлером, приветливо кивнул Штайнеру и, выскользнув за дверь, тихо прикрыл ее за собой. Штайнер посмотрел вслед своему молодому коллеге и повернулся к окну.

— Первые розы уже расцвели, — сказал он, глядя в сад.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Чтение. — *Здесь и далее перевод с латинского; примечания переводчика.*

Трапезная.

Учебный зал.

Шесть часов.

Завтрак.

Вечер.

Обод.

Для всех.

Так в Средние века называли членов предварительного, артистического, факультета.

Человек есть вещь естественная.

Под «семью свободными искусствами» понималось два цикла дисциплин. Первая ступень обучения составляла тривиум — «три пути знания»: грамматика, риторика и диалектика (логика). Вторая ступень — квадравиум, «четыре пути знания»: арифметика, геометрия, астрономия и музыка (учение о музыке, музыкальная акустика).

Вечернее время.

Старший, назначаемый на семь дней.

«Об изобретениях».

Бозций, Аниций Манлий Северин (ок. 480–524) — римский государственный деятель и философ, отец схоластики.

Фома Аквинский (1225/26-1274) — ученый-богослов, сочинения которого стали философским обоснованием католического христианства. Основным принципом его философии — гармония веры и разума: разум способен рационально доказать существование Бога и отклонить возражения против истин веры. Интеллект, по его мнению, подчинен воле. Учение Фомы Аквинского, соединенное с методом Аристотеля (см. далее), лежит в основе томизма.

Альбертус Магнус (Альберт Великий, род. между 1193 и 1207, ум. 1280) — немецкий философ и теолог, учитель Фомы Аквинского.

«Поиски», труд Фомы Аквинского.

Простой ученик.

Аристотель (384–322 до н. э.) — древнегреческий философ. В своем учении о категориях Аристотель различает форму (силу, мышление) и материю (вещество), которые в единстве составляют действительность. Высшая действительность — Бог, чистая форма, недвижимый двигатель. Идеи (формы) — внутренние движущие силы вещей, неотделимые от них.

Дунс Скот, Иоанн (1265/66-1308) — шотландский философ, ведущий представитель францисканской схоластики. Его учение (скотизм) противостояло доминиканской схоластике — томизму: в противовес Фоме Аквинскому утверждал примат воли над интеллектом и примат единично-конкретного над абстрактно-всеобщим. Стремился отделить философию от теологии.

Номинализм — направление в средневековой философии, считавшее понятия лишь именами. Номиналисты утверждали, что реально существуют лишь отдельные вещи с их индивидуальными качествами. Общие же понятия не только не существуют независимо от вещей, но даже не отражают их свойств и качеств.

Спальня.

Доверяй привычным методам.

Уильям из Шампо (1068–1121) — французский схоласт; полагал, что реально только общее, видовое; чувственные «вещи», индивиды, не больше чем призраки, хотя и имеющие свои названия.

Роберт де Сорбон — духовник короля Людовика IX; основатель Сорбонны — Парижского университета.

Оккам, Уильям (ок. 1285–1349) — английский теолог и ученый-схоласт, крупнейший представитель номинализма, один из лидеров схоластической оппозиции томизму.

На юридическом факультете.

Реализм — направление в средневековой схоластике, утверждавшее, что универсалии (общие понятия) существуют реально, независимо от сознания и предшествуют существованию единичных вещей.

Мудрость, рассудительность.

Бэкон, Роджер (1214–1292) — английский философ и естествоиспытатель. Доказывал, что знания можно получить не в богословских спорах, а только с помощью опытов, направленных на изучение природы.

Адвокат дьявола, возражающая сторона в диспуте по поводу канонизации, согласно принятой в католической церкви процедуре.

Сакральное совокупление.

Религиозные фанатики, занимавшиеся публичным самобичеванием с целью искупления грехов.

Случайные факты.

Вывод.

Невероятно.

Следствие.

Отдых и работа.

Женщина есть случайность.

Инструмент обольщения.

Верю, потому что это лишено смысла.

Современный путь.

Преступление на сексуальной почве.

Свободная любовь.

Сделай, и сделаем мы.

Предел, конец.

Остроумный доктор.

Теория отражения — учение о теории познания. Познанное является отражением того, что должно быть познано.

Совершенный, усовершенствованный, отличный, дельный.

Например.

Все течет.

Невероятно, чрезвычайно.

Мелкая германская серебряная монета.

Сабит ибн Курра (836–901) — арабский ученый.

Пример.

Букв, бог из машины; в античной трагедии развязка наступала иногда благодаря вмешательству какого-либо бога, появлявшегося на сцене при помощи механического приспособления.

До нелепости.

Теория и искусство толкования текстов.

Герметизм — религиозно-философское течение эпохи эллинизма, сочетавшее элементы философии, халдейской астрологии, персидской магии и египетской алхимии. В расширенном смысле — комплекс оккультных наук: магия, астрология, алхимия.

Маленькая лепешка из пресного пшеничного теста, заменяющая католикам в обряде причащения упоминаемый в новозаветных книгах хлеб.